

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издаётся
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
по группам специальностей:*

09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.

*Принимаются статьи
по научным специальностям:*

09.00.01 Онтология и теория познания
09.00.11 Социальная философия
09.00.03 История философии
09.00.13 Философская антропология,
философия культуры
19.00.01 Общая психология, психология
личности, история психологии
22.00.04 Социальная структура, социальные
институты и процессы
22.00.08 Социология управления
22.00.01 Теория, методология и история
социологии.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барг* (акад. МАИИ, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несея* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджо Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Философско-антропологические представления Виктора Франкла: опыт исторической реконструкции <i>Долин В.А.</i>	327	Philosophical and anthropological notions of Viktor Frankl: experience of historical reconstruction <i>Vyacheslav A. Dolin</i>
«Исповедь» Августина и трансцендентально-феноменологическая рефлексия <i>Хомутова Д.С.</i>	337	Augustine's «Confessions» and transcendental-phenomenological reflection <i>Darya S. Khomutova</i>
Медийная интерпретация этнического конфликта как акт деонтологизации этноса <i>Казарян А.Г.</i>	346	The media interpretation of the ethnic conflict as an act of deontologisation of the ethnic group <i>Armine G. Kazaryan</i>
Сущность, предпосылки и политическое самоопределение трансгуманистического движения <i>Гайшун Р.Н.</i>	352	Essence, prerequisites and self-identification of transhumanism movement <i>Roman N. Gaishun</i>
К проблеме свободы личности как основополагающего условия формирования гражданского общества <i>Бектанова А.К.</i>	364	On the problem of freedom of the individual as a basic condition for the formation of civil society <i>Aigul K. Bektanova</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Трансцендентальное единство апперцепции при психической ненормальности <i>Косилова Е.В.</i>	375	Transcendental unity of apperception in patients with mental disorders <i>Elena V. Kosilova</i>
Сущность и структура понятия «психологическое здоровье человека» <i>Жесткова Н.А.</i>	384	«Psychological health of a person»: essence and structure of the concept <i>Natalya A. Zhestkova</i>
Личностные черты как предикторы типа психологической компоненты гестационной доминанты в связи с опытом материнства <i>Корниенко Д.С., Радостева А.Г.</i>	393	Personal traits as predictors of the type of psychological component of the gestation dominant in association with maternity experience <i>Dmitriy S. Kornienko, Anna G. Radosteva</i>
Нравственная активность личности как система <i>Ряжкин А.О.</i>	406	Moral activity of a person as a system <i>Alexandr O. Ryazhkin</i>
Одиночество как междисциплинарная проблема <i>Михайлова Н.В.</i>	420	Loneliness as an interdisciplinary problem <i>Natalya V. Mikhailova</i>

Профессиональная карьера менеджеров: среда организации, стиль руководства, динамика мотивации и удовлетворенности <i>Кузнецова Е.В., Толочек В.А.</i>	429	Professional career of managers: the environment of the company, the style of management, the dynamics of motivation and job satisfaction <i>Elena V. Kuznetsova, Vladimir A. Tolochek</i>
--	-----	--

СОЦИОЛОГИЯ

Культурные аспекты дискурса европейской идентичности <i>Шишкина Е.В., Викторова Е.В.</i>	437	Cultural aspects of the European identity discourse <i>Evgenia V. Shishkina, Elena V. Viktorova</i>
Эмпирическая состоятельность концепта «социальный капитал»: проблема дезориентированных ответов <i>Кузнецов А.Е.</i>	450	The empirical groundedness of the «social capital» concept: the case of disoriented answers <i>Alexander E. Kuznetsov</i>
Дискриминация инвалидов на рынке труда как проявление социальной эксклюзии <i>Нацун Л.Н.</i>	463	Discrimination of people with disabilities in the labor market as a source of social vulnerability <i>Leila N. Natsun</i>
Международная трудовая миграция в Пермском крае: проблемы и перспективы <i>Бородкина О.И., Лузянина Е.Г., Внутских А.Ю.</i>	474	International labor migration in the Perm region: problems and perspectives <i>Olga I. Borodkina, Ekaterina G. Luzyanina, Alexander Yu. Vnutskih</i>
Информация для авторов	484	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)+159.964.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-327-336

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВИКТОРА ФРАНКЛА:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ***Долин Вячеслав Александрович**Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина*

Статья посвящена исторической реконструкции системы философско-антропологических представлений, фундирующих логотерапию Виктора Франкла. В методологическом аспекте статья опирается на концептуальные средства платонизма и аристотелизма. В целях содержательной реконструкции системы философско-антропологических представлений В. Франкла рассматриваются представления о сущности, существовании, предназначении и насущных задачах человека. При описании философско-антропологических представлений В. Франкла на языке платонистской и аристотелистской традиций понимания человека сущность и существование человека объединяются как онтологическая диада, а предназначение и насущные задачи человека — как аксиологическая диада. Результаты осмысления Франклом онтологической диады позволяют рассматривать его как «спасителя платонизма» в ситуации доминирования эмпиризма и сциентизма в философской антропологии (традиция Декарта – Канта – Гуссерля). При осмыслении аксиологической диады В. Франкл следует аксиологическому онтологизму М. Шелера и предвосхищает имманентно-событийное понимание смысла Ж. Делёза. В антропологии В. Франкла ортогонально-холистическое понимание сущности и существования человека выступает основой интенционально-духовного способа реализации насущных задач и предназначения человека. В результате преобладающие концепты аристотелизма в антропологии В. Франкла дополняются платонистским представлением о духовном измерении человека. Интегральным результатом франкловской антропологии выступает образ *Homo noeticus* как человека светской духовности. В целом В. Франкл осуществляет синтез естественно-научного и философского понимания человека, потенциально совместимый с религиозной антропологией. Франкловский синтез платонизма и аристотелизма соответствует «аристотелистскому повороту» неклассической философии и потенциально продуктивен для осмысления особенностей реализации человеческой экзистенции в мире конвергентных технологий.

Ключевые слова: Виктор Франкл, платонизм, аристотелизм, логотерапия, смысл, антиредукционизм, конвергентные технологии.

**PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL NOTIONS OF VIKTOR
FRANKL: EXPERIENCE OF HISTORICAL RECONSTRUCTION***Vyacheslav A. Dolin**Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin*

The article deals with historical reconstruction of philosophical and anthropological theories, which substantiate Viktor Frankl's logotherapy system. Methodological foundations of the research are theoretical conceptions of philosophical anthropology in its broadest understanding and conceptual methods of platonism and aristotelianism. For the correct reconstruction of V. Frankl's system of philosophical and anthropological ideas the author reviewed concepts of essence, existence, meaning of life and actual problems of human being. Description

of the philosophical and anthropological ideas of V. Frankl in the discourse of platonic and aristotelic traditions unites human nature and human existence in ontological dyad, and the meaning of life and actual problems of human being in axiological dyad. V. Frankl's perception of ontological dyad give reasons to perceive him as «savior of Platonism» in situation of empiricism and scientism dominance in philosophical anthropology (in the tradition of Descartes – Kant's – Husserl's). V. Frankl's analysis of axiological dyad follows the idea M. Scheler's axiological ontologism and foresees G. Deleuze's immanent and event-related understanding of meaning. According to V. Frankl's anthropology the orthogonal and holistic understanding of human nature and existence of human being form the basis for the intentional and spiritual way to the realization of actual problems and human destiny. Integral result of V. Frankl's anthropology is an image of *Homo noeticus* as a human of secular spirituality. As a result, predominant concepts of aristotelianism in V. Frankl's anthropology complemented with platonic spiritual dimension of human being. In general V. Frankl provides synthesis of scientific and philosophical understanding of human being which is potentially compatible with religious anthropology. V. Frankl's synthesis of platonism and aristotelianism corresponds with «aristotelic turn» of non-classical philosophy and potentially may be efficient for understanding peculiarities of human existence realization in the world of convergent technologies.

Keywords: Viktor Frankl, platonism, aristotelianism, logotherapy, meaning, antireductionism, convergent technologies.

Введение

Для современной философской антропологии в ее широком понимании характерно возрастание популярности натуралистически-сциентистского понимания человека, что обусловлено экспоненциальным ростом естественно-научных знаний о человеке и прогрессивным развитием основанных на них NBIC-технологий (нано-, био-, инфо- и когнитивные). Вместе с тем «натуралистический поворот» в современном антропологическом дискурсе [Алейник Р.М., 2013] ставит вопрос о необходимости формирования новой синтезирующей концепции человека, в рамках которой будет осуществлена интеграция объективистско-сциентистского и субъективистского понимания человека [см. также: Буржуазная философская..., 1986]. Главным результатом данной концепции станет описание реализации человеческой экзистенции в мире конвергентных (NBIC) технологий.

Важным средством формирования будущей синтезирующей концепции человека является анализ исторического развития концептуальных представлений о человеке. В ситуации плюралистичности философского знания и сосуществования классического и неклассического вариантов философствования возникает потребность выбора единого методологического инструментария вышеназванного анализа. В данном контексте весьма перспективны антропологические представления платонизма и аристотелизма. Помимо древности, авторитетности и представленности во всех основных этапах истории философии их преимуществом является относительная

простота и ясность мысли, возможная лишь для ранних периодов истории философии.

С учетом вышесказанного возникает необходимость рассмотрения конкретных вариантов комплексных концепций человека в философии и науке с позиций антропологии платонизма и аристотелизма. В данном контексте заслуживают внимания философско-антропологические представления, фундирующие логотерапию Виктора Франкла (1905–1997) [Франкл В., 1990, 1997, 2000, 2011, 2017]. Цель данной статьи — на основе содержательной реконструкции системы философско-антропологических представлений В. Франкла ответить на вопрос об их месте в истории философского понимания человека (историческая реконструкция). Хотя представления о человеке В. Франкла изучаются в психологии [см., напр.: Maslow A.H., 1966; Massey R.F., 1968] и философской антропологии [см., напр.: Бабалаева М.В., 2008; Замалиева С.А., 2012], но до настоящего времени историческая реконструкция его философско-антропологических представлений в контексте существования человека в мире конвергентных технологий не выделялась в качестве самостоятельного предмета исследования.

Объект рассмотрения в данной статье — система философско-антропологических представлений, фундирующих логотерапию Виктора Франкла, а предмет — историческая реконструкция названной системы. Для раскрытия предмета статьи необходимо решение следующих исследовательских задач: 1) содержательная реконструкция системы философско-антропологических представлений В. Франкла; 2) интерпретация названных представлений с позиций

платонистской и аристотелистской традиций понимания человека; 3) определение места философско-антропологических представлений В. Франкла в историческом диалоге платонизма и аристотелизма.

Содержательная реконструкция философско-антропологических представлений Виктора Франкла

В качестве методологической основы содержательной реконструкции системы философско-антропологических представлений, фундирующих логотерапию В. Франкла (первая задача), в данной статье выступают задачи философской антропологии. По К. Вальверде, они есть «...попытка понять человеческую личность, ... прояснить сущность и существование человека, его происхождение, предназначение и насущные задачи» [Вальверде К., 2000, с. 13]. Поскольку проблему происхождения человека В. Франкл не исследует, для решения поставленной задачи следует ответить на вопросы о сущности, существовании, предназначении и насущных задачах человека.

Концептуальной основой осмысления сущности человека у В. Франкла выступают законы дименсиональной онтологии, сформулированные на основе геометрической аналогии [Франкл В., 1990, с. 48–50]. Один объект может давать неодинаковые проекции в разных плоскостях (первый закон), а разные объекты — одинаковую проекцию в одной плоскости (второй закон). Следствием первого закона является констатация несовпадения биологической и психологической проекции человека при признании их единства «...в высшем измерении, в измерении специфически человеческих проявлений» [Франкл В., 1990, с. 50]. Второй закон помогает наглядно представить, что в человеке всегда остается тайна.

Трехмерная модель человека В. Франкла включает телесное, психодинамическое и духовное измерения. Строение сущности человека [Шелер М., 1993, с. 132] изображается в виде трех осей прямоугольной декартовой системы координат в пространстве [Лэнгле А., 2011, с. 197]. Телесное и психодинамическое измерения соответствуют горизонтальной плоскости, а духовное — вертикали относительно данной плоскости. Во избежание религиозных коннотаций для характеристики духовного измерения В. Франкл использует понятие «ноэтическое» (греч. *noesis* — мышление).

При анализе динамического аспекта человеческой сущности В. Франкл противопоставляет «психофизический организм» и «духовную личность» [Франкл В., 2017, с. 291]. Взаимодействие двух измерений человека характеризуется как факультативный ноопсихический антагонизм [Франкл В., 1990, с. 108]. При этом человек существует как целостность: «...личность неделима ... потому что представляет собой единство» [Франкл В., 2017, с. 290], «единство вопреки многообразию» [Франкл В., 1990, с. 48]. При этом «...духовное не просто присуще человеку... Духовное — это то, что отличает человека, что присуще только ему, и ему одному» [Франкл В., 1990, с. 93]. Иначе говоря, человеческая сущность носит духовный (ноэтический) характер.

При методологическом осмыслении проблемы существования человека В. Франкл отвергает и детерминированность существования только внутренними возможностями человека («потенциализм»), и понимание реальности исключительно как продукта активности субъекта («калейдоскопизм») [Франкл В., 1990, с. 70–74]. «Существовать — значит постоянно выходить за пределы самого себя» [Франкл В., 1990, с. 93]. Важнейшим условием человеческого существования выступает совесть [Франкл В., 1990, с. 39], а основными его экзистенциалами являются духовность, свобода и ответственность [Франкл В., 1990, с. 93–130].

Существование человека интенционально [Франкл В., 1990, с. 120], т.е. направлено вовне. Его динамика (или «ноодинамика», по В. Франклу) раскрывается в понятиях «самоотстранение» и «самотрансценденция». (Следует заметить, что в экзистенциально-психологической концепции А. Лэнгле в качестве синонима понятию «самоотстранение» используется понятие «самодистанцирование» [Лэнгле А., 2005, с. 110].) Самоотстранение основано на самопонимании [Франкл В., 1990, с. 81] и «вынесении себя за скобки»: «лишь в той степени, в какой я сам отступаю на задний план, ... я приобретаю возможность увидеть нечто большее, чем я сам» [Франкл В., 1990, с. 73]. Самоотстранение как «дистанция к эмоциональности» (А. Лэнгле) блокируется пандетерминизмом, который лишает человека ответственности за выбор собственного поведения [Франкл В., 1990, с. 80–81]. В свою очередь, самотрансценденция есть открытость человеческого существования, его устремленность к «логосу» как к субъективным основаниям и смыслам [Франкл В., 1990,

с. 73, 322]. Отсутствие самотрансценденции приводит к овеществлению, деперсонализации (субъект превращается в объект) и открывает двери для обусловливания и манипуляции [Франкл В., 1990, с. 82–83]. Раскрывая человеческое существование в пограничных ситуациях, В. Франкл описывает феномен «упрямства духа» [Франкл В., 1990, с. 102] и возможность даже при неврозах и психических заболеваниях обнаружить «...невредимую и неуязвимую человечность...» [Франкл В., 1990, с. 102].

В целом человек существует на трех уровнях: витальная основа, социальное положение, вместе образующие естественную заданность, и личностная позиция, установка по отношению к данной заданности [Франкл В., 1990, с. 109]. Размышляя применительно к человеку «...об энергиях и силах, которые им движут и движимы им...» [Шелер М., 1993, с. 132], В. Франкл различает причины (психофизические побуждения и инстинкты), субъективные основания (индивидуальные смыслы), а также условия: достаточные (создают и вызывают феномен) и необходимые (выступают только как его предпосылка) [Франкл В., 1990, с. 81–84]. Фундаментальной мотивационной силой человека выступает воля к смыслу, а ее условием — свобода воли [Франкл В., 1990, с. 302]. Воля к смыслу и свобода воли входят в первую триаду логотерапии [Франкл В., 1990, с. 302].

Третий ее элемент — смысл жизни — совпадает с общепризнанным концептом для описания предназначения человека. В общем виде смысл жизни представлен ценностями творчества, переживания и отношения, которые формируют вторую триаду логотерапии и определяют пути обретения смысла жизни: *отдавать миру* результаты своего труда (ценности творчества), *брать от мира* встречи и переживания (ценности переживания) и *занимать позицию* по отношению к тяжелому положению, которое невозможно изменить (ценности отношения) [Франкл В., 1990, с. 300]. Третий элемент триады дает основание утверждать, что человек, лишенный доступа к ценностям творчества и переживания, имеет «...смысл ... пройти через страдания, не сгибаясь» [Франкл В., 1990, с. 300].

Ценности отношения («трагическая триада») предполагают «осмысленное отношение к боли, вине и смерти» [Франкл В., 1990, с. 302], образуя третью триаду логотерапии. В случае боли человек занимает позицию по отношению к судьбе, которую по определению нельзя изменить, в

случае вины — по отношению к самому себе, что поддается изменению [Франкл В., 1990, с. 302]. Перед лицом смерти человек занимает позицию по отношению к своему прошлому, в котором свершившееся «...неотторжимо сохраняется в полной безопасности и надежности» [Франкл В., 1990, с. 303].

Однако универсального смысла жизни не существует. Для отдельного человека вопрос имеет смысл «...только по отношению к какой-либо конкретной ситуации и по отношению лично к нему» [Франкл В., 1990, с. 189]. Проблема смысла жизни смыкается с человеческой повседневностью.

Насущной задачей человека в антропологии В. Франкла признается «...осуществление смысла и реализация ценностей» путем свободного принятия решений [Франкл В., 1990, с. 115–116]. Также подчеркивается необходимость «...воспринять 10000 заповедей, заключенных в 10000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь» [Франкл В., 1990, с. 39]. Один из важнейших тезисов логотерапии состоит в том, что цель выдвигает сама жизнь: «...дело ... в осуществлении необходимости — того единственного, что нужно в данный момент ... стремиться всякий раз не к возможному, а к должному» (курсив мой. — В.Д.) [Франкл В., 1990, с. 70]. Иначе говоря, «у каждой ситуации есть только один смысл — ее истинный смысл» [Франкл В., 1990, с. 293]. С данных позиций критикуется доминирование в мотивационной сфере человека стремления к наслаждению, счастью, самоактуализации, предельным переживаниям, здоровью и чистой совести [Франкл В., 1990, с. 54–61], которые «...достижимы лишь как результат, но не как интенция» [Франкл В., 1990, с. 119]. В результате насущной задачей человека становится ответственный выход навстречу миру: «если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я должен» [Франкл В., 1990, с. 120]. В результате соединения утверждений в начале и конце абзаца получается, что насущной задачей человека является обеспечение ответственности при принятии свободного решения.

Для концептуального осмысления проблемы насущных задач человека необходимо понять решение В. Франклом вопроса о соотношении разума и воли. С одной стороны, с рационалистических позиций отвергается крайний волюнтаризм Ж.-П. Сартра: «нельзя стремиться к стремлению. А чтобы обнаружить стремление к смыслу, необходимо выявить сам смысл»

[Франкл В., 1990, с. 63]. С другой стороны, воля — в форме устремленности к призванию — оказывается значимее рационального познания: «...нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. ... Смысл ... выступает для человека как императив, требующий своей реализации» [Франкл В., 1990, с. 11]. Синтез разума и воли В. Франкл выражает формулой «мудрость сердца» [Франкл В., 1990, с. 88]. Однако разум и воля не рядоположены, а связаны как программа и средство ее реализации: «каждая ситуация — это призыв: сначала — услышать, затем — ответить» [Франкл В., 1990, с. 88]. В конечном итоге воля и разум соединяются в мышлении, понимаемом как эмоциональная «логика сердца» [Франкл В., 1990, с. 227].

Последняя объясняет парадоксальную ситуацию: ценности отношения выше ценностей творчества и переживания, т.е. осуществление себя важнее успеха, а отчаяние переживается острее неудачи. В результате жизнь страдающего человека — *Homo patiens* — может быть более осмысленной, чем жизнь компетентного человека — *Homo sapiens*. Подобное понимание — следствие многомерного понимания ценностей человеческого существования, где ценности отношения расположены перпендикулярно ценностям творчества и переживания [Франкл В., 1990, с. 303]. В результате В. Франкл противопоставляет феномен «отчаяния, несмотря на успех» феномену «осуществления, несмотря на неудачу» [Франкл В., 1990, с. 304–305].

Философская антропология Виктора Франкла: между платонизмом и аристотелизмом

Перейдем к описанию философско-антропологических представлений В.Э. Франкла на языке платонистской и аристотелистской традиций понимания человека (вторая задача).

Основные вопросы философской антропологии, рассмотренные при анализе первой задачи, традиционно рассматриваются попарно: «сущность — существование человека» (онтологическая диада) и «предназначение — насущные задачи человека» (аксиологическая диада). Хотя очевидно, что диады разделяются логически, но не онтологически.

Начнем с онтологической диады. В понимании сущностной структуры у В. Франкла сочетаются элементы аристотелизма и платонизма. Утверждение «...духовная личность не может осуществлять себя, минуя обусловленность пси-

хофизической организации...» [Франкл В., 1990, с. 101] является версией центрального тезиса антропологии аристотелизма: человек есть двуединство души и тела при верховенстве души.

Противопоставление «психофизического организма» и «духовной личности» [Франкл В., 1990, с. 105; Замалиева С.А., 2012, с. 291] с оговоркой, что полное соответствие тела и духа возможно лишь для «просветленного» тела, является платонистским [Франкл В., 1990, с. 101]. Соответствует платонизму и утверждение, что духовное (В. Франкл принципиально избегает понятия «дух» из-за его субстанционалистских коннотаций) — это не онтическая реальность, а онтологическая бытийность, не обладающая субстанциональным характером [Франкл В., 1990, с. 112].

В результате сущностная структура человека понимается как телесно-душевно-духовное целое, т.е. соответствует синтезу платонизма и аристотелизма при доминировании концептуальных установок последнего.

Динамика человеческого существования является двухаспектной: самоотстранению соответствует интроспективный разум (платонизм), а самотрансценденции — направленное в мир экстравертное сердце (аристотелизм). О самотрансценденции В. Франкл говорит чаще и утверждает, что «...сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции» [Франкл В., 1990, с. 51]. Однако у истоков последней оказывается основанное на платонически понимаемом разуме самоотстранение. В результате активность разума — это начало пути, завершающегося работой сердца. Налицо синтез платонизма и аристотелизма в понимании существования человека, с позиций которого В. Франкл отвергает радикальный платонизм: потенциализм, акцентирующий преформистский характер человеческих способностей, и калейдоскопизм, признающий решающую роль внутриспсихической активности для существования человека.

В целом в понимании В. Франклом человеческого существования аристотелизм преобладает над платонизмом. Но, выражаясь метафорически, платонически понимаемая работа интровертного разума — это почва, на которой произрастают цветы деятельности экстравертного сердца (аристотелизм). Хотя при гармоничном развитии человека самоотстранение налагается на предшествующий опыт, т.е. является вторичным феноменом онтогенеза.

При этом «...возможность трансцендировать себя к логосу...» в форме осуществления смысла

или в общении-встрече, т.е. в любви [Франкл В., 1990, с. 323] лишь внешне тождественна платоновскому эросу, восходящему от имманентно существующих прекрасных тел к трансцендентным эйдосам. Причиной является не только имманентный характер трансценденции, но и иное понимание конечной инстанции трансценденции. «Логос» В. Франкла есть антропологический феномен, хотя онтологический аспект существования не отрицается: «...духовное сущее “как-то” соприсутствует иному сущему» [Франкл В., 1990, с. 95]. Тезисы об «осуществлении необходимости» и об «истинном смысле» каждой ситуации сопрягают антропологическую реальность с онтологической. В результате происходит соединение интрапсихического выбора отдельного человека и объективной реальности.

Перейдем к интерпретации аксиологической диады. Рассматривая проблему смысла жизни человека, В. Франкл как психолог отвергает платонистскую программу восхождения к родовой сущности, к первообразу человека. Для него человек — это реальная и неповторимая личность, а не платоновский эйдос. Поэтому В. Франкл склоняется к аристотелистски фундированной программе индивидуализирующей антропологии, в которой понимание вещей как субстанций объединяется с энтелехией: «человек уникален как в сущности, так и в существовании» [Франкл В., 1990, с. 287]. В результате проблема смысла жизни решается радикально-плюралистически: сколько людей, столько и вариантов смысла жизни. Вместе с тем размышления В. Франкла о метасмысле и отказ от дилеммы «теистическое – антитеистическое» [Франкл В., 1990, с. 91; Shea J.J., 1975, р. 184–185] поворачивают понимание В. Франклом проблемы смысла человеческой жизни в сторону платонизма. Однако говорить о движении в данном направлении проблематично: Бог как совесть находится внутри человека, и он(а) обретается в процессе жизненного пути [Франкл В., 1990, с. 38].

Понимание насущных задач человека как «...осуществление смысла и реализация ценностей» путем свободного принятия решений [Франкл В., 1990, с. 115–116] также носит энтелехиальный характер (аристотелизм). Констатация существования «10000 заповедей для 10000 ситуаций» оппозиционна не только религии, но и фундирующей ее антропологии платонизма. Аристотелистски фундированное утверждение о том, что «...нет такой вещи, как универсальный смысл жизни, есть лишь уникальные смыслы индивиду-

альных ситуаций» [Франкл В., 1990, с. 288], соответствует призыву В. Франкла реализовать ответственность при принятии свободного решения.

Подведем итоги. При интерпретации франкловского понимания сущности и существования человека с позиций платонизма и аристотелизма получаем, что аристотелистские основания непротиворечиво дополняются платонизмом, приспособленным к имманентному пониманию существования человека.

В свою очередь, интерпретация представлений В. Франкла о смысле жизни и насущных задачах человека позволяет утверждать, что платонистское стремление к смыслу как единственно необходимому для данной ситуации реализует аристотелистски фундированную программу индивидуации (К.Г. Юнг). Онтологически смыслы — в соответствии с установками аристотелизма — носят индивидуально-неповторимый и имманентный миру характер. Каждый отдельный смысл — часть «логоса» как «объективной духовности», имманентной миру и заключающей в себе необъятность смыслов [Франкл В., 1990, с. 322]. В результате человеком движет стремление к смыслу как к должному (платонизм) и реализующимся в конкретный момент времени и индивидуально-неповторимым способом (аристотелизм).

На основе соединения двух выводов получаем два утверждения. В аспекте сущности и существования человека (онтологическая диада) аристотелизм как ведущая концептуальная программа дополняется непротиворечащими ему представлениями платонизма. При рассмотрении смысла жизни и насущных задач человека (аксиологическая диада), напротив, ведущим является платонизм, существенно ограниченный аристотелистским контекстом.

Виктор Франкл как «спаситель платонизма» в ситуации «аристотелистского поворота» неклассической философии

На основе проведенного анализа возможно определение места философско-антропологических представлений В. Франкла в историческом диалоге платонизма и аристотелизма (третья задача).

Важно осознавать, что начиная с философии Нового времени платонизм и аристотелизм влияют на философские представления о человеке опосредованно, через конкретно-исторические варианты их синтеза (Р. Декарт, Б. Паскаль, И. Кант). В неклассической философии синтез двух традиций нередко носит многоуровневый

характер, объединяя конкретные синтезы в рамках и классического, и неклассического понимания человека (З. Фрейд, Э. Гуссерль, К.-Г. Юнг, А. Адлер, философская антропология, экзистенциализм, постмодернизм).

Понимание сущностной структуры человека как телесно-душевно-духовного целого заимствуется В. Франком из философии Н. Гартмана и М. Шелера [Франкл В., 1990, с. 48]. Однако первоисточником подобного понимания является полемика с З. Фрейдом и А. Адлером, для которых человек есть телесно-душевное существо. З. Фрейд делает акцент на биологическом измерении человека, а А. Адлер — на социальном, но при этом оба автора не рассматривают духовное измерение человека, т.е. мыслят редукционистски. Поэтому исходной точкой размышлений В. Франкла является принцип антиредукционизма, в котором «...можно обобщить лейтмотив работы Франкла и даже всей его жизни» [Лэнгле А., 2011, с. 200]. В понимании самого В. Франкла редукционизм «...укорачивает человека ни много ни мало на специфически человеческое измерение» [Франкл В., 1990, с. 47].

Соединение психодинамического подхода З. Фрейда и А. Адлера с представлениями о духовном измерении человека позволяет В. Франклу пойти дальше своих предшественников: стремление к наслаждению (З. Фрейд) или к власти (А. Адлер) «...являются лишь производными от первичного, главного интереса человека — его стремления к смыслу» [Франкл В., 1990, с. 57].

Но при этом духовное не понимается В. Франком спиритуалистически. Аристотелистски фундированный тезис об обусловленности духовной личности ее психофизической организацией закономерен в контексте интереса постнеклассической философии к проблеме телесности (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти).

Рассмотрим существование человека. В. Франкл синтезирует шелеровское представление о духовном характере человеческого существования с представлениями Э. Гуссерля об интенциональности: «духовное сущее ... интенционально по своей сущности...» [Франкл В., 1990, с. 95]. И далее: «...духовное сущее реализует себя в соприсутствии, и это соприсутствие духовного сущего является его исконной способностью, его собственным первейшим достоянием» [Франкл В., 1990, с. 95]. Хотя признание соприсутствия «исконной способностью» духовного сущего далеко от представления Декарта о врожденных идеях, но оно отрицает аристотелистски

фундированное представление Дж. Локка о человеческом сознании как *tabula rasa*. Также следует понимать, что М. Шелер соединяет платонистские представления о духовном измерении человека с аристотелистскими представлениями о его телесности. Аналогичным образом мыслит человеческое существование и В. Франкл.

Анализ онтологической диады «сущность — существование человека» позволяет рассматривать В. Франкла как «спасителя платонизма» в понимании человека перед натиском фундированного аристотелизмом эмпиризма и сциентизма в современной ему психологии (З. Фрейд, А. Адлер). В данном устремлении франкловская антропология не уникальна и является продолжением соответствующей традиции в истории философии (Бонавентура, Р. Декарт, И. Кант, Э. Гуссерль, М. Шелер). Закономерно и то, что В. Франкл выступает оппонентом «психологизма» в психологии как редукции человека к психофизическому измерению.

В рассмотрении проблемы смысла человеческой жизни В. Франкл как естествоиспытатель не дает ответа на вопрос о наличии или отсутствии Бога в его традиционном онтологическом понимании, допуская его существование в интрапсихической реальности (в форме совести или интимного собеседника для общения [Франкл В., 1990, с. 126]). Интерес В. Франкла к проблеме совести позволяет проводить параллели между антропологией В. Франкла и кордоцентрической традицией в философии (Августин Аврелий, Бонавентура, Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, М. Шелер). Хотя — в духе неклассической философии — одновременно признается значение разума как основы деятельности совести (термин «ноэтический»).

Утверждение В. Франкла о существовании 10000 заповедей для 10000 ситуаций при осмыслении насущных задач человека противостоит религиозному сознанию, для которого смысл онтологически предзадан монистическим первоисточником. Стремление к необходимости и к должному есть вариант деонтологического подхода, соответствующего традиции И. Канта. Кроме того, стремление «осуществить необходимость» позволяет проводить параллели с представлениями о «жизненном мире» в генетической феноменологии Э. Гуссерля. Стремление вернуться к проблемам ценности и смысла объединяет позиции Э. Гуссерля и В. Франкла.

В результате при рассмотрении аксиологической диады «предназначение — насущные задачи человека» констатация имманентного характера

насуточных задач человека (аристотелизм) сочетается со стремлением обрести индивидуально-неповторимый смысл в понимании человеческого предназначения (платонизм). Но, в отличие от аристотелизма, эвдемонизм как путь самореализации человека отвергается В. Франклом ради платонистски фундированного деонтологизма. В свою очередь, в отличие от платонизма, смысл понимается В. Франклом не монистически-онтологически (как единый для всех и независимый от человека), а плюралистически-антропологически (как множественный и индивидуально открываемый). В последнем тезисе В. Франкл следует аксиологическому онтологизму М. Шелера, в соответствии с которым ценности рассматриваются как феномен человеческого бытия. Также следует подчеркнуть, что плюралистически-антропологическая трактовка проблемы смысла предвосхитила имманентно-событийное понимание смысла Ж. Делеза [Делёз Ж., 2011].

Выводы

Подведем итоги. Понимание человека В. Франклом есть синтез естественно-научного и философского понимания, который потенциально совместим с религиозной антропологией. Параллель с философией И. Канта налицо. Также В. Франкла в философско-антропологическом контексте правомерно назвать «адвокатом духовного» [Лэнгле А., 2011, с. 208].

Объединение представления о триединой целостности (структура сущности человека) с тезисом о напряжении между «горизонталью организма» и «вертикалью духа» (основа существования человека) при рассмотрении онтологической диады позволяет говорить об *ортогонально-холистической антропологии*. Последнюю не следует понимать абстрактно-метафизически, поскольку существование человека предполагает «...сосуществование ... единого человеческого способа бытия и различных форм бытия, в которых он проявляется» [Франкл В., 1990, с. 48].

По итогам анализа аксиологической диады «предназначение – насущные задачи человека» человек предстает как *существо интенционально-духовное*: стремление к смыслу может завершиться его обретением. Названное стремление и его возможный результат характеризуют динамическое измерение человека в ортогонально-холистической антропологии В. Франкла, которое формирует и поддерживает «вертикаль духа».

В целом правомерно утверждать, что В. Франкл прививает ветвь платонизма к древу естественно-научного аристотелизма в понима-

нии человека. В результате преобладающие концепты аристотелизма дополняются платонистским представлением о духовном измерении человека. Данный вариант синтеза платонизма и аристотелизма в историческом контексте соответствует «аристотелистскому повороту» неклассической философии.

Интегральный результат философско-антропологических представлений В. Франкла — образ человека ноэтического, *Homo noeticus* — человека светской духовности, главной способностью которого является совесть. Причастность *Homo noeticus* смыслам делает его похожим на *Homo religiosus* (человека религиозного), но индивидуально-номиналистическое понимание смысла, отрицающее наличие вне- и над-человеческих смыслов, не позволяет отождествить два образа человека.

Концептуальные представления и практический опыт В. Франкла как «поверенного человечности» [Лэнгле А., 2005] особенно ценны в контексте множественности практик современного человека в обществе потребления. Тезис В. Франкла о том, что человек есть «единство вопреки многообразию», противостоит постмодернистскому представлению о человеке как о шизофренике (Ж. Делёз) или «расщепленном дивиде» (Ю. Кристева). Также философско-антропологические представления В. Франкла могут послужить методологической основой анализа проблемы мотивации в социомических профессиях [см., напр.: Гончарова Н.А., Костылева И.В., 2015].

Остается открытым вопрос о концептуальном понимании реализации человеческой экзистенции в мире конвергентных технологий в контексте философско-антропологических представлений В. Франкла, который может стать предметом отдельного исследования.

Список литературы

- Алейник Р.М. Натуралистский поворот в философской антропологии // Философская мысль. 2013. № 3. С. 139–169.
- Бабалаева М.В. Виктор Франкл: философское истолкование смысла страдания: дис. ... канд. филос. наук. М.: Ин-т философии Рос. академии наук, 2008. 197 с.
- Буржуазная философская антропология XX века / отв. ред. Б.Т. Григорьян. М.: Наука, 1986. 295 с.
- Вальверде К. Философская антропология. М.: Христианская Россия, 2000. 411 с.
- Гончарова Н.А., Костылева И.В. Аксиологические основания надежности личности сотрудников

полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 7–11.

Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академ. проект, 2011. 472 с.

Замалиева С.А. Учение Виктора Франкла о человеке: философско-антропологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2012. 19 с.

Лэнгле А. Виктор Франкл. Портрет. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН): Ин-т экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии, 2011. 247 с.

Лэнгле А. Виктор Франкл — поверенный человечности // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 107–112.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.

Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.

Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина-нон-фикшн, 2017. 338 с.

Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2011. 105 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 132–154.

Maslow A.H. Comments on Dr. Frankl's Paper // Journal of Humanistic Psychology. 1966. No. 6. P. 107–112.

Massey R.F. A Critique of Logotherapy as a Personality Theory // International Forum for Logotherapy. 1988. Vol. 11(1). P. 42–52.

Shea J.J. On the Place of Religion in the Thought of Viktor Frankl // Journal of Psychology and Theology. 1975. Vol. 3. P. 179–186.

Получено 27.03.2018

References

Aleinik, R.M. (2013). *Naturalistskiy povорот v filosofskoy antropologii* [Naturalistic' Turn of Philosophical Anthropology]. *Filosofskaya mysl* [Philosophical thought]. No. 3, pp. 139–169.

Babalaeva, M.V. (2008). *Viktor Frankl: filosofskoe istolkovanie smysla stradaniya: dis. ... kand. filos. nauk* [Viktor Frankl: philosophical interpretation of the suffering's meaning: dissertation]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 197 p.

Deleuze G. (2011). *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 472 p.

Goncharova, N.A. and Kostyleva, I.V. (2015). *Aksiologicheskie osnovaniya nadezhnosti lichnosti*

sotrudnikov politzii [Axiological grounds for the personal reliability of a police officer]. *Psikhopedagogika v pravoohranitelnykh organakh* [Psychopedagogics in Law Enforcement]. No. 2 (61), pp. 7–11.

Grigoryan, B.T. (ed.) (1986). *Burzhuaznaya filosofskaya antropologiya XX veka* [The bourgeois philosophical anthropology of the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 295 p.

Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla: sb.* [Man's Search for Meaning: col.]. Moscow: Progress Publ., 368 p.

Frankl, V. (1997). *Doktor i dusha* [The Doctor and the Soul]. Saint Peterburg: Yuventa Publ., 287 p.

Frankl, V. (2017). *Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistentsialnyy analiz* [The Doctor and the Soul: Logotherapy and existential analysis]. Moscow: Alpina-non-fikshn Publ., 338 p.

Frankl, V. (2011). *Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktualnaya psikhoterapiya* [The Unheard Cry for Meaning. Actual psychotherapy]. Novosibirsk: Siberian University Publ., 105 p.

Frankl, V. (2000). *Volya k smyslu* [The Will to Meaning]. Moscow: Aprel-press Publ., EKSMO-Press Publ., 368 p.

Längle, A. (2011). *Viktor Frankl. Portret* [Viktor Frankl. Portrait]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 247 p.

Längle, A. (2005). *Viktor Frankl — poverenny chelovechnosti* [Viktor Frankl — Advocate for Humanity]. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 107–112.

Maslow, A.H. (1966). Comments on Dr. Frankl's Paper. *Journal of Humanistic Psychology*. No. 6, pp. 107–112.

Massey, R.F. (1988). A Critique of Logotherapy as a Personality Theory. *International Forum for Logotherapy*. Vol. 11 (1), pp. 42–52.

Scheler, M. (1993). *Chelovek i istoriya* [Man and History]. *THESIS*. No. 3, pp. 132–154.

Shea, J.J. (1975). On the Place of Religion in the Thought of Viktor Frankl. *Journal of Psychology and Theology*. Vol. 3, pp. 179–186.

Valverde, K. (2000). *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Moscow: Khristianskaya Rossiya Publ., 411 p.

Zamaliyeva, S.A. (2012). *Uchenie Viktora Frankla o cheloveke: filosofsko-antropologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The doctrine of Victor Frankl about man: a philosophical-anthropological analysis: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 19 p.

Received 27.03.2018

Об авторе

Долин Вячеслав Александрович
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин

Белгородский юридический институт МВД России
им. И.Д. Путилина,
308024, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: v.a.dolin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7106-0623

About the author

Vyacheslav A. Dolin
Ph.D. in Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Humanitarian, Social and Economic Sciences

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal
of the Russian Federation named after I. D. Putilin,
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russia;
e-mail: v.a.dolin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7106-0623

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Долин В.А. Философско-антропологические представления Виктора Франкла: опыт исторической реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 327–336.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-327-336

For citation:

Dolin V.A. Philosophical and anthropological notions of Viktor Frankl: experience of historical reconstruction // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 327–336.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-327-336

УДК 1(091)+165.62

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-337-345

«ИСПОВЕДЬ» АВГУСТИНА И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Хомутова Дарья Сергеевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

В статье раскрываются в сравнительной перспективе метод философствования Августина Аврелия и феноменологическая методология Эдмунда Гуссерля. Проанализирована литература, отражающая научный интерес к сравнительному анализу текстов Августина и Э. Гуссерля. Показано различие подходов к историко-философскому исследованию связи философии Августина и феноменологии Э. Гуссерля, обусловленное, с одной стороны, способом соотнесения философских концепций, с другой стороны — тем акцентом, который делается на спекулятивной позиции интерпретируемого автора. Интерпретация текста Августина с феноменологической позиции раскрывает проведенную средневековым философом дескрипцию имманентной сферы и позволяет уточнить феноменологическое описание времени Э. Гуссерля. Показано, что их способы описания реальности и процедуры работы с опытом имеют общие формы. В статье показано соответствие практики «исповеди», описанной Августином, опыту феноменологической дескрипции, проведенной в состоянии «эпохэ», поскольку процесс исповеди предполагает «собрание себя» внутри временного ряда. Это процесс идентичен по смыслу трансцендентально-феноменологической рефлексии, отличной от естественной рефлексии, раскалывающей субъекта на несколько эго-структур. Исходя из этой параллели можно говорить о содержательной близости понятий «внутреннего человека» и трансцендентального эго, а также «внешнего человека» и человека «естественной установки». Эти тезисы получены на основе анализа X и XI глав «Исповеди» Августина и текста «Картезианских размышлений» Э. Гуссерля. Кроме того, в статье задействованы идеи Ж. Деррида из книги «Голос и феномен», которые в значительной мере помогли прояснить конструкцию феноменологического эго и соотнести дескрипции Августина и Э. Гуссерля.

Ключевые слова: Августин, Гуссерль, феноменология, феноменологический проект, феноменологическая редукция, эпохэ, трансцендентальное эго, исповедь, трансцендентально-феноменологическая рефлексия, естественная установка.

AUGUSTINE'S «CONFESSIONS» AND TRANSCENDENTAL-PHENOMENOLOGICAL REFLECTION

Darya S. Khomutova

Perm National Research Polytechnic University

The article reveals the philosophical method of Augustine Aurelius and the phenomenological methodology of Edmund Husserl in a comparative perspective. The author analyzes literature showing scientific interest in the comparative analysis of texts by Augustin and E. Husserl, and demonstrates the difference of approaches to the historical and philosophical study of the relationship between Augustine's philosophy the E. Husserl's phenomenology. This difference is based, on the one hand, on the method used to compare the philosophical concepts, on the other hand, on the emphasis made on the speculative position of the interpreted author. The interpretation of Augustine's text from the phenomenological perspective reveals the description of the immanent sphere made by the medieval philosopher and clarifies the phenomenological description of E. Husserl's time. It is shown that their methods of describing reality and procedures of operation with experience have common forms. The article shows the correspondence between the «confession» practice described by Augustine and the experience of phenomenological description carried out in the state of «epoché», since the process of «con-

fession» involves «self-gathering» within the time series. This process is identical to the transcendental-phenomenological reflection and different from the natural reflection, which splits the subject into several ego-structures. Using this parallel, we can talk about the substantive proximity of the concepts «inner man» and transcendental ego, as well as «outer man» and man of «natural attitude». These theses are based on the analysis of Augustine's «Confessions» (chapters X and XI) and the text of «Cartesian Reflections» by E. Husserl. In addition, the author based on the ideas of J. Derrida from the book «Voice and Phenomenon», which greatly helped to clarify the construction of the phenomenological ego and compare the descriptions of Augustine and E. Husserl.

Keywords: Augustine, Husserl, phenomenology, phenomenological project, phenomenological reduction, epoché, transcendental ego, confession, transcendental-phenomenological reflection, natural attitude.

История вопроса

Сравнение философского метода Августина и феноменологического метода Гуссерля не является принципиально новым для истории философии. Действительно, сам Гуссерль неоднократно ссылается на философские интуиции Августина. Ряд современных российских и зарубежных исследователей также говорят о том, что между философией Августина и феноменологией Гуссерля существует связь, понимание которой может обеспечить наиболее ясное и последовательное усвоение принципов чистой феноменологии.

В работах, анализирующих философское наследие Августина в свете феноменологической традиции, авторы часто стремятся сохранить и углубить именно теологическое содержание философии Августина, дополнив его некоторыми феноменологическими интуициями. Это подход характерен для линии теологической феноменологии и проявляется в работах Ж.-Л. Мариона [Ямпольская А.В., 2012, с. 15], Ж. Риверы и прочих. Так, в работе «Figuring the Porous Self: St. Augustine and the Phenomenology of Temporality» подробно раскрывается концепт *distentio animi* и демонстрируется возможность соотнесения его с феноменологией времени Гуссерля. При этом теологический компонент философии Августина сохраняется в полной мере. В такой ситуации, отмечает Ривера, мы попадаем в «парадокс Августина», не зная, как в том или ином случае интерпретировать его высказывание: как теологическое или как философское [Riviera J., 2013, p. 84]. Таким образом, проводя сравнительный анализ текстов Августина и Гуссерля, мы должны подтолкнуть последнего к скрытому теологическому смыслу (с чем хорошо справляется современная феноменология во Франции).

Небольшая статья «La référence à Augustin chez Husserl» [Seron D., 2005] содержит результаты анализа того, как Гуссерль параллельно использует в своей работе близкие, но имеющие ряд концептуальных отличий картезианское и августианианское

cogito. Автор утверждает, что Августин оказал на феноменологию большее влияние, чем Декарт. Статья «On the Mind's "Pronouncement" of Time: Aristotle, Augustine and Husserl on Time-consciousness» [Kelly R.M., 2009] посвящена сравнению феноменологических дескрипций сознания времени и философии времени Августина (раскрытой в 11 книге «Исповеди»). Статья «Living-Time and Lived Time: Rereading St. Augustine» [Bareau H., 2004] содержит мысль, что подробное изучение «Исповеди» может обеспечить понимание ряда спорных компонентов феноменологической теории темпоральности Гуссерля, Хайдеггера и Мерло-Понти. Главное внимание уделено основному проблемному пункту «имманентного времени» («парадоксу времени»): временные позиции постоянно трансформируются, но сохраняют свой собственный статус во временном ряду.

Кроме того, данной проблеме посвящен ряд зарубежных монографий. Книга «A reflexão como método de conhecimento psicológico em Agostinho e Husserl» [Peres S.P., 2011] включает в себя анализ рефлексии как инструмента самопознания у Августина и Гуссерля. Этот текст не напрямую относится к проблеме времени, но в нем наиболее полно раскрывается методология Августина в свете феноменологического проекта. Автор интерпретирует книги «Исповедь» и «Троица» как феноменологические, обнаруживая в них описания внутренних состояний субъекта и способов их экспликации. Перес утверждает: многие умозаключения Гуссерля предвосхищены Августином (идея души как внутренней реальности, внимание как конститутивный фактор восприятия, связь времени и духа). Монография «Augustine and the Phenomenological Question Of Time» [Herrmann von F.W., 2008] раскрывает влияние философии времени Августина на темпоральные теории Гуссерля и Хайдеггера (основное влияние, впрочем, уделено последнему). В работе «Augustine and the phenomenological tradition» [Biebighauser J.O., 2012] показаны изменения в восприятии идей Августина в феноменологиче-

ской традиции (акцент сделан на теологической линии феноменологического проекта).

В российской философии на данный момент существуют одно обширное исследование связи философии Августина и феноменологии Гуссерля — это монография «Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта, Гуссерля», в которой показано, что «Исповедь» Августина является «гносеологической основой» [Литвин Т.В., 2013, с. 13] анализа внутреннего времени. Т.В. Литвин отмечает, что тема времени у Августина возникает на фоне проблемы интроспекции, именно этот пункт является важным для определения общности методологий Августина и Гуссерля. Понятийное ядро «Исповеди» («внутреннее слово» и «протяженная душа») могут быть соотнесены с феноменологическим проектом. Протяженность души возникает как результат темпорального сознания, длительность сама по себе — как «свойство направленного внимания» [Литвин Т.В., 2013, с. 35]. Анализ философии Августина в сравнении с феноменологией Гуссерля, проведенный Т.В. Литвин, является последовательным и подробным описанием, сравнение методологий проявляется через упоминание гносеологического влияния Августина. Но специфика данного историко-философского подхода не позволяет переосмыслить гносеологические находки Августина в современной перспективе, поскольку автор рассматривает пласт текстов Августина в их встроенности в исторический контекст и не покидает границ его понятийного аппарата.

Второй российский текст, в котором дается сравнительный анализ философии Августина и феноменологии Гуссерля, построен иначе. В статье «“Феноменология внутреннего сознания времени” в историко-философском контексте (комментарий к работе Э. Гуссерля)» [Леденева Е.В., 2009] идеи Августина и Гуссерля рассматриваются параллельно. Автор рассматривает историю философии сквозь призму феноменологии, что позволяет ей раскрыть те смыслы, которые Августин заявлял, но недостаточно артикулировал, или те, которые смогли быть выражены только после создания феноменологического понятийного аппарата. Так, автор отмечает: «Августин понимает под временем то же, что и Гуссерль» [Леденева Е.В., 2009, с. 3]. У обоих философов речь идет о сознании, которое не просто фиксирует изменение положений вещей во времени, но и осуществляет темпоральный синтез. В качестве общего момента автор отмечает также отрицание

возможности прямых пространственных аналогий по отношению ко времени и непригодность трехчастной схемы времени. Леденева указывает, что прошлое в понимании Августина существует в душе, и делает акцент на слове «существует», стремясь описать особый вид внутреннего существования: «Внутреннее не стыкуется однозначно с внешним. Одного универсума не получается, получается два, и для каждого — свое значение слова “бытие”» [Леденева Е.В., 2009, с. 3]. Темпорально-конститутивный поток Гуссерля соответствует «протяженной душе» Августина. Е.В. Леденева также обращает внимание на противоречие, появляющееся в результате различия онтологических моделей: Бог Августина выступает основанием как субъективности, так и темпорального синтеза. Гуссерль редуцирует Бога, следовательно, феноменолог должен ощущать «негарантированность» синтеза.

Методология анализа

Возможно ли получить «мирской» смысл философии Августина и раскрыть его подлинно феноменологическое содержание [О Даре..., 2011, с. 158]? По мнению автора, это возможно, если прояснить те интуиции средневекового мыслителя, которые относятся к бытию во времени, заключая в скобки вопрос о вечности. Такой подход позволяет раскрыть вопрос о внутреннем времени, не выстраивая полной картины мира [Хомутова Д.С., 2014], избегая разговора не только о Боге, но и спекуляций относительно Ничто. Этого может быть достаточно для того, чтобы не исказить философскую мысль Августина (как произошло бы, поставь мы ее в рамки нового спекулятивного представления о реальности). Эта модель историко-философского анализа является не менее продуктивной, поскольку позволяет соотнести, сравнить различные онтологические модели.

Такой историко-философский анализ представляет собой интерпретацию текста Августина с феноменологической позиции, согласно логике указаний Гуссерля. В первых же строчках введения к «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль, выбирая из многочисленных предшественников, работавших с понятием времени, останавливается на Августине, который «первым ощутил огромные трудности» этой философской проблемы. «Главы 14–28 книги XI “Исповеди” даже сейчас должны быть основательно проштудированы каждым, кто занимается проблемой времени», — уточняет Гуссерль [Гуссерль Э., 1994, с. 5]. Завершает «Картезианские

медитации», более позднюю работу, ссылка на понятие «внутреннего человека» Августина (при том, что непосредственно в тексте это понятие не исследуется) [Гуссерль Э., 2006, с. 292]. Таким образом, разговор об имманентном у Гуссерля (именно это понятие связывает две указанные книги) открывается и закрывается ссылкой на Августина.

Оба философа, пользуясь различным понятийным аппаратом, подступают к одной области феноменов — сфере имманентного. Отличительной особенностью этого поля опыта является то, что оно может исказиться в акте естественной рефлексии. Например, когда субъект обращается к себе как будто к «другой персоне, которую он порицает или увещевает, которой он предписывает решительность или чувство раскаяния» [Деррида Ж., 1999, с. 95], тогда «во внутреннем языке появляется второе лицо» [Деррида Ж., 1999, с. 94]. Понимание сложности подступа к имманентному и спецификации описания его структур — вот то, что, прежде всего, объединяет двух мыслителей.

Феноменологическая интерпретация Августина позволяет раскрыть в его тексте дескрипцию имманентной сферы, дополняющую феноменологические описания Гуссерля. В этом процессе открывается единство методологий философов в следующих пунктах. Во-первых, практика «исповеди», описанная Августином, соответствует опыту феноменологической дескрипции, осуществленной в ситуации «эпохэ». Во-вторых, понятие «внутренний человек» соответствует трансцендентально-феноменологическому его. Понятие «внешний человек», в свою очередь, соотносится с человеком естественной установки. Эти тезисы получены в процессе прочтения XI и, дополнительно, X главы «Исповеди». Обращение к X главе продиктовано тем, что именно в ней Августин подробно описывает феномен памяти как своеобразного внутреннего пространства.

Трансцендентальная рефлексия и практика исповеди

Процесс исповеди предполагает «внутреннее созерцание» [Августин, 2006, с. 203], которое «значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память разбросанно и в беспорядке, и внимательно расставить спрятанное в ней, но заброшенное и раскиданное...» [Августин, 2006, с. 204], указывает Августин. В следующем абзаце мы встречаем упоминание латинских слов «сого», «сogito», «сogitare», которые могут концептуально и генетически предшество-

вать понятию «сogito» в философии Декарта и феноменологии Гуссерля. Августин соотносит глагол «сogitare» с процессом внимания по отношению к знанию, хранящемуся в памяти: «Сколько хранит моя память уже известного и, как я сказал, лежащего под рукой... Если я перестану в течение малого промежутка времени перебирать в памяти эти сведения, они вновь уйдут вглубь и словно соскользнут в укромные тайники. Их придется опять как нечто новое извлекать мысленно оттуда — нигде в другом месте их нет, — чтобы с ним познакомиться, вновь свести вместе, т. е. собрать как что-то рассыпавшееся. Отсюда и слово *cogitare*» [Августин, 2006, с. 204]. В латинском первоисточнике исследуемый абзац содержит также слово «*cogitando*» [Auguustini, 2018], отглагольное существительное, обозначающее «мысль» и стоящее в отношении с глаголом «*colligere*» («подумать и как бы собрать» [Августин, 2006, с. 203]). Таким образом, мы отслеживаем, как Августин понимает «сogito»: мышление, вторгающееся в бессознательное и собирающее оттуда все, что было воспринято.

Ссылка на бессознательное здесь не случайна. В X главе встречается метафорическое указание на темные и сокрытые участки памяти. Приведем здесь только некоторые. «Есть, однако, в человеке нечто, чего не знает сам дух человеческий, живущий в человеке...», — пишет Августин [Августин, 2006, с. 196]. Далее он указывает, что в обширных «дворцах памяти» «сложены все наши мысли, преувеличившие, преуменьшившие и, вообще, как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства. Туда передано и там спрятано все, что забвением еще не поглощено и не погребено. Находясь там, я требую показать мне то, что я хочу; одно появляется тотчас же, другое приходится искать дольше, словно откапывая из каких-то тайников; что-то вырывается целой толпой, и вместо того, что ты ищешь и просишь, выскакивает вперед...» [Августин, 2006, с. 199]. Вторая часть цитаты очевидно предвещает основные интуиции психоаналитической теории: идею о вытеснении и замещении впечатлений в памяти [Фрейд З., 2013, с. 47]. Также Августин называет память «святилищем величины беспредельной» [Августин, 2006, с. 201]. Этот момент мы не можем оставить без внимания, поскольку «беспредельность» памяти также постулируется в отдельных ответвлениях психоаналитической теории [Юнг К.Г., 2009, с. 128]. Августин, давая своеобразную апофатическую («беспредельная») дефиницию памяти, тем самым ука-

зывает и на беспредельность самого субъекта, носителя воспоминаний: «Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам... Широки поля моей памяти, ее бесчисленные пещеры и ущелья полны неисчислимого, бесчисленного разнообразия...» [Августин, 2006, с. 209].

Итак, что представляет собой этот акт («собрать себя») и как он связан с феноменологической редукцией? Последняя предполагает формирование особого типа рефлексии, отличного от естественной рефлексии. В параграфах 15 и 16 «Картезианских размышлений» Гуссерль описывает различие между естественной и трансцендентально-феноменологической рефлексией, и это различие является ключевым для понимания феноменологического проекта. Итак, по Гуссерлю, существует три основных акта сознания: прямой (*geradenhin vollzogene*) акт «схватывания в восприятии, в высказывании, в оценке, в целеполагании» [Гуссерль, 2006, с. 97], акт естественной рефлексии (психологической рефлексии) и акт трансцендентально-феноменологической рефлексии. Два типа рефлексии Гуссерль различает следующим образом. В первом случае, осуществляя рефлексивный акт, «мы стоим на почве мира, преданного в качестве сущего», во втором «мы покидаем эту почву» [Гуссерль, 2006, с. 97] благодаря феноменологической редукции, заключению в скобки вопроса о статусе мира. Поскольку не полагается никакого «бытия», то результаты естественной рефлексии, в которой мы представляем самих себя в форме субъекта, существующего как объект (тело) в объективном мире, редуцируются и, таким образом, приостанавливается процесс формирования определений для «Я», как существа, включенного в мир. «Я» при естественной рефлексии погружено в мир и «заинтересованно в мире» [Гуссерль, 2006, с. 99]. Далее следует интересное указание: «постоянно удерживаемая феноменологическая установка состоит в расщеплении Я, при котором над наивно заинтересованным Я утверждается феноменологическое, как *незаинтересованный зритель*» [Гуссерль, 2006, с. 99], чьим единственным интересом остается: «видеть и адекватно описывать» [Гуссерль, 2006, с. 99]. Такой акт предполагает ситуацию «абсолютной беспредрассудочности» [Гуссерль, 2006, с. 100], в которой его воздерживается «от всех точек зрения, в которых некое сущее оказывается заранее данным» [Гуссерль, 2006, с. 100]. В ситуации редукции описанию поддается

только пара «*cogito-cogitatum*», т.е. модусы *cogito* («воспринимаю», «воображаю», «вспоминаю») и модусы *cogitatum* («феномен комнаты», «феномен неба», «феномен лица» и прочее). Редукция, таким образом, происходит в двух направлениях — по отношению к объективному статусу феномена и по отношению к статусу того, кто совершает акт *cogito*, поскольку мы не говорим об его в объективирующих предложениях. Трансцендентально-феноменологическое *ego* у Гуссерля не обладает никаким собственным статусом и содержанием, кроме «открыто-бесконечного многообразия отдельных конкретных переживаний» [Гуссерль, 2006, с. 103]. Гуссерль указывает, что это многообразие *связывается* в «единство самого конкретного *ego*» [Гуссерль, 2006, с. 103]. Описание конкретного *ego* включает в себя раскрытие всех интенциональных коррелятов. Это — трансцендентальное раскрытие, оно отлично от психологического раскрытия «духовной жизни» [Гуссерль, 2006, с. 104].

Но разве не является исповедь ничем иным, как раскрытием именно духовной жизни? Не совсем, ведь одна из целей «Исповеди» — исследование памяти и анализ интенциональных связей *ego* с миром. Это не эскапизм, не отдаление себя от физического мира, а анализ способа собственного присутствия в нем. И, прежде всего, темпорального присутствия. Ж. Ривера описывает этот процесс следующим образом: «Августинова самость, не имеющая возможности вырваться из темпорального потока мира, освящает и спасает “*distentio*” (что не устраняет основной статус “*протяженности*”); важным для исповедания веры является не побег к “другому миру”, а практика протяженного бытия¹...» [Rivera J., 2013, p. 98]. Душа, имеющая изначально вечную, непротяженную сущность, встроена в мир таким образом, что должна присутствовать во времени, должна длиться.

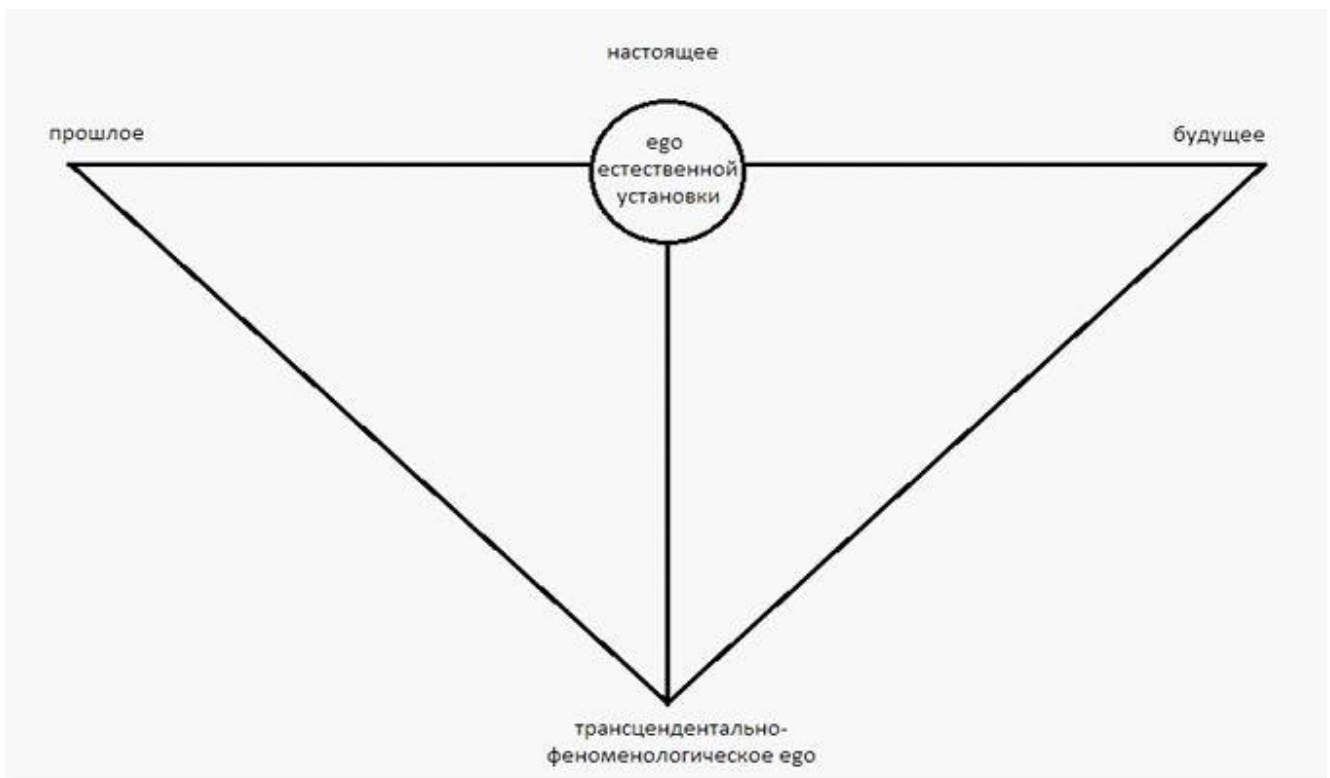
Согласно Августину, существует две формы присутствия человека в мире: ветхая и новая. «Ветхий человек» живет во времени так, что полностью растворяется в нем, поскольку присутствие в настоящем каждый раз элиминирует присутствие в прошлом. Только «новый человек», как это ни странно, имеет подлинный статус «*distentio*», по-

¹ «Unable to escape the temporal streaming of the world-horizon, the Augustinian self sanctifies and redeems the *distentio*, which does not eliminate the basic state of *distentio*; for a profession of faith is not an other-worldly escapism but rather a practice of stretching...».

тому что, переходя от одного настоящего к другому, он сохраняет «вечный» центр своего присутствия, в любом времени оставаясь собой. Для «нового человека» время не уходит. Августин пишет о Боге: «Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности, и Ты возвышаешься над всем будущим: оно будет и, придя, пройдет, но Ты — тот же и лета Твои не кончаются (Пс. 101, 28)... Все годы твои одновременны и неподвижны...» [Августин, 2006, с. 250]. Здесь можно увидеть, что философ говорит о двух способах существования, которые взаимосвязаны. Во-первых, это сама протяженность, во-вторых, постоянство присутствия сквозь протекающие годы.

На рисунке изображен этот способ присутствия. Ego естественной установки всегда присутствует внутри конкретного времени, отстраняясь от собственного инобытия в прошлом и будущем. Августин пишет: «Разве не перешел я, подвигаясь

к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло — куда оно ушло?» [Августин, 2006, с. 11]. «Я взрослого» — это отрицание «Я ребенка». «Я хороший» — отрицание «Я плохого», и так далее. Для такого ego характерна естественная расколотовость сознания, его недиалектичность и ригидность. Каким-то образом ego должно объединять все интенциональные связи с миром, чтобы событие исповеди могло произойти. Так, Августин, исповедуясь взрослым, говорит о своем детском проступке — краже яблок. Это поступок, несомненно, совершил именно Августин, но *Августин в другом модусе*, будучи мальчиком, а не мужчиной. Таким образом, можем сказать, что ego естественной установки представляет собой только определенные модусы ego. Объектом модификаций можно считать трансцендентально-феноменологическое ego.

Трансцендентально-феноменологическое и естественное ego

Выводы

Исповедь есть, буквально, процесс «собираания себя», обретения таким образом целостности во времени. Подобный процесс формирует особый тип рефлексии, близкий по смыслу феноменологической процедуре описания в ситуации «эпохэ». Естественная рефлексия протекает в по-

верхностном отношении ко времени и формирует структуру, состоящую из нескольких «Я»: «Я прошлогодний», «Я маленький» и тому подобное. Эта «расколотовость» возникает, в частности, как следствие естественной рефлексии, в которой интенциональные процедуры обращаются от мира к субъекту, что искажает их работу.

В акте трансцендентально-феноменологической рефлексии сознание не оборачивается к имманентному миру, а погружается в него таким образом, что «внутреннее» становится «внешним», «охватывающим», «окружающим». В результате такой рефлексии раскрывается чистое *эго*, выступающее основой поступков настоящего, прошлого и будущего. «Несмотря на всю сложность своей структуры, темпоральность имеет несмещающийся центр, глаз или живое ядро, точечность реального Телера» [Деррида Ж., 1999, с. 85]. Такое *эго* отслеживается только как формальный «центр», из которого исходят многообразные интенциональные акты. Центрированная сеть интенциональностей создает форму естественного *эго*.

Итак, можно констатировать, что практика исповеди близка актам феноменологической дескрипции, поскольку не предполагает моментального самоозначения, а также потому, что работает с горизонтом поступков (*cogito-cogitatum*). В исповеди *эго* скрыто от прямого описания (оправдания, осуждения), оно находится «в скобках», в отличие от естественного состояния сознания, в котором на временном поле возникает несколько *эго*-структур. Тогда субъект обращается к себе как к «другой персоне, которую он порицает или увещивает, которой он предписывает решительность или чувство раскаяния» [Деррида Ж., 1999, с. 95]. Акт трансцендентально-феноменологической рефлексии также позволяет обнаружить *эго*, окруженное событийной и интенциональной плотностью во времени и пространстве.

Список литературы

Августин. Исповедь. Минск: Харвест: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. 335 с.

Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006. 315 с.

Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени / пер. В.И. Молчанова. М., 1994. 163 с.

Деррида Ж. Голос и феномен / пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Сулова. СПб.: Алетейа, 1999. 208 с.

Леденева Е.В. «Феноменология внутреннего сознания времени» в историко-философском контексте // *Credo new*. 2009. № 2. URL: <http://credonew.ru/content/view/807/61/> (дата обращения: 12.07.2018).

Литвин Т.В. Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта, Гуссерля. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2013. 208 с.

О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом / пер. В.Р. Рокитянского // *Логос*. 2011. № 3. С. 144–171.

Фрейд З. О воспоминаниях детства и воспоминаниях, служащих прикрытием // Фрейд З. Психопатология обыденной жизни / пер. с нем. О. Медем. СПб.: Азбука, 2013. С. 47–48.

Хомутова (Собянина) Д.С. Дескрипция и интерпретация: методологические вопросы феноменологии // *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право*. 2014. № 1. С. 94–99.

Юнг К.Г. Сознание и бессознательное / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академ. проект, 2009. 188 с.

Ямпольская А.В. Прощение между даром и обменом: антипелагианская полемика Августина в контексте философии XX века // *Артикульт*. 2012. № 7. URL: [http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/007/ARTICULT-07_\(3-2012,P.1-18\)-Yampolskaya.pdf](http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/007/ARTICULT-07_(3-2012,P.1-18)-Yampolskaya.pdf) (дата обращения: 12.07.2018).

Auguustini. Confession. URL: <http://faculty.georgetown.edu/jod/latinconf/10.html> (дата доступа: 01.07.18).

Barreau H. Living-Time and Lived Time: Rereading St. Augustine // *KronoScope*. 2004. Vol. 4, iss. 1. P. 39–68. DOI: 10.1163/1568524041269331.

Biebighauser J.O. Augustine and the Phenomenological Tradition: Thesis submitted to the University of Nottingham for the degree of Doctor of Philosophy, 2012. URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/12725/1/augustine_and_the_phenomenological_tradition_july_2012.pdf (accessed: 12.07.2018).

Herrmann von F.W. Augustine and the Phenomenological Question Of Time. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2008. 232 p.

Kelly R.M. Quand l'esprit «dit» le temps: la conscience du temps chez Aristote, Augustin et Husserl // *Methodos*. 2009. № 9: L'autre Husserl. URL: <https://journals.openedition.org/methodos/2243> (accessed: 12.07.2018). DOI: 10.4000/methodos.2243.

Peres S.P. A reflexão como método de conhecimento psicologico em Agostinho e Husserl // *Tese de Doutorado*. 2011. URL: <http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/59/59137/tde-21102013-155054/pt-br.php> (accessed: 12.07.2018). DOI: 10.11606/t.59.2011.tde-21102013-155054.

Rivera J. Figuring the Porous Self: St. Augustine and Phenomenology of Temporality // *Modern Theology*. 2013. Vol. 29(1). P. 83–103. DOI: 10.1111/moth.12005.

Seron D. La Référence à Augustin chez Husserl // *Philosophique*. 2005. Vol. 8. P. 61–65. DOI: 10.4000/philosophique.98.

Получено 01.08.2018

References

- Augustine of Hippo. (2006). *Ispoved* [Confession]. Minsk: Harvest Publ., 335 p.
- Augustini. (2018). *Confession*. Available at: <http://faculty.georgetown.edu/jod/latinconf/10.html> (accessed 01.07.18).
- Barreau, H. (2004). Living-Time and Lived Time: Rereading St. Augustine. *KronoScope*. Vol. 4, iss. 1, pp. 39–68. DOI: 10.1163/1568524041269331.
- Biebighauser, J.O. (2012). *Augustine and the Phenomenological Tradition*: Thesis submitted to the University of Nottingham for the degree of Doctor of Philosophy. URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/12725/1/augustine_and_the_phenomenological_tradition_july_2012.pdf (accessed 12.07.2018).
- Derrida, J. (1999). *Golos i fenomen*: per. s fr. [Speech and Phenomena. Trans. From French]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 208 p.
- Freud, Z. (2013). *O vospominaniyakh detstva i vospominaniyakh, sluzhaschikh prikrytiem* [Childhood and Concealing Memories]. *Psikhopatologiya obydennoy zhizni*. Per. s nem. [The Psychopathology of Everyday Life. Trans. from Ger.]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., pp. 47–48.
- Herrmann von F.W. (2008). *Augustine and the Phenomenological Question Of Time*. Lewiston: Edwin Mellen Press, 232 p.
- Husserl, E. (2006). *Kartezianskie razmyshleniia, per. s nem.* [Cartesian meditations. Trans from Ger.]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 315 p.
- Husserl, E. (1994). *Lektsii po fenomenologii vnutrennego soznaniya vremeni. per. s nem.* [On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time. Trans. From Ger.]. Moscow, 163 p.
- Jung, C.G. (2009). *Soznanie i bessoznatelnoe. Per. s nem.* [On the Psychology of the Unconscious. Trans. From ger.]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 188 p.
- Kelly, R.M. (2009). *Quand l'esprit «dit» le temps: la conscience du temps chez Aristote, Augustin et Husserl* [When the spirit «says» time: the consciousness of time in Aristotle, Augustin and Husserl]. No. 9: L'autre Husserl. Available at: <https://journals.openedition.org/methodos/2243> (accessed 12.07.2018). DOI: 10.4000/methodos.2243.
- Khomutova (Sobyanina), D.S. (2014). Deskriptsiya i interpretatsiya: metodologicheskie voprosy fenomenologii [Description And Interpretation: Methodological Problems Of Phenomenology]. *Vestnik PNIPU. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 1, pp. 94–99.
- Ledeneva, E.V. (2009). «Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni» v istoriko-filosofskom kontekste [Phenomenology of Inner-Time Consciousness in historical and philosophical context]. *Credo new*. No. 2. Available at: <http://credonew.ru/content/view/807/61/> (accessed 12.07.2018).
- Litvin, T.V. (2013). *Vremya, vospriyatie, voobrazhenie. Fenomenologicheskie shtudii po probleme vremeni u Avgustina, Kanta, Gusserlya* [Time, perception, imagination. Phenomenological studies on the problem of time by Augustine, Kant, Husserl]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publ., 208 p.
- Peres, S.P. (2011). *A reflexão como método de conhecimento psicologico em Agostinho e Husserl: Tese de Doutorado* [Reflection as a method of knowledge of the psychological in Augustine and Husserl: Doctoral thesis]. Available at: <http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/59/59137/tde-21102013-155054/pt-br.php> (accessed 12.07.2018). DOI: 10.11606/t.59.2011.tde-21102013-155054.
- Rivera, J. (2013). Figuring the Porous Self: St. Augustine and Phenomenology of Temporality. *Modern Theology*. Vol. 29(1), pp. 83–103. DOI: 10.1111/moth.12005.
- Rokityanskii, V. (tr.) (2011). *O Dare: Diskussiya mezhdu Zhakom Derrida i Zhan-Lyukom Marionom* [On the Gift: A Discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion]. *Logos*. No. 3, pp. 144–171.
- Seron, D. (2005). *La Référence à Augustin chez Husserl* [The reference to Augustine at Husserl]. *Philosophique* [Philosophical]. Vol. 8, pp. 61–65. DOI: 10.4000/philosophique.98.
- Yampolskaya, A.V. (2012). *Proschenie mezhdu darom i obmenom: antipelagianskaya polemika Avgustina v kontekste filosofii XX veka* [The Pardon Is Gift Or Change? Augustine's Antipelagianism In The 20th Century Philosophy]. *Artikult*. No. 7. Available at: [http://artikult.rsuh.ru/upload/artikult/journal_content/007/ARTICULT-07_\(3-2012,P.1-18\)-Yampolskaya.pdf](http://artikult.rsuh.ru/upload/artikult/journal_content/007/ARTICULT-07_(3-2012,P.1-18)-Yampolskaya.pdf) (accessed 12.07.2018).

Received 01.08.2018

Об авторе

Хомутова Дарья Сергеевна
старший преподаватель
кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: ohiko.dar@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6263-6376

About the author

Darya S. Khomutova
Senior Lecturer of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ohiko.dar@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6263-6376

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хомутова Д.С. «Исповедь» Августина и трансцендентально-феноменологическая рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 337–345.

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-337-345

For citation:

Khomutova D.S. Augustine's «Confessions» and transcendental-phenomenological reflection // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 337–345. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-337-345

УДК 316.48:159.922.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-346-351

МЕДИЙНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА КАК АКТ ДЕОНТОЛОГИЗАЦИИ ЭТНОСА

Казарян Армине Гегамовна

Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского

Статья задает новый ракурс осмысления проблем геноцида, предстающего не как этнический и политический, а как коммуникативный феномен. В этом смысле медиадискурс приобретает новое содержание и становится фактором формирования и конструирования этнической идентичности. Темы межэтнических отношений и внутриэтнической идентичности являются материалом эффективного манипулятивного воздействия в массмедиа. С помощью методов стереотипизации и пропагандистских приемов массмедиа порождают в сознании аудитории искаженные образы, мнения, установки по тем или иным вопросам и создают таким образом свою реальность. Значительное внимание также уделяется роли массмедиа в самовозобновлении и сохранении «коллективной памяти» этноса за счет процесса реконструкции исторических событий и обращения к образам-архетипам. Прошлое превращается в символические фигуры из воспоминаний, определяющие идентичность и самопонимание этноса. Массмедиа отбирают факты из героического, жертвенного прошлого в соответствии с духовными потребностями этноса в настоящем, способствуя тем самым его консолидации сквозь призму времени. В статье анализируются методы ведения информационной борьбы в вопросах геноцида армян. Обосновывается мысль о том, что применение этих методов в массмедиа создает коммуникативную реальность, вступающую в противоречие с исторической реальностью, национальной памятью. Автор прослеживает тенденцию использования вопросов национальной, этнической идентичности в конструировании коммуникативной реальности. Сделан вывод о деструктивной роли коммуникативного потенциала этногенеза, способного изнутри разрушить национальную общность, если он представляет собой инструмент власти и подавления. В этом отношении массмедиа порождают «коммуникативное одиночество» индивида, противопоставляя его этносу.

Ключевые слова: этнические конфликты, этническая идентичность, геноцид армян, коллективная память, коммуникативная реальность, коммуникативное одиночество.

THE MEDIA INTERPRETATION OF THE ETHNIC CONFLICT AS AN ACT OF DEONTOLOGISATION OF THE ETHNIC GROUP

Armine G. Kazaryan

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article sets a new perspective for understanding the problems of genocide, which appears not as an ethnic and political, but as a communicative phenomenon. In this sense, the media discourse acquires new content and becomes a factor in the formation and construction of ethnic identity. Themes of interethnic relations and intra-ethnic identity are the material for effective manipulative influence in the mass media. With the help of stereotyping methods and propagandistic techniques, the mass media generate in the minds of the audience distorted images, opinions, attitudes concerning certain issues and thus create their own reality. Considerable attention is also paid to the role of the mass media in the self-renewal and preservation of the ethnos «collective memory» due to the process of reconstructing historical events and resorting to images-archetypes. The past turns into symbolic figures from memories which determine the identity and self-understanding of the ethnos. The mass media select facts from the heroic, sacrificial past in accordance with the spiritual needs of the ethnos in the present, thus contributing to its consolidation through the prism of time. The article analyzes the methods of information warfare in the issues of the Armenian Genocide. The paper substantiates the idea that

the application of these methods in the mass media creates a communicative reality that comes into conflict with the historical reality and national memory. The author traces the tendency of using questions of the national, ethnic identity in the construction of the communicative reality. The author makes a conclusion about the destructive role of the ethnogenesis communicative potential, which is able to destroy the national community from the inside when it is used as an instrument of power and repression. In this regard, the mass media generate «communicative loneliness» of the individual, opposing him to the ethnos.

Keywords: ethnic conflict, ethnic identity, Armenian Genocide, collective memory, communicative reality, communicative loneliness.

Одной из фундаментальных потребностей человека является принадлежность к этнической общности. Процессы личностной идентификации не могут обходиться без осознания включенности в социокультурную парадигму этноса. Этот процесс, носящий во многом иррациональный характер, есть источник конфликтов, возникающих, как правило, на основе нарушения идентификационных процессов. Отечественный этнопсихолог Т.Г. Стефаненко определяет этнический конфликт как *любую* конкуренцию между группами — от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до предполагаемого расхождения интересов — во всех тех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов [Стефаненко Т.Г., 1999, с. 106].

Э.А. Паин и А.А. Попов выделяют несколько типов этнических конфликтов: 1) конфликт стереотипов — этнические группы создают в отношении оппонента негативный образ «недружественного соседа» (взаимные «образы врага» у армян и азербайджанцев); 2) конфликт «идей» — выдвижение этнической группой притязаний на самостоятельную государственность или какую-либо территорию; 3) конфликт действий — митинги, демонстрации, открытые столкновения этнических движений с оппонентами или органами власти [Паин Э.А., Попов А.А., 1990].

Конфликтогенный характер процессов этнической идентификации заставляет средства массовой информации обращать все более пристальное внимание на эту тему. Наиболее активно представители СМИ распространяют информацию, состоящую из стереотипов, фактов, идей. Так они в сознании читателей, зрителей, слушателей формируют определенные образы, мнения, установки (не всегда верные) по тем или иным вопросам. В большинстве случаев коммуникаторы преследуют определенную цель, передавая аудитории специально подготовленную информацию. Используя различные пропагандистские приемы и методы, современные массмедиа создают свою реальность: они способны как привлечь внимание к не-

которому событию или явлению, превратив их в сенсации, так и отвлечь.

Американский журналист Уолтер Липпман в своей книге «Общественное мнение» называет основой пропаганды стереотипизацию [Lippman W., 1922]. Поведением человека можно управлять, создав в его сознании соответствующие образы-представления, содержащие социально-психологическую установку, — стереотипы. Очевидно, что стереотипизация в настоящее время продолжает оставаться популярным у журналистов методом. С ее помощью массмедиа внедряют в массовое сознание мифы, иллюзии, предубеждения, создают ложные образы этнических групп, провоцируя таким образом этнические конфликты.

В зарубежной науке этнические стереотипы трактуются, в основном, как негативные, ложные образования. В. Бар-Тал, К. Грауман определяют их как «предубеждения» [Bar-Tal D. et al., 1989], Г. Ягода, как «предвзятость» [Jagoda G., 1959], Э. Богардус — как «ригидность» [Bogardus E.S., 1950].

В отечественной этнографической науке изучением этнических стереотипов активно занимались в 70–80-е гг. XX в. при разработке теории этноса и теории этнического самосознания. В первую очередь, это труды Ю.В. Бромлея, Б.Ф. Поршнева. Впоследствии этой проблемой занимались В.Ф. Петренко, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева и др.

Очевидно, что темы межэтнических отношений, внутриэтнической идентичности являются материалом для эффективного манипулятивного воздействия в массмедиа. Создаваемые с помощью несложных деклараций ощущения страха, подозрительности, иррационального неприятия по отношению к той или иной этнической группе, сами начинают служить основой для медийной рекурсии, самовозобновления «устойчивых» этнических стереотипов. З.Ж. Гакаев, анализируя эти феномены, отмечает, что они отражают не действительность, а этикетку (внешнюю сторону) действительности [Гакаев З.Ж., 2003]. Этнические стереотипы, как правило, связаны с восприя-

тием. Возникая стихийно, они не всегда соотносятся с опытом, однако оказывают влияние на формирование нового опыта, пусть даже ложного. Еще одной отличительной чертой этнических стереотипов можно назвать устойчивость при возможной изменчивости во времени. В XXI в., когда кризис идентичности продолжает оставаться реальностью для большинства стран мира, массмедиа используют метод стереотипизации, чтобы защитить этническую идентичность. Очевидно, что человек всегда воспринимает «свое» как «знакомое, близкое», а «чужое» как «незнакомое». Первое воспринимается позитивно, второе чаще всего настороженно, иногда враждебно. Профессиональные журналисты для сохранения этнической идентичности одной группы транслируют аудитории искажающую действительность информацию в отношении другой, используя противопоставление «мы—они».

При возникновении этнического конфликта негативные этнические стереотипы применяются в массмедиа с целью закрепления «образа врага» за противником, его дегуманизации и выведения за рамки общечеловеческих норм и принципов.

Составляя основу пропаганды, стереотипизация позволяет заинтересованным кругам с помощью средств массовой информации манипулировать общественным сознанием, внедрять в него ложные мифы, распространять предрассудки в отношении этноса-антагониста.

В турецких и протурецких медиа на протяжении последних двух десятилетий в массовое сознание внедряется миф о геноциде армян в Османской империи, первого геноцида XX в. Его представляют не иначе, как вымышленную и преднамеренно сфальсифицированную историю: «Эта задумка пришла в голову держав, включая и царскую Россию, чтобы под этим предлогом найти правовую основу для раздела Османской Турции [цит. по: Мамедов С.В., 2016]», — отмечает доктор философии по истории Джаби Бахрамов. Сегодня геноцид армян стал своего рода «дамокловым мечом», занесенным над Турцией, причем даже не самими армянами. Подобная политика мировых держав в конечном счете привела к усилению враждебности Турции в отношении Армении: в глазах турецкого народа формируется образ армян как инструмента внешнего давления на Турцию с целью подрыва основ ее государственности и угрозы национальной безопасности.

Турецкий историк Танер Акчам в своих статьях регулярно пишет о необходимости «взглянуть в лицо собственной истории». Он выделяет основ-

ную причину, которая не даст Турции сделать этот шаг: «В 1923 году мы основали государство-нацию и создали соответствующую самобытность. Сегодня эта суть определяет наш менталитет, эмоции, все социально-культурные отношения в обществе. Однако, если мы заговорим, к примеру, о Геноциде армян, то увидим, как вся эта действительность рухнет. Геноцид армян является историческим фактом, уничтожающим структуру сути турецкого общества, именно поэтому мы избегаем взглянуть в лицо собственной истории» [Турецкий историк..., 2017]. Признать геноцид — значит поставить под сомнение свое национальное «я», свою государственность (а некогда целостность Османской империи), на которую, согласно турецкой позиции, в начале XX в. покушались армяне, переметнувшись в Первой мировой войне на сторону русской армии, в надежде создать в Восточной Анатолии свое независимое государство. Протурецкие СМИ обвиняют армян в предательстве. И чтобы предупредить удар из-за спины, Турция была вынуждена принять решение об их переселении из зоны военного конфликта вглубь страны. Большинство турецких журналистов используют вместо определения «геноцид» слово «депортация» и объясняют все действия Османской империи (Турции) исключительным намерением сохранить свою государственность, свою культуру и идентичность.

В 2015 г. на страницах французского сатирического журнала «Charlie Hebdo» были опубликованы карикатуры на тему позиции Турции в вопросе геноцида армян в Османской империи. Одна из карикатур подписана следующим образом: «Турецкая армия убивает 35 курдских крестьян, один из них говорит: “Тут что-то не то. Они явно перепутали нас с армянами”». Карикатура посвящена сведениям об атаке Турцией на курдов вместо поддержки действий международной коалиции во главе с США в Сирии и Ираке.

На другой карикатуре протестующие в парке Гези сравниваются с армянами во время геноцида. На снимке президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган представлен говорящим следующие слова: «Можете стрелять, представьте, что они армяне» [Charlie Hebdo опубликовало..., 2015].

В год столетия геноцида газета «The New York Times» в своей онлайн-версии также разместила карикатуру на тему геноцида армян. Автор карикатуры Патрик Чапатен изобразил, как в 1915 г. толпы армян погружаются в вагоны, а турецкие военные говорят им: «Не беспокойтесь, слова “геноцид” пока нет» [Карикатура на тему Геноцида армян..., 2015].

В таких условиях (когда этническое противостояние достигает своей крайней формы), как пишет Г.Б. Солдатов, актуализируются архетипы, связанные с героическим, драматическим и жертвенным прошлым того или иного народа. Они становятся призмой, через которую расцениваются современные межэтнические отношения и типологические характеристики наций. Образы-архетипы становятся активной составляющей этнической идентичности и превращаются тем самым в мощную психологическую силу. По мнению Солдатовой, они аккумулируют психическую энергию исторического прошлого народа, усиливают ощущение причастности к его истории, наделяют чувством единства и солидарности через время и пространство [Солдатов Г.У., 2003].

В центре внимания стоит вопрос: «Что нам нельзя забывать?». Он же определяет идентичность и самопонимание. Прошлое не сохраняется: оно превращается в символические фигуры, к которым прикрепляются воспоминания, оно сворачивается в социальный конструкт в соответствии с духовными потребностями этноса и его настоящим. В памяти народа удерживаются в первую очередь моменты, которые выступают своего рода сплавляющим фактором.

Дж. Тош разграничивает понятия «коллективная память» и «историческое знание»: если для исторического знания искажение является трудностью, которую необходимо устранить, то для коллективной памяти искажение есть необходимость. Актуальные в настоящем приоритеты этноса, социальной группы, государства побуждают скрывать в прошлом одни факты (например, в случае с Турцией), игнорировать их и высвечивать в настоящем другие. Е.А. Ерохина отмечает, что группе необходимо общее понимание событий и опыта для обретения коллективной идентичности [Ерохина Е.А., 2017]. Иначе невозможно сконструировать этническую историю. Необходима такая картина исторического прошлого, которая служила бы объяснению и оправданию настоящего даже в ущерб исторической достоверности [Тош Д., 2000, с. 11–13]. Французский историк Эрнест Ренан, в свою очередь, полагает, что «забвение и даже исторические ошибки являются важными факторами создания нации» [Renan E.J., 2015].

В этом поведении турецкого истеблишмента особенно красноречиво. Рамазан Абдулатипов пишет, что этнонациональные общности не являются самодовлеющей массой. Однако для современной Турции характерна обратная ситуация:

этнос, государство довлеют над личностью, ограничивая ее свободу ради как бы общего блага [Абдулатипов Р.Г., 2005]. В июле 2017 г. парламент Турции принял закон, запрещающий выражение «геноцид армян». В отношении депутатов, нарушивших закон, устанавливается наказание: деятельность депутатов, «оскорбивших историю турецкой нации и совместное прошлое», в парламенте будет временно приостановлена [Мелкумян Г.М., 2017].

Общность, довлеющая над личностью, равно как и чрезмерный индивидуализм, не признающий общность, — деструктивные линии их развития. Турецкое государство, придерживаясь основ «коллективной амнезии» в вопросе геноцида армян, стремится реанимировать идентичность этноса, стертую историческими травмами. Турция, таким образом, повредила все линии, соединяющие турок с их прошлым и отказалась от своих исторических корней: реальное прошлое подменено официальной историей, а события до 1928 г. и летописи прошлых поколений стали закрытой книгой. Турецкий этнос уходит от своих истоков, а они, как известно, важнейшая составляющая этнической идентичности. Очевидно, что Турция в попытке сохранить идентичность своего народа, так и не может ее реально построить. Национальная гордость в «армянском вопросе» и политика государства уничтожают все связи этноса с его прошлым, лишая его исторической памяти. В этом смысле идентичность становится похожа на пропагандистский штамп, используемый для создания видимости всенародного единства.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что в случае с пропагандистскими штампами и стереотипами вопросы национальной, этнической идентичности становятся «строительным материалом» для коммуникативной реальности. Эта реальность, в свою очередь, начинает вступать в имплицитное противоречие с исторической реальностью, национальной памятью, поколенческими социокультурными традициями. Отсюда — дисбаланс, дисгармония в отношении с миром каждого конкретного представителя социума. Коммуникативный потенциал этногенеза может оказаться абсолютно деструктивным, разрушающим изнутри национальную общность, если он направлен вовне, представляя собой не инструмент рефлексии, а инструмент власти и подавления. Средства массовой информации в этом смысле представляют собой метаструктуру, порождающую специфическое «коммуникативное одиночество» [Фортунов А.Н., 2014], которое,

по А.Н. Фортунатову, в свою очередь противопоставляет индивида, как единицу нации, и этнос, как концентрацию социокультурных смыслов.

Список литературы

Абдулатипов Р.Г. Этногенез и общество: обретение свободы или потеря сущности // Российская нация: Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Научная книга, 2005. URL: <https://history.wikireading.ru/24536> (дата обращения: 17.03.2018).

Гакаев З.Ж. Этнические стереотипы в прессе (на примере освещения конфликта в Чечне): дис. ... канд. истор. наук. М., 2003. 221 с.

Ерохина Е.А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 66–83. DOI: 10.25178/nit.2017.3.4.

Мамедов С.В. Еще одно разоблачение так называемого «геноцида армян» – факты – интервью // Day.az. 2016. 24 апр. URL: <https://news.day.az/politics/773422.html> (дата обращения: 17.03.2018).

Мелкумян Г.М. В парламенте Турции принят закон, запрещающий выражение Геноцид армян // Радио Азатутюн. 2017. 24 июл. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/28635442.html> (дата обращения: 17.03.2018).

Карикатура на тему Геноцида армян в New York Times // Голос Армении. 2015. 16 апр. URL: <http://golosarmenii.am/article/27648/karikatura-na-temu-genocida-armyan-v-New-York-Times> (дата обращения: 17.03.2018).

Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1. С. 3–15.

Солдатова Г.У. Этническое самосознание и этническая идентичность // Этническая психология: история и методы: Хрестоматия. СПб.: Речь, 2003. С. 189–196.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН: Академ. проект, 1999. 320 с.

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.

Турецкий историк: Геноцид армян уничтожает структуру сути турецкого общества // Armenia.Im. 22 дек. URL: <https://armenia.im/6/176031.html> (дата обращения: 17.03.2018).

Фортунатов А.Н. Коммуникация и одиночество: опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1(2). С. 464–467.

Bar-Tal D., Grauman C.F., Kruglanski A.W., Stroebe W. Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions. N.Y.: Springer, 1989. 276 p. DOI: 10.1007/978-1-4612-3582-8_8.

Bogardus E.S. Stereotypes Versus Sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. No. 3. P. 286–291.

Charlie Hebdo опубликовало карикатуры на тему позиции Турции в вопросе Геноцида армян // Analitikaua.Net. 2015. 15 янв. URL: <http://analitikaua.net/2015/charlie-hebdo-opublikovalo-karikaturyi-na-temu-pozitsii-turtsii-v-voprose-genotsida-armyan> (дата обращения: 17.03.2018).

Jagoda G. Nationality Preferences and National Stereotypes in China Before Independence // Journal of Social Psychology. 1959. No. 50. P. 165–174.

Lippman W. Public Opinion. N.Y.: Hartcourt, Brace and Co., 1922. 65 p.

Renan E.J. Qu'est-ce qu'une nation? // Les Crises. 2015. 31 oct. URL: <http://www.les-crisis.fr/nation-ernest-renan> (дата обращения: 17.03.2018).

Получено 05.04.2018

References

Abdulatipov, R.G. (2005). *Etnogenez i obschestvo: obretenie svobody ili poterya suschnosti* [Ethnogenesis and society: finding freedom or loss of the entity]. Rossiyskaya natsiya: Etnonatsionalnaya i grazhdanskaya identichnost rossiiyan v sovremennykh usloviyakh [The Russian nation: Ethnic and civil identity of Russians in modern conditions]. Moscow: Nauchaya kniga Publ. Available at: <https://history.wikireading.ru/24536> (accessed 17.03.2018).

Bar-Tal, D. et al. (1989). *Stereotyping and Prejudice. Changing Conceptions*. New York: Springer, 276 p. DOI: 10.1007/978-1-4612-3582-8_8.

Bogardus, E.S. (1950). Stereotypes Versus Sociotypes. *Sociological and Social Research*. No. 3, pp. 286–291.

Charlie Hebdo опубликовало карикатуры на тему позиции Турции в вопросе Геноцида армян (2015). [Charlie Hebdo has published cartoons on Turkey's position on the Armenian genocide issue]. *Analitikaua.Net*. Jan. 15. Available at: <http://analitikaua.net/2015/charlie-hebdo-opublikovalo-karikaturyi-na-temu-pozitsii-turtsii-v-voprose-genotsida-armyan> (accessed 17.03.2018).

Erokhina, E.A. (2017). *Etnicheskoe samosoznanie: teoreticheskii konstrukt i mentalnyy fenomen* [Ethnic identity: a theoretical construct and a mental phenomenon]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva]. No. 3, pp. 66–83. DOI: 10.25178/nit.2017.3.4.

Fortunatov, A.N. (2014). *Kommunikatsiya i odinochestvo: opyt dialekticheskogo analiza* [Communication and loneliness: a dialectical analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 1(2), pp. 464–467.

Gakaev, Z.Zh. (2003). *Etnicheskie stereotipy v presse (na primere osveshhenija konflikta v Chechnya): dis. ... kand. istor. nauk* [Ethnic stereotypes in the press (by the example of coverage of the conflict in Chechnya): dissertation]. Moscow, 221 p.

Jagoda, G. (1959). Nationality Preferences and National Stereotypes in China Before Independence. *Journal of Social Psychology*. No. 50, pp. 165–174.

Karikatura na temu Genotsida armyan v New York Times (2015). [Caricature on the theme of the Armenian genocide in the New York Times]. *Golos Armenii* [The Voice Of Armenia]. Apr. 16. Available at: <http://golosarmenii.am/article/27648/karikatura-na-temu-genocida-armyan-v-New-York-Times> (accessed 17.03.2018).

Lippman, W. (1922). *Public Opinion*. New York: Hartcourt, Brace and Co., 65 p.

Mamedov, S.V. (2016). *Esche odno razoblachenie tak nazываемого genotsida armyan – fakty – intervyyu* [Another exposure of the so-called Armenian genocide – facts–interview]. *Day.az*. Apr. 24. Available at: <https://news.day.az/politics/773422.html> (accessed 17.03.2018).

Melkumjan, G.M. (2017). *V parlamente Turtsii prinyat zakon, zapreschayuschiy vyrazhenie Genotsid armyan* [A law prohibiting the expression of the Armenian Genocide is passed in the Turkish Parliament]. *Radio Liberty*. Jul. 24. Available at: <https://rus.azatutyun.am/a/28635442.html> (accessed 17.03.2018).

Pain, E.A. and Popov, A.A. (1990). *Mezhnatsionalnye konflikty v SSSR* [Ethnic conflicts in the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 1, pp. 3–15.

Renan, E.J. (2015). *Qu'est-ce qu'une nation* [What is nation]. *Les Crises* [The crisis]. Oct. 31. Available at: <http://www.les-theses.fr/nation-ernest-renan> (accessed 17.03.2018).

Soldatova, G.U. (2003). *Etnicheskoe samosoznanie i etnicheskaya identichnost*, [Ethnic self-consciousness and ethnic identity]. *Etnicheskaya psikhologiya: istoriya i metody: Khrestomatiya* [Ethnic psychology: history and methods: Chrestomathy]. Saint Petersburg, Rech Publ., pp. 189–196.

Stefanenko, T.G. (1999). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of psychology RAS, Akademicheskii proekt Publ., 320 p.

Tosh, J. (2000). *Stremlenie k istine. Kak ovladet masterstvom istorika. Per. s angl.* [The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History. Trans. from Eng.]. Moscow: Ves Mir Publ. 296 p.

Turetskiy istorik: Genotsid armyan unichtozhaet strukturu suti turetskogo obschestva (2017). [Turkish historian: Armenian genocide destroys the structure of Turkish society]. *Armenia.Im*. Dec. 22. Available at: <https://armenia.im/6/176031.html> (accessed 17.03.2018).

Received 05.04.2018

Об авторе

Казарян Армине Гегамовна

аспирант института международных отношений и мировой истории

Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2; e-mail: armine5551@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-4542-2429

About the author

Armine G. Kazaryan

Ph.D. Student of the Institute of International Relations and World History

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2, Ulyanov str., Nizhni Novgorod, 603005, Russia; e-mail: armine5551@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-4542-2429

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Казарян А.Г. Медийная интерпретация этнического конфликта как акт деонтологизации этноса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 346–351.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-346-351

For citation:

Kazaryan A.G. The media interpretation of the ethnic conflict as an act of deontologisation of the ethnic group // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 346–351.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-346-351

УДК 140.8:811.161.1'27

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-352-363

СУЩНОСТЬ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Гайшун Роман Николаевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Актуальность данного исследования состоит в необходимости дать адекватную оценку теоретическим концепциям и манифестам трансгуманизма с позиции современной формы научной философии. Цель работы: определить сущность явления трансгуманизма, выявить основные объективные (социально-экономические) и теоретические предпосылки как трансгуманизма в целом, так и его отдельных направлений, показать связи трансгуманизма с другими направлениями философии, науки, общественно-политической мысли. В статье дается общая характеристика трансгуманизма, как направления мысли и общественного движения, при этом используются как самоопределения трансгуманистов, так и оценки их многочисленных критиков. Автором сделана попытка дать собственное комплексное определение трансгуманизма, с учетом изученного материала. Перечисляется круг основных проблем, лежащих в сфере интересов трансгуманистического движения, выявляются методологические связи трансгуманизма с другими направлениями философии и науки. Отмечены предпосылки появления трансгуманизма: как объективные (экономические), так и идеологические. Дается классификация направлений трансгуманизма по их политическим программам, кратко характеризуется каждое направление: либертарианский трансгуманизм (в т.ч. экстропианство), демократический трансгуманизм, технопрогрессивизм, левый трансгуманизм. При этом основной упор делается на самопрезентацию авторов, причисляющих себя к трансгуманистам, их отношение друг к другу и к критикам трансгуманистической мысли. По итогам исследования делается вывод, что трансгуманизм следует рассматривать, как одно из проявлений общественно-политической реакции на разработку новых технологий, способных радикально преобразить человеческую природу. При дальнейшем анализе конкретных, в том числе этических и социально-экономических идей трансгуманизма, необходимо учитывать его предпосылки и связь трансгуманизма с современными философскими и научными дискуссиями.

Ключевые слова: трансгуманизм, технопрогрессивизм, постчеловек, трансчеловек, гуманизм, биоэтика, этика науки, NBIC-технологии, экстропианство, либертарианство, демократический трансгуманизм, политическая философия.

ESSENCE, PREREQUISITES AND SELF-IDENTIFICATION OF TRANSHUMANISM MOVEMENT

Roman N. Gaishun

Perm State University

Theoretical concepts and manifestations of transhumanism require adequate assessment from the perspective of modern scientific philosophy. This study aims to determine the essence of transhumanism, to identify its main objective (socio-economic) and theoretical prerequisites, and to show the connection of transhumanism with other branches of philosophy, science, social and political thought. The article provides a general description of transhumanism as a direction of thought and a social movement, which is done with the consideration of both self-definitions of transhumanism thinkers and criticism toward them. The author attempts to obtain a new complex definition of transhumanism based on the materials studied. The article lists major problems lying in the sphere of interest of the transhumanism movement and reveals methodological links of transhumanism with other branches of philosophy and science. The author identifies the preconditions for the appearance of transhumanism, both objective (economic) and ideological ones. The paper provides a classification of transhumanism branches according to the political programs they are based on and a short description of each branch: libertarian transhumanism (including extropianism), democratic transhumanism, techno-progressivism, and left-wing transhumanism. The main emphasis is put on the self-

presentation of the authors who think of themselves as transhumanists, on their attitude toward each other and on the criticism of transhumanism thought. It is concluded that transhumanism should be considered one of the possible manifestations of the socio-political reaction to the development of new technologies capable of transforming the human nature in a rather radical way. For further analysis of certain ideas of transhumanism (including ethical and socio-economic), it is necessary to take into account its prerequisites and the connection with modern philosophical and scientific discussions.

Keywords: transhumanism, techno-progressivism, posthuman, transhuman, humanism, bioethics, ethics of science, NBIC-technologies, extropianism, libertarianism, democratic transhumanism, political philosophy.

Введение

Развитие высоких технологий в области медицины и генетики человека приведет к тому, что в обозримом будущем на рынке появятся новые способы более эффективного лечения, продления жизни, борьбы со старением, улучшения индивидуальных физических и интеллектуальных способностей, а также возможность генетического выбора потомства. Использование таких технологий, по мнению некоторых исследователей, называющих себя *трансгуманистами*, обусловит появление новых — «сверхчеловеческих» — форм разумной жизни, которые могут вытеснить человека не только из сферы материального труда, но и из области принятия решений. Тем самым при существующем социально-экономическом строе еще более расширится пропасть неравенства в обществе. Большинство современных людей такая перспектива оценивается как неудовлетворительная, противоречащая принципам гуманизма, социальной справедливости и политической демократии. Поэтому разные исследователи предлагают технико-экономические и социально-политические методы сохранения демократии и свободы личности при внедрении новых биотехнологий. Однако предлагаемые варианты оказываются зачастую противоположными и вызывают продолжительные дискуссии на страницах научных и популярных изданий.

Движение трансгуманизма является одной из наиболее заметных сторон в дискуссиях на эту тему. Совмещая в своем дискурсе научный, научно-популярный и научно-фантастический подходы, оно, с одной стороны, завоевывает массу сторонников в академических и широких кругах, с другой — вызывает много критики в свой адрес, не всегда научной и конструктивной. На русском языке существует мало академических статей и монографий, посвященных трансгуманизму, в которых с разных сторон освещались бы сущность этого движения и его предпосылки. Также остается малоизученной тема связи трансгуманизма с экономикой, социологией и политологией, его репрезентация в реальных политических движениях.

1. Определение трансгуманизма

Термин «*трансгуманизм*» был впервые использован английским биологом-эволюционистом, одним из основоположников современной формы дарвинизма — синтетической теории эволюции (СТЭ) — Дж. Хаксли в 1957 г. в работе «Новые бутылки для нового вина», посвященной критике религиозных предрассудков [Huxley J., 1957]. С тех пор область его применения значительно расширилась, смысл неоднократно менялся, возникло множество связанных с ним терминов, поэтому необходимо рассмотреть его историю, чтобы знать, с чем, собственно, мы имеем дело, говоря сегодня о трансгуманизме.

В упомянутой работе Дж. Хаксли называет *трансгуманизмом* новое убеждение в том, что человеческий род способен «превзойти сам себя», максимально реализовать заложенные в нем эволюционные способности и перейти на новый этап развития, который будет сопряжен с осознанным управлением земными и космическими процессами [Huxley J., 1957]. При этом Хаксли, с одной стороны, говорит, что «человек останется человеком», с другой стороны, считается, что новая форма существования «будет столь же отличной от нашей, как наша отлична от пекинского человека (вид, близкий к питекантропу. — *Р.Г.*)» [Huxley J., 1957, p. 17]. Эта парадоксальность природы «нового человека», которую Хаксли в этой работе никак более не проясняет, затем станет источником теоретических споров как между представителями разных течений трансгуманизма, так и между его интерпретаторами и критиками.

Своим изобретателем понятие «трансгуманизм» использовалось для обозначения некоего *убеждения, мировоззрения*, связанного с проблемой определения сущности и места человека в мире и перспектив его развития. Сильно ли изменилась его трактовка в дальнейшем? На сайте Российского трансгуманистического движения, организации «Humanity+» и в статье Макса Мора «Философия трансгуманизма» можно найти определения трансгуманизма, данные его приверженцами в разные годы:

– «Совокупность философий жизни (таких как экстропианство), которые стремятся к продлению и ускорению эволюции разумной жизни за пределы ее нынешней человеческой формы и человеческих ограничений с помощью науки и технологий, руководствуясь принципами и ценностями, стимулирующими жизнь» [Мор М., 1990; More М., 2013, р. 3].

– «Интеллектуальное и культурное движение, которое утверждает возможность и желательность фундаментального совершенствования человеческого состояния, главным образом, путем разработки и производства для широкого доступа технологий, устраняющих старение и значительно повышающих интеллектуальные, физические и психические способности человека» [Transhumanist FAQ. Various, 2003; More М., 2013, р. 3].

– «Изучение последствий, перспектив и потенциальных опасностей технологий, которые делают возможным преодоление фундаментальных человеческих ограничений и родственное ему исследование этических проблем, возникающих при разработке и использовании таких технологий» [Transhumanist FAQ. Various, 2003; More М., 2013, р. 3].

– «Подход к размышлениям о будущем, основанный на предпосылке, что человеческий вид в его нынешней форме представляет собой не конечную точку нашей эволюции, а скорее ее сравнительно раннюю фазу» [Transhumanist FAQ, 2016–2018].

– «Новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность с помощью науки и современных технологий — безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас “естественными” пределы человеческих возможностей» [Манифест...].

Итак, согласно вышеперечисленному современные авторы определяют трансгуманизм как *мировоззрение, философский подход, систему ценностей*, а также связанное с этим мировоззрением *общественное движение*. Это означает, что было бы неверно трактовать трансгуманизм в целом как направление науки, однако отдельные работы его представителей можно рассматривать именно как академические исследования в области антропологии, социальных наук или философии науки. По этой причине не все труды трансгуманистов целесообразно оценивать согласно строгому соответствию критериям научности. Однако все они рас-

сматривают научное познание в качестве своего предмета и провозглашают его этическую ценность, поэтому нуждаются в адекватной интерпретации со стороны научной философии.

В качестве обобщающего можно предложить следующее определение: *трансгуманизм* — это футурологическая и этическая концепция, провозглашающая возможность и необходимость продолжения эволюции человека, направленной на преодоление естественных телесных ограничений вида *Homo sapiens* и управляемой самим человеком посредством внедрения NBIC-технологий, а также связанное с этой концепцией интеллектуальное общественное движение.

Существуют также значительные различия в понимании целей трансгуманистического движения как среди сторонников этого направления, так и среди его критиков. Французскому философу Ж.М. Беснье принадлежит классификация трансгуманистических учений на «умеренных» и «экстремистов». Первые, по его мнению, «предлагают использовать технологии для продолжения дальнейшей эволюции *Homo sapiens*, вторые стремятся как можно быстрее покончить с “человеком” и перейти к “постчеловеку”» [Полякова О.В., 2015, с. 155]. Например, заявленная цель Всемирной трансгуманистической ассоциации, основанной Н. Бостромом и Д. Пирсом в 1998 г., состоит в «содействии совершенствованию человека, чтобы он мог в большей мере соответствовать меняющимся условиям существования в современном мире» [Bostrom N., 2005, р. 12]. Более радикальные цели отечественной трансгуманистической организации «Россия 2045», основанной Д. Ицковым в 2011 г. Ее члены полагают, что воплощение их идей будет способствовать преодолению антропологического кризиса современности, позволит «вывести из тупика земную цивилизацию» путем загрузки человеческого сознания в искусственные тела и обретения, таким образом, практического бессмертия [Ицков Д.И., 2013].

Такая разница в интерпретациях постчеловеческого не кажется удивительной, ибо трансгуманистами рассматривается большой спектр перспективных технологий, обладающих разным масштабом влияния на природу человека. Одни из них, такие как технологии улучшения памяти, борьба со старением или геновая инженерия, просто расширяют биологический фундамент вида *Homo sapiens*, ускоряют его развитие. Другие, связанные с крионированием или разработкой искусственной матки, могут более радикально изменить природу человека, наделив его свойства-

ми, ранее не встречавшимися ни у одного живого существа на Земле. Третьи, такие как сильный искусственный интеллект, загрузка сознания в машину, создание киборгов, ставят вопрос о создании принципиально новых разумных существ, имеющих полностью техногенный субстрат.

2. Предметная область исследований и методология трансгуманистов

Можно выделить следующие основные блоки современных и перспективных технологий, изучаемых трансгуманистами:

1. Различные технологии продления жизни, борьбы со старением и обретения бессмертия (напр., крионирование). Они наиболее активно пропагандировались ранними трансгуманистами — Р. Эттингером, Р. Курцвейлом и FM-2030, однако продолжают оставаться в дискурсе всех направлений трансгуманизма и в наши дни [Bostrom N., 2005]. Именно на это технологическое направление делает упор российское трансгуманистическое движение «Россия 2045» [Ицков Д.И., 2013].

2. Репродуктивные технологии, радикально изменяющие способ производства потомства (в том числе клонирование, генное проектирование потомства, искусственная матка). Находятся в поле внимания Н. Бострома и большинства современных трансгуманистов, сосредоточенных на вопросах биоэтики [Bostrom N., 2005].

3. Биотехнологии, способные расширить способности тела человека и его психики (напр., генные технологии, биопротезирование, нейропротезирование) [Bostrom N., Sandberg A., 2009]. Сюда же можно отнести проблемы киборгизации — соединения человеческого тела с машиной. Изучаются М. Мором, Дж. Хьюзом, Н. Бостромом и др.

4. Информационные технологии. Проблемы создания искусственного интеллекта, загрузки человеческого сознания в машину, создания интерфейса мозг-машина были поставлены вне рамок трансгуманизма, но именно его представителями (В. Виндж, Р. Курцвейл) предложены широко обсуждаемые сценарии технологической сингулярности и формирования компьютерной «матрицы» сознания [Bostrom N., 2014].

5. Проблемы робототехники и нанотехнологий, создания молекулярных ассемблеров и других технических средств, способных заменить человека в производстве, радикально преобразив труд. Наиболее подробно исследовались Э. Дрекслером, автором термина «наноассемблер» [Transhumanist FAQ, 2016–2018].

Каждое из перечисленных направлений технологического прогресса анализируется в рамках трансгуманизма на трех основных уровнях модальности, которые необходимо различать для адекватной оценки тех или иных суждений трансгуманистов, поскольку на каждом из этих уровней используется методологический аппарат различных дисциплин. Это уровень возможности данной технологии; уровень полезности, желательности ее внедрения; уровень необходимости использования этой технологии.

Во-первых, трансгуманисты изучают *возможности* воплощения той или иной технологии (например, крионирования или загрузки сознания в машину) с точки зрения технических наук, поскольку они, как правило, рассматривают технологии перспективные — находящиеся на начальных стадиях разработки, либо вообще гипотетические. На этом уровне ставятся вопросы о том, сколько времени и какой объем ресурсов может понадобиться на ее разработку и практическое внедрение. Отвечая на них, трансгуманисты, как правило, проявляют себя в качестве представителей естественных и технических наук, вступая в академические дискуссии с кибернетиками, инженерами, биотехнологами, врачами и др. Данный уровень был в центре внимания некоторых ранних трансгуманистов, таких как Р. Курцвейл, Э. Дрекслер, В. Виндж, Р. Эттингер и др., но не потерял своей актуальности и сегодня.

Другой уровень учений трансгуманизма — вопросы о *полезности* и *рисках* появления новых технологий, потенциально способных превратить человека в «постчеловка». Какие риски могут быть связаны с внедрением новой технологии? Есть ли политические или экономические препятствия ее широкому распространению? Здесь, помимо чисто технологических, рассматриваются социально-экономические, правовые и этические риски: смогут ли общество и государство принять ту или иную технологию, каково ее потенциальное влияние на общественную мораль и отношения между людьми? Эти вопросы тесно сближают трансгуманизм с *биоэтикой* и такими философскими направлениями, как этика науки, медицинская этика, социальная философия, философия права. Трансгуманисты, как правило, с позиций этического утилитаризма пытаются соотнести полезный эффект и ущерб от внедрения той или иной технологии, начиная со стадии ее исследования и экспериментов на человеке. Одновременно они рассматривают вопрос *справедливого распределения* продуктов потенциальной технологии

и соблюдения при этом основных *прав* и *свобод* граждан, в том числе права на свободное распоряжение собственным телом. Именно этот уровень исследования находится в центре внимания трансгуманистов XXI в., в частности Н. Бострома и сотрудников основанного им института. [Bostrom N., Sandberg A., 2009]

На третьем уровне трансгуманисты рассматривают вопрос этической *необходимости* внедрения «постчеловеческих» технологий и даже *неизбежности* появления постчеловека. Большинство из них согласны с тем, что разработка новой технологии, способной радикально улучшить жизнь индивидов с минимальным для них риском, делает ее максимально широкое распространение этически необходимым, а любые ограничения и запреты на ее внедрение — противоречащими принципу гуманизма [Transhumanist Declaration, 2015]. На этом уровне трансгуманисты, как правило, входят в дискурс общей и социальной философии, антропологии и теории эволюции. Полагая технико-экономический, а также и биологический прогресс человека закономерными, многие из них обосновывают неизбежность перехода человека на новую ступень эволюции. Это направление сближает трансгуманистов с их предшественниками — русскими космистами, а также западными философами, разработавшими концепции глобального эволюционизма, ноосферы и постиндустриального общества. Именно это направление трансгуманизма наиболее изучено в русскоязычной литературе. При этом отечественные авторы отмечают, что трансгуманисты активно пропагандируют идею эволюционного скачка к постчеловеку и считают новый способ существования более разумным, счастливым и перспективным. Это является основанием для критики трансгуманизма со стороны консервативных сторонников классического гуманизма, которые считают «естественно» возникшего человека высшей ценностью и вершиной эволюции, а «постгуманизм» — противоположностью гуманизма, т.е. антигуманизмом [Соколова С.Н., 2015].

3. Предпосылки появления трансгуманизма

Футурологические представления о принципиально новых формах человеческого существования, о путях дальнейшей эволюции человека как биологического вида появились в философии и науке ещё до появления термина «трансгуманизм». Некоторые из них многие авторы относят к *предпосылкам* современных трансгумани-

стических учений. Так, российский философ В.М. Маслов, рассуждая об истории трансгуманизма, выделяет «исторические множества постчеловеческих представлений» [Маслов В.М., 2013, с. 3034]. Он пишет, что представления о «постчеловеческих» формах жизни появляются еще в эпоху мифологического мировоззрения у большинства народов, а затем с уходом от мифа они распадаются на два направления — *сциентистско-техногенное*, проявляющееся в сопровождающей науку философии, и *художественное* — отражение этих идей в научной фантастике как жанре искусства. Отметим, что в поле зрения нашего исследования находится именно «сциентистско-техногенное» направление, по классификации Маслова.

К непосредственным идейным предшественникам трансгуманистов, как правило, относят *русских космистов*. Н.Ф. Федоров впервые дал этическое обоснование «научного иммортализма» — концепции воскрешения уже умерших людей на основе медицинских знаний. К.Э. Циолковский говорит о продолжении биологической эволюции разумной жизни на Земле и обретении обществом новых, более совершенных (в частности автотрофных) форм, которые позволили бы распространять разум в Космосе. Верил Циолковский и в наличие за пределами Земли других разумных существ, стоящих на более высокой ступени эволюции. В.И. Вернадский рассматривал эволюцию человека и его разума как необходимое продолжение эволюции материи, он выявил некоторые конкретные механизмы и закономерности подчинения человеком природы Земли и выхода сферы разума на космический уровень. Параллельно с ним концепцию ноосферы разрабатывал П. Тейяр-де-Шарден, но уже с богословских позиций [Дёмин И.В., 2014].

Белялетдинов называет «первопроходцем трансгуманизма» русского биолога И.И. Мечникова, изучавшего вопросы нетерапевтического улучшения свойств человеческого организма и продления жизни [Белялетдинов Р.Р., 2014].

К предпосылкам трансгуманизма можно отнести и сторонников *евгеники*, призывавших к улучшению человеческой природы путем искусственного отбора. Так, Ф. Гальтону, основателю евгеники, принадлежит разделяемое ныне многими трансгуманистами мнение, что биологическая природа человека изменяется гораздо медленнее, чем социально-экономическая система, поэтому косная физиология Homo sapiens становится препятствием для дальнейшего общественного про-

гресса, прогресса труда и техники [Гальтон Ф., 1875]. Шаг вперед, сделанный евгеникой по сравнению с русским космизмом, — это организация массового общественного движения за ускорение человеческой эволюции и выработка конкретной практической (в том числе политической) программы. Несмотря на опровержение программных положений евгеники с развитием науки, некоторые организационные принципы их движения переняты современным трансгуманизмом.

Однако между учениями предшественников (космизм и евгеника) и трансгуманизмом есть принципиальная разница. Если первые, говоря о продолжении эволюции разумной жизни, имеют в виду развитие *человеческой* формы существования, то трансгуманисты постулируют возможность и необходимость ее преодоления неким *постчеловеческим* состоянием. Многие исследователи полагают, что эта идея позаимствована трансгуманистическим учением у Ф. Ницше с его концепцией *сверхчеловека* [Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В., 2013]. Такие взгляды характерны, например, для некоторых российских философов, которые с консервативных этических позиций видят в трансгуманизме в первую очередь радикально антихристианское и антигуманистическое этическое учение [Кайгородов П.В., 2014; Соколова С.Н., 2015]. Один из идеологов трансгуманизма — Макс Мор — отмечал влияние философии Ницше на свои ранние работы [More M., 2013, p. 10]. Однако Н. Бостром в работе «История трансгуманистической мысли» пишет, что между ницшеанским сверхчеловеком и постчеловеком трансгуманизма есть существенная разница, ибо «сверхчеловек Ницше является не результатом технологического проектирования, а продуктом личностного и культурного роста» [Bostrom N., 2005, p. 4]. «Постчеловек» понимается трансгуманистами чаще всего как искусственный человек либо некоторый синтез человека и машины, поэтому предпосылки современной идеи «постчеловеческого» скорее следует усматривать в концепциях искусственного интеллекта, развиваемых с 1960-х гг. (А. Тьюринг, Дж. фон Нейман и др.) [Безхмельнов В.Д., 2016].

К специфическим предпосылкам отдельных направлений трансгуманизма относят также концепции постиндустриалистов, в особенности идею «футуршока» О. Тоффлера [Безхмельнов В.Д., 2016, с. 42], идею технологической сингулярности В. Винджа [Летов О.В., 2009, с. 67]. Упоминают также труды апологета капитализма и идеолога либертарианства Айн Рэнд в качестве

предпосылки формирования экстропианского учения М. Мора. [Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В., 2013, с. 57]

Помимо философских и идеологических к значимым предпосылкам возникновения трансгуманизма следует отнести:

– множество частных научных открытий и технических достижений второй половины XX в. в области информационных технологий, искусственного интеллекта, синергетики, генетики человека и генной инженерии, биотехнологий, медицины, нейрофизиологии, нанотехнологии и др., которые находятся в сфере интересов трансгуманистов, анализируются и оцениваются ими;

– некоторые явления современной массовой культуры: научно-фантастическая литература и кинематограф, компьютерные игры на соответствующую тематику, субкультуры киберпанка и биохакинга. Они служат источниками вдохновения как для авторов трансгуманистов, так и для последователей их движения, обеспечивая идеи трансгуманизма эстетической оболочкой, способствуя широкому распространению соответствующего мировоззрения.

4. Политический спектр направлений современного трансгуманизма

Будучи не только теоретическим подходом, но и общественным движением, продвигающим новое мировоззрение и систему ценностей, трансгуманизм не может оставаться в стороне от теории и практики политики. Программные документы трансгуманистов представляют собой манифесты, содержащие элементы политической пропаганды и агитации. Некоторые из современных трансгуманистов (например З. Иштван) выступают с политическими программами на выборах [Istvan Z., 2014]. С другой стороны, исследования трансгуманистов — это всегда футурологические изыскания, попытка вообразить себе некое не существовавшее никогда разумное существо будущего, сильно отличающееся от современного человека, и столь же невиданное состояние общества, в котором оно будет жить.

Социально-экономические и политические вопросы затрагиваются в текстах трансгуманистов в разной степени: часть из них вообще не касается социальной проблематики. Однако признается существование нескольких политических течений трансгуманизма; сторонники каждого из них предлагают и обосновывают разные способы эко-

номического и политического управления эволюцией человеческого вида.

Исторически первой формой политической самоидентификации трансгуманизма стали различные формы *либертарианской* идеологии. История этого направления начинается с философии *экстропианства*, разработанной футурологом М. Мором в конце 1980-х гг. и продвигаемой через созданный им Институт экстропии (1991–2006 гг.). Под «*экстропией*» авторы этого термина понимают меру «развитости интеллекта, функционального порядка, жизненности, энергии, опыта, стремления к развитию и росту биологической или организационной системы» [More M., 1990, p. 6]. Эту величину они связывали с биологической и разумной жизнью, противопоставляя ее *энтропии*, рост которой согласно второму началу термодинамики наблюдается во всех физических системах. Цель человеческого существования они видели в повышении уровня экстропии, что означает все возрастающее подчинение человеку природных сил и процессов посредством науки и высоких технологий. По мнению М. Мора и его последователей, одного лишь развития науки и техники недостаточно для роста экстропии. Необходимы определенные экономические, правовые и политические условия, в которых внедрение новых технологий будет наиболее эффективно, а также соответствующая им система ценностей.

Концепция М. Мора, основанная на этическом принципе разумного эгоизма, использовала в качестве основной социальной категории «*самособственность*» (self-ownership), содержание которого означает, что «индивид владеет собственным телом, разумом и своей жизнью» [More M., 1992, p. 5]. Его раскрытие становится возможным в наше время в связи с ростом сложности общества и используемых им технологий, следовательно, многообразия вариантов индивидуального выбора. Для воплощения принципа «самособственности», по Морю, необходимы развитие независимого мышления и личной ответственности каждого перед самим собой, свобода от какого-либо принуждения (политического и идеологического), возможность для каждого индивида самостоятельно выбирать вектор собственного развития и уважение к «самособственности» других индивидов [More M., 1992, p. 5].

Критикуя одного из основателей либертарианской политической философии — Айн Рэнд, Макс Мор, тем не менее, последовательно развивал основные принципы либертарной философии

применительно к идеям сознательного управления эволюцией человека как вида. На этих этических философских основаниях строилась экономическая и политическая программа Института экстропии, включающая постулаты свободного рынка, невмешательства государства в частную жизнь и экономику, право каждого на свободное распоряжение своим телом и своей жизнью [Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В., 2013].

Продолжателями идей М. Мора в XXI в. стали экономист Р. Бейли и юрист Г. Рейнольдс, которые и ввели термин «либертарианский трансгуманизм». В отличие от экстропианцев, они изучают не столько технологические и антропологические возможности эволюции человека в отдаленном будущем, сколько необходимые для этой эволюции современные политические и экономические условия [Bailey R., 2015; Reynolds G., 2006].

Критикуя идеи экстропианского движения, американский левый социолог Р. Барбрук относит их к проявлениям так называемой «*калифорнийской идеологии*» — разновидности технологического детерминизма [Barbrook R., Cameron A., 1996]. Данная идеология, по его мнению, имеет классовый характер: она родилась в среде частных предпринимателей и высококвалифицированных специалистов, работающих в американской IT-сфере, и отражает их стремление к получению максимальной личной свободы в условиях рынка в ущерб эксплуатируемым слоям населения. Для «калифорнийской идеологии» характерно смешение идей «новых левых» о личной свободе и неограниченном прогрессе, с одной стороны, и экономических консерваторов — о неизблемости рынка и института частной собственности — с другой. Однако сама логика развития информационных технологий, по мнению Барбрука, приводит к необходимости обобществления капитала, поэтому на смену либертарному экстропианству должны прийти новые, эгалитарные, идеи интеграции технологий [Barbrook R., 2000].

Вторым крупным направлением политической философии трансгуманизма считается *демократическое*, главными идеологами которого являются лидеры крупнейшего трансгуманистического движения «Humanity+» (бывшая Всемирная трансгуманистическая ассоциация) Н. Бостром и Дж. Хьюз.

Термин «*демократический трансгуманизм*» берет начало в 2004 г., когда американским социологом и биоэтиком Дж. Хьюзом была издана монография «Гражданин Киборг: почему демократические общества должны ответить на пере-

конструирование человека будущего» [Hughes J., 2004]. Хьюз полагает, что основные угрозы внедрения новых биотехнологий и искусственного интеллекта должны быть нивелированы за счет общественных методов решения всех возникающих при этом правовых проблем. В своей книге он касается проблем демократии в современных западных странах, рассуждает о работе парламентов, групп лоббирования и возможностях реального учета взглядов большинства. Хьюз касается проблем внедрения таких технологий, как усовершенствование телесных и интеллектуальных способностей, продление жизни и внедрение человекоподобных «киборгов», рассматривает также и угрозу углубления социального неравенства в недалеком будущем. При этом он подробно анализирует социально-политическую критику трансгуманистических идей как справа, так и слева, приводит аргументацию биолуддитов и контраргументы трансгуманизма. Описывая взгляды крайних в политическом отношении версий трансгуманизма (либертарианского экстропианства и более левого технопрогрессивизма), он предлагает свой путь, который за счет демократических процедур принятия решений должен объединить сильные стороны рыночной экономики и государственных методов преодоления социального неравенства [Hughes J., 2004].

Хьюз относит к демократическому трансгуманизму ряд так называемых «левых технотопий» — культурных и социально-политических идей и движений, среди которых

- движение за развитие т.н. «поддерживающих технологий», облегчающих жизнь лицам с инвалидностью и хроническими заболеваниями (искусственные органы, протезы, нейроинтерфейсы);
- субкультура биопанка;
- научная фантастика афроамериканского, феминистского, ЛГБТ направлений;
- *наносоциализм* — экономическая теория, обосновывающая связь построения социалистического общества с внедрением технологии молекулярного производства;
- движение за свободу программного обеспечения («пиратское движение»);
- движение за гарантированный минимальный доход;
- *техногайянизм* — энвайронменталистское учение и движение за преодоление экологического кризиса путем развития глобального экологического мониторинга и внедрения «зе-

ленных» технологий, в том числе генной инженерии;

- движение «Up-Wing», основанное FM-2030;
- некоторые другие [Hughes J., 2004].

Он отмечает, что все эти движения связаны с традиционными для левого фланга политического спектра областями дискурса: справедливое распределение ресурсов, национальное и гендерное равенство, защита лиц с ограниченными возможностями, охрана окружающей среды и др. Но что отличает от них именно демократическое направление трансгуманизма — это обоснование необходимости развития *демократических процедур принятия решений*, горизонтальной структуры общества, недопустимости доминирования экономической, интеллектуальной или иной элиты. Таким образом, именно в развитой политической сфере, успешно защищающей интересы всех групп общества, представители этого направления видят залог успешного развития новых технологий и продолжения биологической эволюции человека [Hughes J., 2004].

Упомянувшиеся ранее Р. Бейли и Г. Рейнольдс спорят с представителями доминирующих сегодня левых (демократических) направлений трансгуманизма, считая, что только полностью свободные рыночные отношения могут стать адекватной основой внедрения новых биотехнологий и «киборгизации» человека [Bailey R., 2015; Reynolds G., 2006]. Например, в своей статье 2005 г. «Магистраль к трансчеловеку: почему либертарианцам принадлежит будущее?» Р. Бейли отмечает, что принцип «демократии большинства», принятый в современном западном обществе, может оказаться авторитарным по отношению к некоторым меньшинствам. Так, при внедрении новых технологий, способных радикально преобразить человеческую природу, он может ограничить личную свободу тех людей, которые желали бы пользоваться плодами науки по своему усмотрению и менять свою собственную жизнь в соответствии с собственными взглядами. А это, в свою очередь, может стать тормозящим фактором эволюции человечества в целом [Bailey R., 2015].

Третьим направлением политической мысли в трансгуманизме можно считать *технопрогрессивизм*, основной идеолог которого Дейл Каррико изначально сотрудничал с Дж. Хьюзом в разработке идей демократического трансгуманизма, но затем отошел от его движения [Carrico D., 2009].

Каррико называет технопрогрессивизм альтернативой технофилии и технофобии — двум направлениям некритического техноцентризма,

которые акцентируют внимание соответственно на позитивных либо негативных сторонах применения научных разработок и технологий. Трансгуманизм, по мнению Каррико, является разновидностью некритического технофильского дискурса, выводящего серьезные проблемы внедрения биотехнологий в область фантастики и спекуляций. Каррико считает, что популярность трансгуманизма связана с общим состоянием культуры в эпоху неолиберализма, с его привлекательностью для буржуазных элит, а его распространение среди масс может грозить легитимацией в глазах общества множества реакционных мер, таких как евгеника, технократия, сворачивание социального государства и т.д. [Carrico D., 2009, 2013].

Технопрогрессивисты полагают, что технологическое развитие является «последней силой в мире, которую можно было бы назвать по-настоящему революционной» [Carrico D., 2005, p. 2], и связывают с ним надежды на устранение социального неравенства, эксплуатации, бедности и других проблем современного общества. Однако, по их мнению, внедрение новых технологий в условиях авторитарных обществ, войн и политической нестабильности несет большие угрозы миру, поскольку любая технология может быть потенциально использована как оружие и средство угнетения [Carrico D., 2005; Dvorsky G., 2008]. Они видят свою задачу в двух основных направлениях теории и политической практики:

- *социальная критика технологий* — максимально объективное изучение в рамках академической науки и донесение до общественности всех преимуществ и рисков внедрения тех или иных технологий, влияющих на природу человека, борьба с некритическим техноцентризмом и биоконсерватизмом;
- содействие построению демократического, справедливого и политически ответственного государства, в котором были бы обеспечены защита от системной безработицы, права личности на контроль за своим телом, всеобщий доступ к вспомогательным медицинским технологиям и психостимулирующим препаратам, а также свобода распространения информации [Technoprogressive Declaration, 2014].

В отличие от трансгуманистов, технопрогрессивисты настаивают на первичности социально-экономической и политической структуры общества по отношению к науке и технологиям, они считают, что меры, способствующие построению устойчивой демократии, преодолению социального и культурного неравенства, должны предше-

ствовать радикальному преобразению тела человека. Только в этом случае, по мнению Каррико, новые технологии станут гарантом устойчивости демократического общества, а не угрозой ему [Carrico D., 2005].

В спектре общественно-политической мысли технопрогрессивисты также занимают *левую* позицию, видя общество будущего более справедливым и менее авторитарным, полагая, что технологии не должны служить усилению неравенства и власти технологической элиты. Некоторые последователи этого направления одновременно поддерживают теорию и практику феминизма (Д. Харауэй), пиратского движения (Д. Рушкофф), энвайронментализма (А. Стеффен) и др. [Hughes J., 2004].

Заключение

На основании изложенного можно сделать вывод, что трансгуманизм является мировоззренческой позицией и общественным движением, которое, с одной стороны, видит себя в тесной связи с академическими исследованиями, основанными на научном подходе к описанию и изменению реальности, с другой — активно пользуется методами научно-фантастической литературы и политической пропаганды. В сфере внимания трансгуманистов находятся как естественно-научные и технико-экономические проблемы, так и вопросы этики, социальной психологии и политологии. При этом сами представители этого движения зачастую не дают четкой характеристики собственным политическим взглядам, считая, что трансгуманизм в целом либо находится вне политики, либо занимает особое место, вне традиционных сторон политического спектра. По этой причине, а также вследствие новизны трансгуманизма и отсутствия внутри него понятийного единства его теоретические концепции и этические принципы оказывается весьма сложно проанализировать с позиций классической философии и этики. На наш взгляд, для адекватной оценки учений трансгуманистов необходимо учитывать все предпосылки этого движения, его междисциплинарные связи и уметь отличать в его концепциях собственно научные (в том числе философские) гипотезы и доказательства от ненаучного (публицистического, научно-фантастического) компонента. Также следует отметить связь политических манифестов трансгуманизма с существующими политическими движениями и их объективными (социально-экономическими) предпосылками. Этому вопросу необходимо посвятить отдельное исследование.

Список литературы

Безхмельнов В.Д. Трансгуманизм: технологическое неравенство // Молодежный научно-технический вестник. 2016. № 7. URL: <http://sntbul.bmstu.ru/doc/844505.html> (дата обращения: 23.07.2018).

Беляетдинов Р.Р. Почему трансгуманизм формирует образ биотехнологий? // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 18–27.

Гальтон Ф. Наследственность таланта, её законы и последствия. СПб.: Изд. журн. «Знание», 1875. 319 с.

Дёмин И.В. Русский космизм в контексте современной техногенной цивилизации: учеб. пособие. Самара: Самар. гуманит. акад., 2014. 100 с.

Ицков Д.И. Глобальное будущее и общественное движение «Россия 2045» // Философские науки. 2013. № 8. С. 5–10.

Кайгородов П.В. Трансгуманизм: дискуссионные аспекты концепции // Идеи и идеалы. 2014. № 4, т. 2. С. 28–33.

Летов О.В. Трансгуманизм и этика // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2009. № 2. С. 54–102.

Манифест Российского Трансгуманистического Движения // Сайт Российского Трансгуманистического Движения. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 23.07.2018).

Маслов В.М. Историко-философское введение в постчеловеческое // Фундаментальные исследования. 2013. № 10(13). С. 3033–3038.

Полякова О.В. Социальные практики российского трансгуманизма // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 154–162.

Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Трансгуманизм Макса Мора: автаркия и отчуждение // Философия права. 2013. № 3. С. 56–60.

Соколова С.Н. О некоторых задачах философии в контексте перспектив технологизации человека // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 19–30.

Bailey R. (2005). Trans-Human Expressway: Why libertarians will win the future // Reason. 2005. May 11. URL: <http://reason.com/archives/2005/05/11/trans-human-expressway> (accessed: 30.07.2018).

Barbrook R. Cyber-Communism: How the Americans Are Superseding Capitalism in Cyberspace // Science as Culture. 2000. Vol. 9, iss. 1. P. 5–40. DOI: 10.1080/095054300114314.

Barbrook R., Cameron A. The Californian Ideology // Science as Culture. 1996. Vol. 6, iss. 1. P. 44–72.

Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. P. 1–25.

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014. 415 p.

Bostrom N., Sandberg A. Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges // Science and Engineering Ethics. 2009. Vol. 15(3). P. 311–341. DOI: 10.1007/s11948-009-9142-5.

Carrico D. Condensed Critique of Transhumanism // Amor Mundi. 2009. URL: <https://amormundi.blogspot.com/2009/01/condensed-critique-of-transhumanism.html> (accessed: 30.07.2018).

Carrico D. Futurological Discourses and Posthuman Terrains // Existenz. 2013. Vol. 8, no. 2. P. 47–63. URL: <https://existenz.us/volumes/Vol.8-2Carrico.pdf> (accessed: 30.07.2018).

Carrico D. Technoprogessivism Beyond Technophilia and Technophobia // The Technoprogessive. 2006. URL: <http://technoprogessive.blogspot.com/2006/08/technoprogessivism-beyond.html> (accessed: 30.07.2018).

Dvorsky G. Future Risks and the Challenge to Democracy // Sentient Developments. 2008. Dec. 22. URL: <http://www.sentientdevelopments.com/2008/12/future-risks-and-challenge-to-democracy.html> (accessed: 15.06.2018).

Hughes J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Cambridge, MA: Westview Press, 2004. 294 p.

Huxley J. New Bottles for New Wine. L.: Chatto & Windus, 1957. 320 p.

Istvan Z. Why I'm Running for California Governor as a Libertarian // Newsweek, 2017. Dec. 2. URL: <http://www.newsweek.com/zoltan-istvan-california-governor-libertarian-555088> (accessed: 15.07.2018).

More M. The Extropian Principles // Extropy. 1992. Vol. 4, no. 1. P. 5–8.

More M. The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader. Oxford: John Wiley & Sons, 2013. P. 3–17. DOI: 10.1002/9781118555927.ch1.

More M. Transhumanism: Toward a Futurist Philosophy // Extropy. 1990. Vol. 6. P. 6–12.

Reynolds G. An Army of Davids: How Markets and Technology Empower Ordinary People to Beat Big Media, Big Government, and Other Goliaths. Nashville: Thomas Nelson, Inc., 2006. 304 p.

Technoprogessive Declaration: «Transvision 2014» // Institute for Ethics and Emerging Technologies. 2014. Nov. 22. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/tpdec2014> (accessed: 30.07.2018).

Transhumanist Declaration / Humanity+, World Transhumanist Association. 2005. URL: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/> (accessed: 30.07.2018).

Transhumanist FAQ / Humanity+, World Transhumanist Association. 2016–2018. URL: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/> (accessed: 30.07.2018).

Получено 30.07.2018

References

- Bailey R. (2005). Trans-Human Expressway: Why libertarians will win the future. *Reason*. 2005. May 11. Available at: <http://reason.com/archives/2005/05/11/trans-human-expressway> (accessed 30.07.2018).
- Barbrook R. (2000). Cyber-Communism: How the Americans Are Superseding Capitalism in Cyberspace. *Science as Culture*. Vol. 9, iss. 1, pp. 5–40. DOI: 10.1080/095054300114314.
- Barbrook, R. and Cameron, A. (1996). The Californian Ideology. *Science as Culture*. Vol. 6, iss. 1, pp. 44–72.
- Belyaletdinov, R.R. (2014). *Pochemu transgumanizm formiruet obraz biotekhnologii?* [Why transhumanism forms the image of biotechnologies?]. *Rabochie Tetradi Po Bioetike*. Vyp. 18: *Chelovek — NBIC mashina* (filosofsko-antropologicheskie i bioeticheskie issledovaniya) [Workbooks on bioethics. Iss. 18: Human — NBIC machine (philosophical-anthropological and bioethical research)]. Moscow, MSH Publ., pp. 18–27.
- Bezkhmel'nov, V.D. (2016). *Transgumanizm: Tekhnologicheskoe Neravenstvo* [Transhumanism: The Technological Inequality]. *Molodezhnyy nauchno-tekhnicheskii vestnik* [The scientific and technical bulletin of youth]. No. 7. Available at: <http://sntbul.bmstu.ru/doc/844505.html> (accessed 23.07.2018).
- Bostrom, N. (2005). A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology*. Vol. 14, iss. 1, pp. 1–25.
- Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press, 415 p.
- Bostrom, N. and Sandberg, A. (2009). Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 15, iss. 3, pp. 311–341. DOI: 10.1007/s11948-009-9142-5.
- Carrico, D. (2009). Condensed Critique of Transhumanism. *Amor Mundi*. Available at: <https://amormundi.blogspot.com/2009/01/condensed-critique-of-transhumanism.html> (accessed 30.07.2018).
- Carrico, D. (2013). Futurological Discourses and Posthuman Terrains. *Existenz*. Vol. 8, no. 2, pp. 47–63. Available at: <https://existenz.us/volumes/Vol.8-2Carrico.pdf> (accessed 30.07.2018).
- Carrico, D. (2005). Technoproggressivism Beyond Technophilia and Technophobia. *The Technoproggressive*. Available at: <http://technoproggressive.blogspot.com/2006/08/technoproggressivism-beyond.html> (accessed 30.07.2018).
- Dvorsky, G. (2008). Future Risks and the Challenge to Democracy. *Sentient Developments*. Dec. 22. Available at: <http://www.sentientdevelopments.com/2008/12/future-risks-and-challenge-to-democracy.html> (accessed: 15.06.2018).
- Dyomin, I.V. (2014). *Russkiy kosmizm v kontekste sovremennoy tekhnogennoy tsivilizatsii* [Russian Cosmism in the Context of Modern Technogenic Civilization]. Samara: Samara Academy for the Humanities, 100 p.
- Galton, F. (1875). *Nasledstvennost talanta. Zakony i posledstviya* [Hereditary Genius, its Laws and Consequences]. Saint Petersburg : Znanie Publ., 319 p.
- Hughes, J. (2004). *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. Cambridge: Westview Press, 294 p.
- Huxley, J. (1957). *New Bottles for New Wine*. London: Chatto & Windus, 320 p.
- Istvan, Z. (2017). Why I'm Running for California Governor as a Libertarian. *Newsweek*. Dec. 2. Available at: <http://www.newsweek.com/zoltan-istvan-california-governor-libertarian-555088> (accessed: 15.07.2018).
- Itskov, D.I. (2013). *Globalnoe budushee i obschestvennoe dvizhenie «Rossiya 2045»* [Global Future and the Social Movement «Russia 2045»]. *Filosofskie nauki* [Philosophy Sciences]. No. 8, pp. 5–10.
- Kaygorodov, P.V. (2014). *Transgumanizm: Diskussionnye Aspekty Kontseptsii* [Transhumanism: Discussion Aspects of the Concept]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 4, vol. 2, pp. 28–33.
- Letov, O.V. (2009). *Trasngumanizm i etika* [Transhumanism and Ethics]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura Seriya 3: Filosofiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 3: Philosophy]. No. 2, pp. 54–102.
- Manifest Rossiyskogo Transgumanisticheskogo Dvizheniya* [Russian Transhumanism Movement Manifesto]. Available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (accessed 23.07.2018).
- Maslov, V.M. (2013). *Istoriko-filosofskoe vvedenie v postchelovecheskoe* [Historico-Philosophical Introduction To Posthuman]. *Fundamentalnye Issledovaniya* [Fundamental research]. No. 10(13), pp. 3033–3038.
- More, M. (1992). The Extropian Principles. *Extropy*. Vol. 4, no. 1, pp. 5–8.
- More, M. (2013). The Philosophy of Transhumanism. *The Transhumanist Reader*. Oxford: John Wiley & Sons, pp. 3–17. DOI: 10.1002/9781118555927.ch1.
- More, M. (1990). Transhumanism: Toward a Futurist Philosophy. *Extropy, Institute of Extropy*, Vol. 6, pp. 6–12.
- Polyakova, O.V. (2015). *Sotsialnye praktiki rossiyskogo transgumanizma* [Transhumanism in Russia: Social Activities]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 8–9, pp. 154–162.

Reynolds, G. (2006). *An Army of Davids: How Markets and Technology Empower Ordinary People to Beat Big Media, Big Government, and Other Goliaths*. Nashville: Thomas Nelson, Inc., 304 p.

Rybakov, O.Yu. and Tihonova, S.V. (2013). *Transgumanizm Maksa Mora: Avtarkiya i Otchuzhdenie* [Transhumanism of Max Mor: Autarky And Alienation]. *Filosofiya Prava* [Philosophy of Law]. No. 3, pp. 56–60.

Sokolova, S.N. (2015). On Some Problems Of Philosophy In The Context Of Human Technologicalisation Prospects [O Nekotorykh Zadachakh Filosofii v Kontekste Perspektiv Tekhnologizatsii Cheloveka]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Tula State University Herald.

Human Science]. No. 1, pp. 19–30.

Technoprogressive Declaration: «Transvision 2014» (2014). Institute for Ethics and Emerging Technologies. Nov. 22. Available at: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/tpdec2014> (accessed 30.07.2018).

Transhumanist Declaration (2005). Humanity+, World Transhumanist Association. Available at: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/> (accessed 30.07.2018).

Transhumanist FAQ (2016–2018). Humanity+, World Transhumanist Association. Available at: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/> (accessed 30.07.2018).

Received 30.07.2018

Об авторе

Гайшун Роман Николаевич

магистрант направления «Анализ социальных систем и процессов» философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: gaishun-roman@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1979-3234

About the author

Roman N. Gaishun

Post-graduate Student of the «Analysis of Social Systems and Processes» Program, Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia; e-mail: gaishun-roman@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1979-3234

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гайшун Р.Н. Сущность, предпосылки и политическое самоопределение трансгуманистического движения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 352–363. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-352-363

For citation:

Gaishun R.N. Essence, prerequisites and self-identification of transhumanism movement // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 352–363. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-352-363

УДК 316.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-364-374

К ПРОБЛЕМЕ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Бектанова Айгуль Карибаевна

Кыргызско-Российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина

Задача формирования гражданского общества является актуальной на всем постсоветском пространстве. Как известно, ключевым субъектом гражданского общества является личность. Главным признаком гражданской личности является свобода во всех ее проявлениях. В статье рассматривается проблема свободы личности под углом зрения концепции «негативной» и «позитивной» свободы и утверждается, что подлинная гражданская свобода есть неразрывное единство как внешних ее детерминант, так и внутренних. Отмечается, что, с одной стороны, свобода личности в гражданском обществе необходимо предполагает ее относительную независимость от внешнего воздействия, а с другой стороны, невозможна без внутренней духовной готовности действовать сознательно и благоразумно, не ущемляя интересов и прав других людей, без понимания того, что каждый должен нести ответственность за свои действия. Особое внимание в статье обращается на проблемы духовной, прежде всего интеллектуальной, свободы и обосновывается положение о том, что проблема интеллектуальной свободы личности актуальна не только для стран догоняющей демократии, но и для развитых демократий Запада. Проблема состоит не только и не столько в том, как и откуда получить информацию, а в том, как полученная информация влияет на сознание и поведение личности, способствует ли она формированию ее гражданственности. Рассматривая проблему свободы в кыргызстанском обществе и отмечая, что кыргызы как самостоятельный этнос смогли сохраниться до сегодняшних дней именно благодаря своему неуклонному стремлению к свободе, автор приходит к заключению, что свобода для кочевников выступала в форме своеобразной дихотомии внешней и внутренней свободы и несвободы. В статье указывается на своеобразие толкования в современном кыргызстанском обществе феномена свободы, заключающееся в том, что она для многих кыргызстанцев ассоциируется с анархией, безначалием, вседозволенностью. Однако реальная свобода личности в гражданском обществе невозможна без понимания того, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», что не бывает свободы абсолютной, что она всегда относительна и тесно связана с ответственностью и сознательностью личности.

Ключевые слова: гражданское общество, личность, свобода, «негативная свобода», «позитивная свобода», интеллектуальная свобода, гражданская свобода, ответственность.

ON THE PROBLEM OF FREEDOM OF THE INDIVIDUAL AS A BASIC CONDITION FOR THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

Aigul K. Bektanova

Kyrgyz-Russian Slavic University of B.N. Yeltsin

The task of forming a civil society is relevant all over the post-Soviet space. As is known, the key subject of civil society is a person. The main feature of an individual in civil society is freedom, as understood in all its aspects. The article deals with the problem of individual freedom in terms of the concepts of «negative» and «positive» freedom and affirms that genuine civil freedom is an inseparable unity of both its external determinants and internal ones. It is noted that, on the one hand, the freedom of the individual in civil society necessarily implies its relative independence from external influence, but, on the other hand, it is impossible without an inner spiritual willingness to act consciously and sensibly without infringing on the interests and rights of

others, without understanding that everyone should be responsible for their actions. The paper pays particular attention to the problems of spiritual, and, first of all, intellectual freedom, and justifies the thesis that the problem of the individual intellectual freedom is relevant not only for countries moving to democracy, but also for developed democracies of the West. The problem is not only and not so much how and where from to get information, but how the information obtained affects consciousness and behavior of the individual, and whether it contributes to the formation of his civic consciousness. Considering the problem of freedom in the Kyrgyz society and stressing that the Kyrgyz have managed to preserve their ethnic independence to this day precisely because of their steady striving for freedom, the author comes to the conclusion that freedom for nomads acted as a kind of dichotomy between external and internal freedom and lack of freedom. The article points to the peculiarity of the freedom phenomenon interpretation in modern Kyrgyzstan society, where for many people it is associated with anarchy, hopelessness and permissiveness. However, the real freedom of the individual in civil society is impossible without understanding that «the freedom of one person ends where freedom of another begins», that there is no absolute freedom, and it is always relative and closely related to the responsibility and consciousness of the individual.

Keywords: civil society, personality, freedom, «negative freedom», «positive freedom», intellectual freedom, civil freedom, responsibility.

Введение

Радикальные социально-политические трансформации, связанные с крахом социализма и развалом СССР, в постсоветских странах вызвали потребность новых мировоззренческих оснований, которые должны были заменить модели общественного развития, предписанные коммунистической идеологией. Таким социальным ориентиром стало гражданское общество, понятие о котором было возрождено в Восточной Европе, в странах бывшего социализма. Гражданское общество стало пониматься как синоним демократии и антипод тоталитаризма и авторитаризма. Поэтому идея формирования и развития гражданского общества была подхвачена официальной идеологией и теоретической мыслью на всем постсоветском пространстве и актуализировалась в многочисленных государственных программных документах и научно-теоретических концепциях.

Сегодня на постсоветском социогуманитарном пространстве термин «гражданское общество», пожалуй, можно назвать самым часто употребляемым. По меткому замечанию российского философа Н.В. Мотрошиловой, «о гражданском обществе у нас не разглагольствовало “только совсем ленивые”, но, тем не менее, мы и сегодня ощущаем явный дефицит как практики, так и теории гражданского общества» [Мотрошилова Н.В., 2009, с. 13]. И хотя существует множество определений и концептов гражданского общества, по справедливому мнению Н.В. Мотрошиловой, «в теории пока нет систематических, основательных, операциональных для практики исследований на эту тему, в должной мере использующих достаточно богатый опыт истории мысли и сегодняш-

ние достижения мировой литературы вопроса» [Мотрошилова Н.В., 2009, с. 13].

Вслед за многими обществоведами полагаем, что целесообразно дескриптивно-прескриптивное понимание гражданского общества, то есть его осмысление, с одной стороны, как некоей идеальной модели, проекта, который стремятся осуществить демократически ориентированные страны. С другой стороны, как реального конкретно-исторического феномена, присущего им (странам. — А.Б.) на данном этапе их исторического развития. В контексте первого, прескриптивного, подхода мы предлагаем следующую его дефиницию: гражданское общество — это особое социокультурное пространство, представляющее собой систему независимых от государства и в то же время так или иначе взаимодействующих с ним самоорганизующихся социальных институтов, общественных взаимосвязей и взаимоотношений (семейных, религиозных, морально-нравственных, политических, экономических, этнических, культурных, правовых и др.), носящих преимущественно «горизонтальный» характер и основанных на партнерстве, солидарности и здоровой конкуренции, обеспечивающих реализацию индивидуальных и коллективных потребностей своих членов и направленных на достижение общественного блага, социального порядка и согласия. Такое общество предполагает высокий уровень гражданской культуры, сознания и самосознания, реальную личностную свободу и высокую гражданскую ответственность своих членов. В контексте второго подхода гражданское общество включает в себя реально существующую на данный момент систему автономных от государства социальных институтов, горизонтальных взаимосвязей и отношений, служащих удовлетворению

разнообразных потребностей индивидов и социальных групп и ориентированных на консенсус и социальный порядок.

Формирование и становление гражданского общества — это достаточно долговременный исторический процесс, детерминированный определенными экономическими, политико-правовыми и социокультурными факторами.

Экономической основой гражданского общества является рыночная экономика, для которой, как известно, присущи многообразные формы собственности, свобода предпринимательства и минимальное влияние государства на экономическую деятельность частных собственников. Политико-правовую основу гражданского общества представляет правовое государство, функционирующее на основе фундаментальных правовых принципов, главные из которых — защита прав, свободы и достоинства человека. Экономические и политико-правовые основания составляют фундамент для формирования первостепенной социальной базы гражданского общества — гражданской личности, важнейшими атрибутами которой являются политическая, правовая, экономическая и духовная свобода. И, наконец, духовные основы гражданского общества предполагают идеологический и мировоззренческий плюрализм, свободу совести, цивилизованность, высокие морально-нравственные качества, определенный уровень гражданской и политической культуры. Как видим, основополагающим условием формирования гражданского общества и конституирования гражданского типа личности выступает свобода. Еще родоначальник немецкой классической философии И. Кант считал, что гражданское общество основано на таких априорных принципах, как 1) свобода члена общества как человека; 2) равенство его с другими как подданного; 3) самостоятельность члена общества как гражданина [Кант И., 1966, с. 12–13].

О двух концепциях свободы

Проблема свободы имеет давнюю философскую традицию, зародившуюся еще в Античности. В разные исторические эпохи понятие свободы связывалось с такими понятиями, как «благо», «счастье», «воля», «необходимость». «Попытка ответить на вопрос, что есть свобода, кажется безнадежным предприятием» [Арендт Х., 2014, с. 32]. Особенно оно безнадежно в ограниченных рамках научной статьи. Тем не менее, попытаемся вкратце в самых общих чертах изложить свое понимание данной проблемы.

В современном общественном сознании преобладает точка зрения, согласно которой свобода есть прежде всего свобода выбора. Действительно, личность может быть свободной только тогда, когда у нее есть реальная возможность и право выбора — выбора места жительства и сферы деятельности, выбора политических и идеологических предпочтений, выбора мировоззренческих установок, выбора распоряжаться своей собственностью и т.п. В то же время понятие свободы коррелируется с понятием «насилие». А вернее, с отсутствием насилия как социального, политического, экономического и духовного явления. Это может быть насилие над личностью как извне, со стороны других людей или социальных институтов, а также насилие человека над самим собой, когда он должен принимать решения и действовать против своей воли и желания. Кроме этого, понятие свободы, безусловно, связано с понятием ответственности. Свобода — это определенная мера ответственности, которую осознает личность и которую несет в соответствии со степенью своей свободы.

Начиная с философии XIX в. появилось два основных подхода в понимании свободы — свобода как «свобода от», т.е. внешняя свобода, и свобода как «свобода для» — внутренняя свобода. В современной социально-философской мысли указанные подходы выразились в концепциях негативной и позитивной свободы, являющихся сегодня предметом бурных дискуссий. Не вдаваясь в подробности, приведем широко известные определения негативной и позитивной свободы английского философа Исайи Берлина и канадского философа Чарльза Тейлора. В своем знаменитом эссе «Две концепции свободы» сущность негативной свободы И. Берлин кратко сформулировал тезисом «Я никому не раб», что, с его точки зрения, означало свободу от внешнего принуждения. Негативная свобода — это свобода «от». Позитивная свобода — это свобода «для». Она выразилась в тезисе «Я сам себе хозяин», в соответствии с которым человек сам мог «быть орудием своего собственного волеизъявления, а не волеизъявления других людей» [Берлин И., 1998, с. 22]. Сам И. Берлин отдает предпочтение негативной свободе. В позитивной свободе, по убеждению философа, имплицитно содержится опасность манипулирования ею с целью достижения своих интересов тоталитарными политическими силами [Берлин И., 1998, с. 24].

Оппонентом английского философа выступает канадский философ Ч. Тейлор. Негативную и позитивную свободу он анализирует в контексте

диалектики возможности и осуществления. Негативная свобода представляет собой идею «возможности» и детерминирована внешними условиями, а позитивная связана с преодолением внутренних барьеров. Ч. Тэйлор убежден, что отсутствие внешних препятствий, т.е. негативная свобода, не есть подлинная свобода, поскольку существуют еще и препятствия внутренние. Свобода же позитивная, по утверждению философа, зиждется на идее «осуществления»: обладание ею указывает на внутреннюю свободу и реальную возможность действовать сообразно своим интересам и желаниям, опираясь при этом на здравый смысл. По мнению канадского философа, «способности, значимые для свободы, должны включать самосознание, самопонимание, понимание моральной проблематики и самоконтроль» [Taylor Ch., 1979, p. 180]. Обладание позитивной свободой, по Тейлору, свидетельствует о зрелости, самостоятельности, самодостаточности и силе воли личности.

С идеями Ч. Тейлора перекликаются воззрения кыргызстанского философа Ж. Бокошева, который пишет: «Социальный мир, в котором “Я” оказался, должен быть устроен таким образом, что для него (т.е. “Я”) имеется свободное место. “Я” там определяет собственное место, определяет свое отношение к другим частям, элементам этого мира. Во-первых, проявляется здесь его самостоятельность (ценность). Во-вторых, “Я” выступает в качестве творческой, активной силы. В-третьих, определяются возможности “Я” (“здесь” и “теперь”, “я могу”» [Бокошев Ж., 1996, с. 18].

На наш взгляд, подлинная гражданская свобода есть неразрывное единство как внешних ее детерминант, так и внутренних. Такое единство хорошо выразил итальянский политический философ Маурицио Вироли в своей работе «Свобода слуг». Критически анализируя политику премьер-министра С. Берлускони, он писал: «Свобода слуг или подданных заключается в том, что нам не препятствуют в достижении наших целей. Свобода гражданина, в свою очередь, состоит в том, чтобы не испытывать на себе своевольную или огромную власть одного или нескольких человек <...> Свобода гражданина <...> не благо, которым мы обладаем и наслаждаемся, каким бы ни был наш образ жизни, но награда, которую мы получаем, если поступаем хорошо или если исполняем гражданские обязанности» [Вироли М., 2014, с. 3]. Действительно, с одной стороны, свобода личности в гражданском обществе необходимо предполагает ее относительную независи-

мость от внешнего воздействия, и можно вполне согласиться с Дж. Сартори, который указывал на то, что мы нуждаемся в свободе «от» для того, чтобы иметь свободу «для» [Sartori G., 1973, p. 286]. С другой стороны, свобода личности невозможна без внутренней духовной готовности действовать сознательно и благоразумно, не ущемляя интересов и прав других людей, понимания того, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», что не бывает свободы абсолютной, что она всегда относительна и тесно связана с ответственностью и сознательностью личности. Прав был Ортега-и-Гассет, утверждая, что абсолютная свобода ведет к ощущению пустоты, неприкаянности и невостребованности жизни: «Жизнь — это обязательство что-то совершить, исполнение долга, и, уклоняясь от него, мы отрекаемся от жизни» [Ортега-и-Гассет Х., 2016, с. 147–148].

Проблемы интеллектуальной свободы личности

Еще шотландский философ-просветитель А. Фергюсон высказал идею о том, что «свобода есть в некотором смысле удел исключительно просвещенной нации», и ее можно рассматривать «в различных аспектах (личной и имущественной безопасности, занимаемого положения, участия в политических делах)» [Фергюсон А., 2000, с. 367]. Вкупе все это составляет гражданскую свободу. Гражданская свобода, по А. Фергюсону, состоит в широкой возможности применения своих способностей и талантов «в ведении дел гражданского общества» [Фергюсон А., 2000, с. 367].

Одной из составляющих гражданской свободы является свобода духовная. Под духовной свободой понимают право и возможность выражать собственные мысли и точку зрения, свободу совести, что означает свободу вероисповедания, свободу творчества и мировоззрения. В структуре духовной свободы можно выделить интеллектуальную свободу. Б. Спиноза определял интеллектуальную свободу как естественное право и способность человека свободно рассуждать и судить о любых вещах без внешнего принуждения [Спиноза Б., 1957, с. 258].

Сегодня проблема интеллектуальной свободы личности все более актуализируется не только в странах догоняющей демократии, но и в странах с развитой демократии Запада. Несмотря на достаточно высокий уровень политической и правовой свободы, исследователи говорят о несамостоятельности мышления людей, живущих в них, о

большой зависимости от средств массовой информации, в первую очередь от Интернета. Достаточно серьезное влияние на сознание личности в современном обществе оказывают массовая культура и мещанская идеология. Как верно заметила Р.Д. Стамова, «в условиях массовой культуры неизбежно упрощается личность, ее бытие...» [Стамова Р.Д., 2009, с. 26].

В авторитарных странах к этому добавляется еще политическая и идеологическая цензура, засилье государственной бюрократии. В свое время лауреат Нобелевской премии академик А. Сахаров в работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» писал, что в основе спасения человечества от войны и голода — этих двух главных угроз для человечества — лежит интеллектуальная свобода — «свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков». «Такая тройная свобода мысли — единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру», — резюмировал он [Сахаров А., 1990, с. 5].

Несмотря на то что эти слова были им сказаны еще в 1968 г., они и в наше время остаются актуальными. Что касается «свободы получения и распространения информации», то сегодня особых проблем с этим нет (безусловно, это не касается авторитарных и особенно тоталитарных обществ, которые, к сожалению, еще существуют). К нашим услугам библиотеки, газеты, журналы, радио, телевидение и, конечно, Интернет, как особое средство массовой информации. Средства массовой информации и коммуникации являются важнейшими институтом и социокультурной детерминантой гражданского общества. Вспомним, что «читающая публика», по словам Ю. Хабермаса, является ключевой составляющей публичной сферы, из которой в свою очередь конституируются основные институты гражданского общества. Именно СМИ «заставляют власть легитимировать себя перед общественным мнением» [Хабермас Ю., 1995, с. 81]. Поэтому власть имущие стараются держать их под постоянным контролем. Особенно это характерно для тоталитарных и авторитарных обществ, устанавливающих строгое координирование деятельности СМИ, подавляющее большинство которых является идеологическим орудием, служащим политическим и экономическим интересам их правя-

щей верхушки. В демократических обществах наряду с плюрализмом общественно-политических объединений существует мировоззренческий и идеологический плюрализм, отражаемый в различных средствах массовой информации, которые могут реально «осуществлять контроль за властью, критику власти и выдвигают задачи ее существенного преобразования» [Хабермас Ю., 1995, с. 81].

В контексте становления гражданского общества главное предназначение массмедиа заключается в распространении, пропаганде и внедрении гражданских ценностей в массовое сознание, в содействии достижению консенсуса в социуме по основополагающим проблемам общественного развития, участия в гражданской социализации личности, осуществлении гражданского контроля над деятельностью органов государственной власти.

В последние годы возросла роль интернет-СМИ, которые включают в себя кроме новостных интернет-порталов еще и блогосферу или так называемую гражданскую журналистику. Развитие блогосферы «свидетельствует о происходящей коммуникационной революции и переходе от контролируемой односторонней модели коммуникации к децентрализованной и интерактивной. Фактически можно говорить о том, что развитие блогосферы создает условия для реализации двусторонней симметричной модели коммуникации» [Филатова О.Г., 2010, с. 281]. Другими словами, появляется возможность социального дискурса в ходе intersubjectной коммуникации, т.е. дискуссии и диалога. Такой свободный дискурс на основе рационального обмена мнениями ведет к достижению консенсуса в обществе и является, по Ю. Хабермасу, показателем делиберативной демократии.

Как видим, в современном обществе доступ к получению информации достаточно свободный. Проблема в другом — *каковы* источники этой информации? Насколько объективно они отражают действительность? И второе — *на что* направлено распространение полученной информации? Во благо личности и общества или во зло? Нельзя упускать из внимания тот факт, что в условиях повсеместного распространения Интернета повышается опасность манипулирования общественным сознанием, угроза информационно-идеологического и психологического воздействия, подрывающего демократические основы общества, засилья продукции «массовой» культуры, в большинстве своем носящей антиобществен-

ственный, антигуманный, антинравственный характер, несовместимый с общепринятыми морально-нравственными ценностями.

То есть в данном случае интеллектуальная свобода выступает в роли палки о двух концах — с одной стороны, чем больше знает человек, тем более он свободен, с другой стороны, полученные знания могут быть использованы для ограничения свободы других людей.

Достаточно сложно утверждать, что в нашем постсоветском обществе твердо укоренилась «свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения». Этому мешают оковы социокультурных установлений традиционного общества, ограничивающие социальную активность личности, т.е. различного рода предрассудки и стереотипы, которые еще сильны в нашем обществе, а также влияние авторитета — служебного, научного, религиозного, родительского и т.п. Иначе говоря, «свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения» прямо пропорциональна «свободе от давления авторитета и предрассудков»: чем свободнее индивиды от диктата авторитета и предрассудков, тем объективнее и смелее они обсуждают общественные проблемы. А это возможно только в правовом государстве и гражданском обществе.

Проблема свободы в кыргызстанском обществе

Свобода была судьбоносной ценностью еще для традиционного кыргызского общества. Кыргызы как самостоятельный этнос смогли сохраниться до сегодняшних дней именно благодаря своему неуклонному стремлению к свободе. Но стремление к свободе еще не означает ее наличия. Мы не совсем согласны с некоторыми кыргызстанскими исследователями, утверждающими, что «кочевник был свободен в мыслях, стремлениях и действиях, его деятельность не ограничивалась заданными рамками поведения» [Урманбетова Ж.К., 2014]. С нашей точки зрения, для кыргыза-кочевника существовал своеобразный дуализм свободы: он был одновременно свободен и несвободен. Свобода для кочевника была прежде всего свободой «от», т.е. негативной, внешней, свободой. Она понималась, во-первых, как свобода своего рода, племени, своих территорий от более сильных и могущественных соседей, другими словами, суверенитет своей Родины — Ата-Мекена, а во-вторых, как свобода передвижения, кочевки. Угрозой для первой были многочисленные, более сильные соседи кочевников. А вторая, т.е. свобода кочевников во времени и простран-

стве, которая была им присуща, по мнению некоторых исследователей, все-таки, с нашей точки зрения, была относительной и сдерживалась необходимостью следовать природно-экологическим и хозяйственно-бытовым предписаниям. Действительно, «человек не может быть абсолютно свободным, поскольку всякая свобода ограничивается действием объективных законов природы и общества» [Чернова Т.Г., 2014, с. 20].

Не всегда кочевник был свободен и в своих мыслях, высказываниях и действиях. Позитивная свобода кыргыза, свобода «для» ограничивалась особенностями кочевого быта и родоплеменной организации социума. Отдельный представитель рода не мог не только существовать, но и представить себя вне рода. Известный русский историк П.П. Румянцев писал об этом так: «Вне рода киргиз был беспомощен, он терял свою независимость, в лучшем случае делался слугой хана — теленгутом» [цит. по: Кольцова Н.В., 2005, с. 24]. Индивид мог быть свободным только вместе со своим родом, только в контексте рода. Такая форма свободы кочевника детерминировала его индивидуальную несвободу, невозможность самостоятельного выбора. Таким образом, свобода для кочевников выступала в форме своеобразной дихотомии внешней и внутренней свободы и несвободы.

Ценность свободы своей отчизны предопределила у кыргызских номадов развитое чувство патриотизма. Причем оно носит конкретно-исторический характер и развивается вместе с эволюцией родоплеменных отношений кыргызов. Если «идеи патриотизма вначале ограничивались лишь рамками интереса рода и племени <...> проявлялись в любви к родному языку, уважении предков, в сплоченности членов рода или племени между собой и т.д.» [Мукасов С. М., 1999, с. 132], то впоследствии, когда племена начали объединяться для совместной борьбы против иноземных захватчиков, возникают патриотические чувства уже ко всему отечеству.

Безусловно, свобода, являясь универсальной вневременной духовной ценностью, высоко ценится и в современном кыргызстанском обществе. События 2005 г. и 2010 г. стали реальным свидетельством этого. После ценности семьи и жизни человека у кыргызстанцев указанные ценности стоят на третьем и четвертом месте соответственно [Акматалиев А.А., 2009, с. 27]. Но в то же время кыргызстанцы не исключают того, их можно принести в жертву во имя порядка и экономического роста. Так, согласно нашим исследованиям, 19 %

опрошенных считают, что однозначно можно пожертвовать политическими правами и свободами во имя порядка и устойчивого экономического роста; 21,4 % — во имя этого согласны лишь с незначительным ограничением прав на некоторое время. И только 19,5 % респондентов утверждают, что категорически недопустимо ограничивать права и свободы. Полагаем, что данные показатели — во-первых, признак еще значительного доминирования в сознании индивидов авторитарных установок над демократическими, а во-вторых, признак незрелости их правового и политического сознания, а порой и элементарной правовой и политической безграмотности как отдельных индивидов, так и определенной части кыргызстанского общества. Г.Г. Дилигенский справедливо отмечает: «Мы обнаруживаем здесь антиномию, характерную для постсоветской ментальности: ей присуще стремление сохранить одновременно и свободу, и несовместимые с ней формы безопасности, социальной защищенности» [Дилигенский Г.Г., 1999, с. 13].

В связи с этим хочется указать на своеобразие понимания в нашем обществе феномена свободы. Мы полагаем, что свобода для многих кыргызстанцев ассоциируется с анархией, безначалием, вседозволенностью. Беспорядки и мародерство во время цветных революций в Кыргызстане являются яркой демонстрацией сказанного. Так, по данным статистики МВД КР с 2010 г. по 2014 г. в Кыргызстане произошло 4075 акций протеста, в которых приняли участие почти 277 тысяч кыргызстанцев, т.е. почти каждый двадцатый житель страны [Кыргызстан бузаящий, 2014].

Свобода личности — это не только свобода воли и выбора, но и ответственность за свои действия. Однако наши исследования кыргызстанского общества указывают на низкий уровень гражданской ответственности и еще довольно сильную патерналистскую психологию. Так, на вопрос «Кто должен нести ответственность за ситуацию в стране?» более 56 % респондентов ответили, что президент, более 13 % — Жогорку Кенеш, 9 % — правительство. И только 16,6 % респондентов считают, что сами граждане должны быть ответственными за ситуацию в своей стране. Ответственность за ситуацию в своем городе или селе большинство опрошенных возлагают на органы местной власти (70,47 %) и только 20,95 % из них считают, что и они сами ответственны.

Реальная свобода личности, как мы уже отмечали ранее, невозможна без внутренней духовной готовности действовать сознательно и благора-

зумно, не ущемляя интересов и прав других людей, без понимания того, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», что не бывает свободы абсолютной, что она всегда относительна и тесно связана с ответственностью и сознательностью личности. Как вполне справедливо отмечает Т.Г. Чернова, «чрезмерная свобода, как и отказ от свободы, — это безответственность. Общество, в котором господствует абсолютная свобода, не пригодно для существования человека, свобода в таком обществе оборачивается произволом и безответственностью, поскольку в условиях исторической анархии любое действие получает право на существование» [Чернова Т.Г., 2018, с. 49].

Можно ли сегодня говорить о свободе личности в кыргызстанском обществе? И да, и нет. Действительно, с обретением независимости в Кыргызстане конституционно провозглашены политические, правовые, экономические, социальные и духовные основы формирования гражданского общества, что является важнейшим условием становления свободной личности. Но это означает только возможность, а не конкретную их актуализацию.

Современное кыргызстанское общество находится в состоянии перманентного кризиса, затронувшего все сферы общественной жизнедеятельности. Экономика Кыргызстана сегодня является одной из самых слабых в странах СНГ. По данным Нацстаткома КР в 2017 г. ВВП на душу населения составил 1,2 тыс. долларов, и это является самым низким показателем в странах ЕАЭС, уровень бедности — 25,6 %. При этом внешний долг Кыргызстана превышает 4,5 млрд. долларов, что составляет почти 60 % ВВП страны [Внешний долг..., 2018]. На фоне общемирового системного экономического кризиса ухудшаются и экономические показатели в Кыргызстане. А, как известно, бедный человек не может быть в полной мере свободным человеком, поскольку одним из критериев свободной личности является ее экономическая свобода.

Как отмечают аналитики, несмотря на видимую стабильность и спокойствие, установившееся после президентских выборов 2017 г., «наблюдается скрытый рост внутривластной напряженности» [Внутривластная ситуация..., 2018], вызванный негласным противостоянием бывшего и нынешнего президентов. Это, а также две прошедшие «цветные» революции, периодические акции протеста по различным поводам свидетельствуют о возможности политической

дестабилизации в обществе, об ограничении политической свободы личности.

Развал советской экономики и переход на рельсы рыночной экономики, сопровождавшийся «прихватизацией» общественной собственности партийно-советской номенклатурой, резкой поляризацией на бедных и богатых, упадок системы социальной защиты, слабость институтов государственного управления, многочисленные факты коррупции госслужащих привели к смене ценностных ориентаций индивидов и подорвали веру в силу и законность права. Так, «индекс доверия населения» к деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления за второе полугодие 2017 г. составил 30,7. Менее всего граждане доверяют государственным структурам, которые и должны в первую очередь стоять на страже закона. В частности, «индекс доверия» Государственной службы по борьбе с экономическими преступлениями — 17,3, МВД — 14,5, Государственной таможенной службы — 9,1, Государственной службы исполнения наказаний — 4,9 [Индекс доверия населения..., 2018]. Во многом это объясняется высоким уровнем коррупции, охватившей практически всю вертикаль власти. Согласно данным международной организации Transparency International в рейтинге индекса восприятия коррупции Кыргызстан из 180 стран занял 135-е место, что означает его нахождение в зоне «сильной коррупции» [Уровень коррупции..., 2018].

Как видим, утверждение развитого гражданского общества и подлинной свободы личности осложняется квазидемократическим и во многом декларативным характером модернизационных процессов в Кыргызстане, недостаточным уровнем развития его правовых, экономических и духовных основ. Поэтому утверждать о сформированности зрелого гражданского общества и существовании реальной свободы личности пока еще рано.

Заключение

Таким образом, субстанциональной основой гражданского общества является личность. Гражданскую личность отличают автономия, самостоятельность, синкретическое единство внешней и внутренней свободы, под которыми имеются в виду политическая, правовая, экономическая и духовная свобода. Именно свобода личности является тем основанием, на котором строится вся система гражданских ценностей, служащих своеобразным ориентиром для формирования демократической гражданской культуры. Проявляя

конструктивную инициативу и предприимчивость, солидарность и согласие с другими индивидами, личность является активным субъектом и создателем гражданского общества. В свою очередь само гражданское общество, воздействуя на личность, создает условия для формирования свободной и сознательной личности, личности, способной преодолеть правовой патернализм и нигилизм, умеющей принимать решения и нести за них ответственность. Наряду с гражданским обществом в указанном направлении должно работать и государство. Именно от деятельности органов государственной власти во многом зависит достижение и сохранение экономической, социальной и политической стабильности, обеспечение реального главенства законов в обществе — переход от декларации к построению действительно правового государства, проведение последовательной государственной политики в области защиты прав и интересов личности, выработка в общественном сознании духа нетерпимости к нарушениям закона, сознательное следование праву. Обоюдное усилие гражданских и государственных структур в направлении демократического гражданского общества и правового государства является важнейшим условием достижения реальной свободы личности, а значит, и зрелого гражданского общества.

Список литературы

- Акматалиев А.А.* Система ценностей современного кыргызстанского общества: опыт социологического анализа. Бишкек: Айат, 2009. 136 с.
- Арендт Х.* Что есть свобода? // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 32–49.
- Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.
- Бокошев Ж.* Гражданское общество и человеческое «Я» // Мат. науч.-теор. конф. «Построение гражданского общества». Бишкек, 1996. С. 18–20.
- Вироли М.* Свобода слуг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 150 с.
- Внешний долг Кыргызстана превысил 60 % ВВП.* 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n7jR1x7OqNo> (дата обращения: 21.06.2018).
- Внутриполитическая ситуация в Кыргызстане.* 2018. URL: <http://polit-asia.kz/ru/analytics/policy/2219-vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-kyrgyzstane> (дата обращения: 21.06.2018).
- Дилигенский Г.Г.* Индивидуализм старый и новый (Личность в постсоветском обществе) // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. № 3. С. 5–15.

Индекс доверия населения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/indeks-doveriya-naseleniya/> (дата обращения: 25.03.2018).

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23.

Кольцова Н.В. Проблема свободы в кочевых социумах Центральной Азии: традиции и современность // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. С. 23–27.

Кыргызстан бузасчый. 4075 акций протеста прошло в Кыргызстане за последние четыре с небольшим года. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/9470-kyrgyzstan-buzjaschij-4-075-aktsij-protesta-proshlo-v-kyrgyzstane-za-poslednie-chetyre-s-nebolshim-goda.html?page=25> (дата обращения: 03.04.2018).

Мотрошилова Н.В. О современном понимании гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 12–32.

Мукасов С.М. Традиции социально-философской мысли в духовной культуре кыргызского народа. Бишкек: Илим, 1999. 226 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, 2016. 256 с.

Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 4–25.

Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избр. произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 5–284.

Стамова Р.Д. Личность в условиях трансформации общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Бишкек, 2009. 51 с.

Урманбетова Ж.К. Традиционные номады Центральной Азии и современные цифровые кочевники // Матер. конф. «Connect-Universum». 2016. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/967.html (дата обращения: 12.02.2018).

Уровень коррупции в Кыргызстане сравнялся с уровнем России / Kaktus.media. 2018. 22 февр. URL: https://kaktus.media/doc/370753_yroven_korruptcii_v_kyrgyzstane_sravnialsia_s_yrovnem_rossii.html (дата обращения: 16.05.2018).

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000. 389 с.

Филатова О.Г. Блоги и СМИ, гражданская и традиционная журналистика: соотношение понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. № 4. С. 281–287.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: АО «Камп», 1995. 245 с.

Чернова Т.Г. О соотношении свободы и необходимости // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 20–24.

Чернова Т.Г. Свобода и ответственность как существенные силы человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 45–52. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-45-52.

Sartori G. Democratic Theory. Westport: Greenwood Press, 1973. 479 p.

Taylor Ch. What's Wrong With Negative Liberty // The Idea of Freedom: Essays in Honour of Isaiah Berlin / ed. by A. Ryan. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 175–193.

Получено 06.07.2018

References

Akmataliev, A.A. (2009). *Sistema tsennostey sovremennoy kyrgyzstanskogo obshchestva: opyt sotsiologicheskogo analiza* [The system of values of modern Kyrgyz society: the experience of sociological analysis]. Bishkek. Ayat Publ., 136 p.

Arendt, H. (2014). *Chto est svoboda?* [What is freedom?]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. No. 4, pp. 32–49.

Berlin, I. (1998). *Dve kontseptsii svobodyi* [Two concepts of freedom]. *Sovremennyy liberalizm* [Modern liberalism]. Moscow, pp. 19–43.

Bokoshev, Zh. (1996). *Grazhdanskoe obshchestvo i chelovecheskoe «Ya»* [Civil society and the human «I»]. *Mat. nauch.-teor. konf. «Postroenie grazhdanskogo obshchestva»* [Mat. scientific-theor. Conf. «Building a Civil Society»]. Bishkek, pp. 18–20.

Chernova, T.G. (2014). *O sootnoshenii svobodyi i neobhodimosti* [On the relations between freedom and necessity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2(18), pp. 20–24.

Chernova, T.G. (2018). *Svoboda i otvetstvennost kak suschnostnyie silyi cheloveka* [Freedom and responsibility as the essential forces of man]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 1. pp. 45–52. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-45-52

Diligenskiy, G.G. (1999). *Individualizm staryiy i novyy (Lichnost v postsovetskom obshchestve)* [Individualism old and new (Personality in post-Soviet society)]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political

research]. No. 3. pp. 5–15.

Fergyuson, A. (2000). *Opyit istorii grazhdanskogo obschestva* [Experience of the history of civil society]. Moscow, ROSSPEN Publ., 389 p.

Filatova, O.G. (2010). *Blogi i SMI, grazhdanskaya i traditsionnaya zhurnalistika: sootnoshenie ponyatiy* [Blogs and mass media, civil and traditional journalism: the relation of concepts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism]. No. 4. pp. 281–287.

Habermas, J. (1995). *Demokratiya. Razum. Nравstvennost: Moskovskie lektzii i intervyyu* [Democracy. Mind. Morality: Moscow lectures and interviews]. Moscow, Kamp Publ., 245 p.

Indeks doveryiya naseleniya (2018) [The population confidence index]. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available at: <http://www.stat.kg/ru/indeks-doveriya-naseleniya/> (accessed 25.03.2018).

Kant, I. (1966). *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose]. *Sochineniya: v 6 t.* [Oeuvre: in 6 vols]. Moscow: Mysl Publ., vol. 6. pp. 5–23.

Koltsova, N.V. (2005). *Problema svobody v kochevyih sotsiumah Tsentralnoy Azii: traditsii i sovremennost* [The problem of freedom in nomadic societies of Central Asia: traditions and modernity]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. No. 4. pp. 23–27.

Kyrgyzstan buzjaschiy. 4 075 aktsiy protesta proshlo v Kyrgyzstane za poslednie chetyre s nebolshim goda [Kyrgyzstan is a buzzard. 4 075 protest actions took place in Kyrgyzstan in the last four and a half years]. Available at: URL: <http://www.stanradar.com/news/full/9470-kyrgyzstan-buzjaschij-4-075-aktsij-protesta-proshlo-v-kyrgyzstane-za-poslednie-chetyre-s-nebolshim-goda.html?page=25> (accessed 03.04.2018).

Motroshilova, N.V. (2009). *O sovremennom ponimanii grazhdanskogo obschestva* [On the modern understanding of civil society]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. No. 6, pp. 12–32.

Mukasov, S.M. (1999). *Traditsii sotsialno-filosofskoy myisli v duhovnoy kulture kyrgyzskogo naroda* [Traditions of socio-philosophical thought in the spiritual culture of the Kyrgyz people]. Bishkek, Ilim Publ., 226 p.

Ortega y Gasset, J. (2016). *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow, AST Publ., 256 p.

Saharov, A.D. (1990). *Razmyishleniya o progresse, mirnom sosuschestvovanii i intellektualnoy svobode* [Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. No. 2, pp. 4–25.

Sartori, G. (1973). *Democratic Theory*. Westport: Greenwood Press, 479 p.

Spinoza B. (1957). *Bogoslovsko-politicheskiy traktat* [A Theologico-Political Treatise]. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Moscow. Gospolitizdat Publ., vol. 2. pp. 5–284.

Stamova, R.D. (2009). *Lichnost v usloviyah transformatsii obschestva: sotsialno-filosofskiy analiz: avtoreferat dis. ... d-ra filos. nauk* [Personality in the conditions of the transformation of society: socio-philosophical analysis: Abstract of D.Sc. dissertation]. Bishkek, 51 p.

Taylor, Ch. (1979). What's Wrong With Negative Liberty. *The Idea of Freedom: Essays in Honour of Isaiah Berlin*. Oxford. Oxford University Press, pp. 175–193.

Urmanbetova, Zh.K. (2016). *Traditsionnyie nomady Tsentralnoy Azii i sovremennyye tsifrovyye kochevniki* [Traditional nomads of Central Asia and modern digital nomads]. *Mater. conf. «Connect-Universum»* [Proceedings of conf. «Connect-Universum»] Available at: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/967.html (accessed 12.02.2018).

Uroven korruptsii v Kyrgyzstane sravnyalsya s urovnem Rossii (2018) [The level of corruption in Kyrgyzstan is equal to that of Russia]. Kaktus.media. Feb. 22. Available at: URL: https://kaktus.media/doc/370753_yroven_korruptcii_v_kyrgyzstane_sravnialia_s_yrovnem_rossii.html (accessed 16. 05. 2018).

Viroli, M. (2014). *Svoboda slug* [Freedom of servants]. Moscow, Dom Vyisshey shkoly ekonomiki Publ., 150 p.

Vneshniy dolg Kyrgyzstana prevysil 60 % VVP (2017) [Kyrgyzstan's external debt has exceeded 60% of GDP]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=n7jR1x7OqNo> (accessed 21.06.2018).

Vnutripoliticheskaya situatsiya v Kyrgyzstane (2018) [Internal political situation in Kyrgyzstan]. Available at: <http://polit-asia.kz/ru/analytics/policy/2219-vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-kyrgyzstane> (accessed 21.06.2018).

Received 06.07.2018

Об авторе

Бектанова Айгуль Карибаевна

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры философии

Кыргызско-Российский Славянский университет
им. Б.Н. Ельцина,
Киргизская Республика, 720000, Бишкек,
ул. Киевская, 44;
e-mail: bektanovaa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9695-150X

About the author

Aigul K. Bektanova

Ph.D. in Political Science, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Kyrgyz-Russian Slavic University of B.N. Yeltsin,
44, Kievskaya str., Bishkek, 720000,
Kyrgyz Republic;
e-mail: bektanovaa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9695-150X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бектанова А.К. К проблеме свободы личности как основополагающего условия формирования гражданского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 364–374.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-364-374

For citation:

Bektanova A.K. On the problem of freedom of the individual as a basic condition for the formation of civil society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 364–374.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-364-374

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:111.82

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-375-383

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО АППЕРЦЕПЦИИ
ПРИ ПСИХИЧЕСКОЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ***Косилова Елена Владимировна**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

В статье рассматривается трансцендентальное единство апперцепции при психических заболеваниях: шизофрении, хроническом брезовом расстройстве и расстройствах аутистического спектра. При шизофрении, в состоянии онтологической неуверенности, происходит расщепление Я на истинное и ложное. Трансцендентальное единство апперцепции связывается с ложным Я, и больной переживает это как потерю своего истинного Я. Для больных с расщепленным Я характерен особый язык, который на первый взгляд непонятен для окружающих. После приступа представления больного о норме меняются, и ему кажется, что окружающие не понимают его. Необходимо создание условий защищенности для больного, при которых его истинное Я могло бы совместиться с его ложным Я, и единство апперцепции восстановилось бы в полном объеме. При хроническом брезовом расстройстве искажается глубинная интенциональность, что приводит к сдвигу ядра личности. Мысли оказываются разделены на два потока, из которых один связан со светлым участком сознания, второй — с искаженным личностным ядром. Единство апперцепции оказывается связанным с искаженным ядром, но само по себе не нарушается. В этом случае необходимо установление коммуникации с больным на его «смысловой территории», установление эмпатических отношений с ним, социализация больного. При расстройствах аутистического спектра трансцендентальное единство апперцепции практически пропадает совсем, поскольку не формируется внутренний план сознания. Задачей здесь является восстановление нормотипической структуры субъектности: создание внутреннего плана сознания, укрепление трансцендентального единства апперцепции. Рекомендуется общая техника такого укрепления.

Ключевые слова: трансцендентальное единство апперцепции, шизофрения, хроническое брезовое расстройство, аутизм, интенциональность, глубинное ядро личности.

**TRANSCENDENTAL UNITY OF APPERCEPTION
IN PATIENTS WITH MENTAL DISORDERS***Elena V. Kosilova**Lomonosov Moscow State University*

The paper deals with transcendental unity of apperception in patients with mental disorders: schizophrenia, chronic delusional disorder and autistic spectrum disorders. In schizophrenia, in the state of ontological insecurity, the Self divides into true and false ones. The apperception transcendental unity connects with false Self, and the person feels the loss of his true Self. Persons with the divided Self use a special language, which causes misunderstanding with others. In this case we need to provide such conditions of security for the patient, in which his true Self could be combined with his false Self so that the transcendental unity of apperception could restore. In delusional disorder, the deep intentionality corrupts, which results in the shift of the personality core. The transcendental unity of apperception connects with the corrupted core, but does not get corrupted itself. The task in such a case is to establish the communication with the patient on the area of his senses, to establish emphatic relations with him, and to socialize him. In autistic spectrum disorder, the transcendental unity of apperception almost disappears, because the inner space of consciousness is not formed. In this case task is

to restore the normotypical structure of subjectivity: the formation of the inner space of consciousness, the improving of the transcendental unity of apperception. A general method of such improving is recommended.

Keywords: transcendental unity of apperception, schizophrenia, delusional disorder, autism, intentionality, deep core of personality.

Вопрос о психической норме в общей психологии и психиатрии остается дискуссионным. Фактически удовлетворительной формулировки психической нормы на сегодняшний день нет. Есть только критерии различных болезней, а норма определяется отрицательно, через отсутствие данных болезней. Но люди чрезвычайно разнообразны, и практики, которыми приходится заниматься в современной культуре, также нетрадиционны, разнообразны и не поддаются ранжированию на «нормальные» и «ненормальные». Ниже мы попытаемся рассмотреть некоторые субъектные сдвиги при психических болезнях и дать свое определение нормы. Прежде всего мы рассмотрим изменения, происходящие с трансцендентальным единством апперцепции при шизофрении и хроническом брезовом расстройстве.

Патология субъекта

Будем говорить о глубинной интенциональности [Гуссерль Э., 1998]. Это направленность ядра личности, которая определяет проекты и долгосрочную деятельность субъекта. На основе глубинной интенциональности порождаются акты интенциональности внешней. Глубинная интенциональность формирует ядро личности, его ценности и приоритеты, его жизненный проект. К глубинной интенциональности относится трансцендентальное единство апперцепции, Я субъекта. Это основа его цельности, которая никогда не пропадает, может только действовать сильнее или слабее, может сдвигаться и уходить как бы совсем в глубину, не действуя уже на акты внешней интенциональности. Тогда субъект как бы внешне и внутренне разделен. Лэйнг писал, что «подлинное» Я больного отщепляется от «ложного» Я его тела [Лэйнг Р.Д., 1995]. Если можно так выразиться, больной живет двумя жизнями — глубинной и внешней. Когда два Я больного смешиваются, когда глубинное Я проступает наружу, то это выглядит как аутизм с его расщепленностью мышления и речи. Без контакта с подлинным Я внешнее Я как бы рассыпается, оно превращается в хаос мышления, с его эхолоалией, перескоками с темы на тему. Но трансцендентальное единство апперцепции никогда не расщепляется. Оно всегда остается связанным с подлинным, глубинным. Я. Лэйнг называл состояние расщепления двух Я

«онтологической неуверенностью» [Лэйнг Р.Д., 1995]. Онтологическая неуверенность (ontological insecurity) — это такое состояние, при котором у больного не хватает бытийных сил; это глубинное поражение чувства самого бытия. Больной не переживает свое бытие, свою свободу, ему начинает казаться, что мир отдаляется от него, что им управляют, что на него оказывается какое-то суггестивное воздействие. Чтобы защититься от угрожающего мира, подлинное Я больного уходит «в себя», в глубину его внутреннего мира, а «вовне» остается ложное Я, которое берет на себя нагрузку действия в мире. Лэйнг не писал о трансцендентальном единстве апперцепции, но мы можем сделать предположение, что оно как бы осциллирует, то приближаясь к внешней интенциональности, то уходя на глубину. Также вполне вероятно, что оно остается связанным с внешним, ложным Я. Ниже будет написано, каковы основания для такого предположения (вкратце говоря — потеря чувства настоящего Я) [Шарфеттер Х., 2011].

Попадание в ситуацию относительно кратковременной и обратимой «онтологической неуверенности» не часто, но случается с каждым нормальным человеком на протяжении всей его жизни. Это происходит тогда, когда в привычном до неосознаваемости контексте причинно-следственных связей вдруг возникает непредсказуемая ситуация, выводящая его из равновесия и динамической стабильности, в результате чего искажается, сужается или блокируется восприятие ранее безусловно узнаваемых им на основе сложившихся представлений предметов и явлений, а также восприятие явлений, познаваемых им вне наличного опыта. Инерция единства апперцепции у большинства здоровых людей настолько велика, что кратковременные колебания основ этого единства остаются малозаметными, не влекут за собой фатальных последствий и сохраняются в памяти чем-то вроде приключений, будь то любовная привязанность, кратковременный алкогольный эксцесс или, например, увольнение с работы.

Онтологическая неуверенность у человека, пребывающего в остром психозе или перенесшего его, в психозе, пошатнувшем самые основания трансцендентального единства апперцепции, как

бы переводит это единство на иной уровень, и тогда на смену привычной инерции уверенности в размеренном и предсказуемом бытии приходит стойкая инерция неуверенности ни в чем. Причинно-следственные связи рвутся и распадаются, время ускоряется, замедляется или останавливается совсем, привычные предметы и явления становятся неузнаваемыми, слова теряют старые значения и/или приобретают новые, а между ними возникают новые связи. Старая реальность утрачивает свою актуальность и значимость под давлением устрашающей нереальности произошедшего и происходящего, не описываемых средствами прежнего языка, морфология с орфографией и грамматика которого претерпевают фундаментальную трансформацию, со стороны кажущуюся нелепой, а по существу по-новому закономерно обуславливаемую произошедшей с Я катастрофой. Я регенерирует в единство редуцированное и «со сдвигом». Все это на простом языке потерпевший мог бы описать словами: «Попал в непонятное и теперь живу там».

Состояние ядра личности пациента зависит от того, какой болезнью он страдает. Мы будем рассматривать шизофрению и хроническое бредовое расстройство. Шизофрения — это, преимущественно, болезнь воли. При шизофрении происходит то, что было описано выше как онтологическая неуверенность. Для простой шизофрении характерны поражение бытийных сил, волевой упадок, эмоциональная недостаточность, отсутствие чувства Я, распад личности. При параноидной форме шизофрении к этому добавляется бред и галлюцинации. Важно отметить, что, в отличие от хронического бредового расстройства, при котором бред возникает на фоне неизменной психики, при параноидной шизофрении бред сопровождается всеми шизофреническими явлениями: упадком воли, распадом личности, чувством недостатка бытия и бессилия Я. И, как уже было сказано, расщепление Я при всех формах шизофрении носит защитный характер.

При хроническом бредовом расстройстве расщепления Я не происходит. Глубинная интенциональность как бы «сдвигается», упираясь в одну точку — сверхценную бредовую идею. Она становится ригидной, определяя собой всю личность больного. Единство апперцепции не нарушается при хроническом бредовом расстройстве, оно «сдвигается» вместе с ядром личности. Больной осознает себя, находится в относительно светлом состоянии сознания. Трансцендентальное единство апперцепции, как у здоровых, связывает его

мысли в единый поток, который он считает своим естественным потоком мышления.

Но при этом из его сдвинутой глубинной интенциональности приходит как бы второй поток, который связывается единством апперцепции с первым потоком. Это поток его бредовых построений. Этот поток ригиден и для субъекта представляет высокую ценность. Часто он так сильно смешивается с первым потоком, что для больного они едины. Например, при бреде преследования больной везде видит преследователей, хотя в остальном сохраняет ясность личности.

Особый язык больных с расщепленным Я характеризуется перескакиваниями мысли, сближением фонетических ассоциаций, рифмовкой, неологизмами, часто нелитературной лексикой.

Больной И.К. (орфография выправлена мной. — Е.К.):

«...в 12 час ночи. Диаметр нашей, диаметр нашей Галактики. Нашей Галактики диаметр. Диаметр. Диаметр между солнцем и землёй, между землёй и солнцем, диаметр. Зенит в 12, двенадцать часов дня... Настоящие слагается из Будущего и Прошлого. Прошлое плюс Будущее есть Настоящее. Солнце живет постоянно в Будущем. Ночью сфера, днём атмосфера...»

Днём мы живём в Будущем, а ночью мы живём в Прошлом. Днём мы находимся в конце нашей Вселенной, Вселенной, и смотрим в Будущее. А ночью смотрим вспять...»

*Учёный класс всего мира стремится время удержать в своём кулаке. Держите, *** с вами. Посмотрим, на какую ж*** вы, б****, сядете...»*

Вселенная в моём кулаке...

Моя задача превзойти самого Бога, но не покориться ему».

Второй пример:

«Родился на улице Герцена. В гастрономе № 22. Известный экономист. По призванию своему библиотекарь. В народе — колхозник. В магазине — продавец. В экономике, так сказать, не обходим. Это, так сказать, система... эээ... в составе 120 единиц. Фотографируйте Мурманский полуостров — и получаете te-le-fun-ken. И бухгалтер работает по другой линии. По линии "Библиотека". Потому что не воздух будет, а академик будет! Ну вот можно сфотографировать Мурманский полуостров. Можно стать воздушным асом. Можно стать воздушной планетой...».

Трудно говорить о постоянном трансцендентальном единстве апперцепции, когда мысли субъекта так скачут с одной темы на другую. Но для

него это одна и та же тема, причем для него очень значимая. Он не считает нужным делать свой язык понятным для окружающих: его глубинное Я не находится в коммуникации с ними. По всей видимости, он разговаривает с воображаемыми собеседниками, которые, как его собственные порождения, конечно, понимают его. Лакан писал, что в глубине бессознательного все время длится ход речи, и эта речь не связана с реальностью, она символическая и связана по законам символов. Если здоровый субъект, по Лакану, до некоторой степени распоряжается языком — может вступить в осмысленную коммуникацию, — то у больного язык полностью овладевает субъектом. Это некомуникативный язык, это сфера символического, занимающая бессознательное, а в тяжелых случаях и всю сознательную сферу субъектности [Лакан Ж., 2000]. О важности понимания символов больного писал и Ясперс. Он писал, что понимание больного — это всегда истолкование, и истолкование символов позволяет а) лучше понять больного, б) перевести символику на понятный сознательный уровень, что будет способствовать адекватизации речи, в) косвенно управлять больным [Ясперс К., 1997]. О важности косвенного управления мы еще скажем ниже.

При дереализации, деперсонализации и таких синдромах, как синдром Кандинского-Клерамбо, больной чувствует, что все вокруг стало нереальным, сам он нереален и его мысли открыты, ему вкладывают их в голову. Дерееализация — это такое состояние, когда мир вокруг теряет реальность, кажется отодвинувшимся, незнакомым. При деперсонализации появляется чувство нереальности собственного Я. При синдроме Кандинского-Клерамбо больной чувствует открытость своих мыслей, свою прозрачность для мыслей окружающих. Часто это сочетается со страхом, что его собственные мысли не принадлежат ему, что они вложены ему в голову посторонними [Жмуров В.А., 1995, Тиганов А.С., 2011].

Что происходит с Я больного? Оно теряет свою глубинную интенциональность, которая из «вектора» превращается в чисто потенциальную структуру, готовую, правда, возобновить свою векторную природу, когда болезненное состояние пройдет. Трансцендентальное единство апперцепции также отчуждается, машина мыслей работает как бы помимо Я больного. Я уходит на глубину, как будто прячется в пещеру. Больной не чувствует своего Я. Как такое может быть? Как Я может не чувствовать Я — возможно, этих Я два? Лэйнг так и считал. Следуя за своим учителем Д. Винникоттом, он

говорил, что Я расщепляется на истинное и ложное Я, на живое глубинное Я, которое в нашем случае прячется, и на социальное Я, на маски, с которыми, однако, больной себя идентифицирует настолько, что теряет истинное Я, а не это, ложное. Если бы он идентифицировал себя с истинным Я, то впал бы в аутизм. Но состояние психического автоматизма — не аутизм. Трансцендентальное единство апперцепции связано в этом состоянии с ложным Я, утратившим ощущение бытия и жизни, но оставшимся «снаружи».

Аналогичным образом толкует возникновение псевдогаллюцинаций Фрейд. Он пишет, что отчужденное бессознательное не чувствуется больным как свое. Оно как бы посылает ему голоса, чаще всего обвинительные. Это отщепившаяся совесть, глубинное бессознательное Сверх-Я. В норме субъект считает свое Сверх-Я своим собственным достоянием, хотя оно продолжает оставаться в значительной мере бессознательным. Здесь же оно полностью отчуждается от трансцендентального единства апперцепции больного, так, что он не переживает собственные мысли как свои [Фрейд З., 1999].

Отдельного анализа требует острый приступ психоза. Обычно он наступает по видимости внезапно, но на самом деле внутренняя подготовка к нему идет задолго до него самого. Сам приступ напоминает взрыв стихии. При хроническом бредовом расстройстве это «озарение», в которое разрешается подготовительное напряжение. При кататонической шизофрении это возбуждение, при параноидной — обрывки бредовых мыслей с непрекращающейся шизофазией и возбуждением. Как взрыв природной стихии, кажущийся нам непредсказуемым в своей разрушительности, является логичным итогом стечения вполне объяснимых физических обстоятельств, так и возникновение самого причудливого психоза бывает непостижимым разве что в начальной своей стадии. Но, как и предыдущий катаклизм, он вполне может быть реконструирован в своей истории, хотя уже задним числом, чаще всего — «по обломкам с черепками». Для этой реконструкции потребуются навыки герменевтики, психиатрическое чутье, а также опыт неоднократного пребывания, если не в самом очаге, то в непосредственной близости от него. Ясперс писал, что острому приступу нередко предшествуют сны, в которых больной в символическом виде предвидит, что с ним произойдет. О состоянии после приступа Ясперс пишет, что человек напоминает «выжженный кратер вулкана» [Ясперс К., 1997].

В состоянии острого приступа шизофрении трансцендентальное единство апперцепции как бы замирает. В душе и в уме наступает что-то вроде хаоса. Волевая составляющая субъектности оказывается не в состоянии удержать вырвавшееся из-под ее оков мышление. Нет места проектированию, самообоснованию, самокритике.

Острый приступ психоза является апофеозом некоторых видов душевной болезни. Приступ этот становится настолько сильным и ни на что не похожим переживанием, что после него обыденная реальность как бы вообще обнуляется, а большинство ранее привычных причинно-следственных связей оказываются крайне мало значащими. Обычных средств языка для его описания поначалу критически не хватает, а попытки объясниться, наталкивающиеся на потрясающее больного до глубины души непонимание родных и близких, а часто и врачей, являются провокатором типичной в этих случаях личностной редукции с отказом от коммуницирования по причине полной его бессмысленности [Фрит К., 2005].

После приступа у больного меняется представление о норме. Для многих больных первый приступ становится последним, после него наступает дефект личности, который считается практически необратимым («состояние выжженного кратера»). Больные как бы уходят в этот дефект, чтобы приступ не повторился. Норма становится недоступна для них, трансцендентальное единство апперцепции, их прошлое Я делается для них болезненным и непосильным. В дефекте ТЕА заглушено, как и все остальные психические реакции. Лэйнг для состояния дефекта использовал метафору «Призрак заброшенного сада» [Лэйнг Р.Д., 1995]. В этом саду «никого нет». Субъектность вместе со своим неотъемлемым единством апперцепции практически отсутствует. Но можно полагать, что она ушла на полную глубину, и там, в глубине, теплится ощущение жизни, не связанной ни с чем из настоящей реальности. Пока не найдены способы возвращать больных из состояния дефекта, но полностью надежду исключить нельзя.

Если после приступа полного дефекта не наступает, то больной возвращается или, в лучшем случае, к норме (рекуррентная шизофрения, по Снежневскому [Снежневский А.В., 1983]), или, чаще, в состояние сниженного психического функционирования (шубообразная шизофрения). Тогда представления о норме и ценностях, до сих пор не ставившиеся под вопрос, подвергаются деконструкции, прямо пропорциональной силе пе-

ренесенного переживания. Больному приходится формировать «новые нормативы», отталкиваясь от произошедшего, и учиться жить в новой системе координат. Теперь наступает такое состояние, что больного, в его представлении, окружают непонимающие люди. Исходя из сказанного, норма для него относительно общепринятой выглядит или смещенной по вектору, или разбалансированной в той или иной степени. Как нормы мирного времени неадекватны, а иногда и губительны для условий военного времени, так и «старые добрые нормы» в глазах перенесшего психотический катаклизм человека практически полностью оказываются дискредитированными. В этой войне душевнобольной — единственный « в поле воин». И чаще всего он терпит поражение (за исключением случаев рекуррентной шизофрении). Однако трансцендентальное единство апперцепции возвращается к нему, даже если в этом сниженном состоянии он оказывается в значительной степени расщеплен. Его истинное Я, которое больше не может управлять им в полной мере, отходит от него, а ТЕА связывается с ложным Я, которое вынуждено приспособливаться к новым условиям бытия.

Норма субъекта и ее отношение к патологии

У здорового человека вектор глубинной интенциональности подвижен и одновременно устойчив. Смещаясь по требованиям ситуации, он возвращается к своему первоначальному положению, когда это возможно. Он служит основой его долговременных проектов, базисом его личности. Его личностное ядро мы будем считать несмещенным. Хотя уже здесь мы видим относительность нормы, так как среди людей, считающихся здоровыми, есть достаточно много субъектов, чей вектор ригиден, а личностное ядро смещено в направлении какой-то сверхценной идеи. Однако Я здорового человека не расщепляется, его трансцендентальное единство апперцепции не связывается с его ложным образом, теряя подлинный. Человек может носить много масок, но при этом в смысле апперцепции он остается самим собой. Он не теряет представление о норме, его озарения, если они у него есть, рождаются не из глубины смещенного ядра личности, а связаны с какой-то внешней задачей.

Адекватная подвижность личности — один из критериев нормы, который становится явным при сравнении с болезненными явлениями. Больной погружен в свои переживания. Его глубинная интенциональность живет своей жизнью. Хотя и у

здоровых мы можем найти «отклонения» от этой подвижности, например, при сильной влюбленности или при сильном увлечении каким-то открытием состояние иногда напоминает болезненное. Однако всегда есть внешний источник этого состояния. Влюбленность отличается от бредового озарения тем, что у нее есть внешний объект, а для больного внешние объекты являются лишь предлогом объективировать внутреннее состояние. И все-таки в этих двух случаях много похожего.

Как должен относиться к больному лечащий его психиатр? Речь идет о хорошем, идеальном враче. Он всегда сначала испытывает чувства отвержения, но затем его опыт заставляет его принять больного таким, какой он есть. В остром приступе единственное лечение — медикаментозное, но затем, по мере угасания острых симптомов, врач может переходить к попыткам понять больного.

Надо заметить, что нормотипический психиатр, если он стремится к подлинности, с подлинным, как правило, душевнобольным часто соревнуется в подлинности определений. Первый осмеливается давать определение психопатологии. Второй — норме. Иногда на этом пути случаются подлинные озарения. После приступа появившаяся у больного новая «норма» является той *terra incognita*, карту которой предстоит нарисовать психиатру, для того чтобы не только с достаточной степенью уверенности чувствовать себя в этом «дивном новом мире», но и в каком-то смысле освоиться в нем, стать как бы своим. Без этого в «заброшенном саду» он рискует никого не обнаружить.

Мы уже видели, что больные часто говорят на специфическом языке, который в их глазах выглядит нормальным и даже ярким. Чтобы войти в коммуникацию с больным, врач должен использовать его язык. Языку этому обучиться трудно, но возможно. Программа-максимум врача — выровнять у больного его трансцендентальное единство апперцепции, чтобы оно не было связано с расщепленным Я. Постепенно налаживая коммуникацию с больным, он добивается того, что больной раскрывается, начинает видеть, что врач понимает его. Этого понимания добиться трудно, но опять же возможно. Врач должен установить коммуникацию на «территории» больного, вступить в связь с его сдвинутым личностным ядром. Если даэин — это сокровенная способность в человеке понимать бытие вообще, а через выявление экзистенциальной структуры даэин человек может обрести смысл бытия, то подлинный

психиатр обретает не только смысл своего бытия, но и смысл бытия Другого, которому в этом болезненном бытии очень дискомфортно. Этот дискомфорт снимается, если больной встречает у врача понимание, эмпатию, непритворный интерес к его переживаниям и его идеям (пусть разорванным и/или бредовым). Лэйнг описывал болезненные переживания своих больных так точно и метко, что это читается как роман [Лэйнг Р.Д., 1995]. Также в пример можно привести О. Сакса [Сакс О., 2011].

Первоначальный период коммуникации психиатра с душевнобольным характеризовался бы полной безнадежностью, если бы на месте врача, обладающего весьма специфическими навыками, находились бы люди, такими навыками не обладающие, даже если это родные и близкие. В условиях зародившейся и сначала односторонне, а затем и совместно культивируемой эмпатической коммуникации все более взаимным оказывается и интерес, на первом этапе просто невозможный. Терапевтическое сотрудничество постепенно выравнивается в доле участия, становясь залогом успешной терапии, каким бы ни оказался ее конечный результат.

Первым шагом на пути к улучшению состояния больного является его раскрытие врачу. Ослабляются защиты на пути к его сдвинутому личностному ядру, которое он считает единственно подлинным. Врач не должен лелеять надежду, что ему удастся «поправить» личностное ядро пациента. Это, как правило, невозможно, и если он будет пытаться это сделать, больной просто опять закроется и может вновь уже никогда не раскрыться. Скорее, врач должен эксплицитировать это ядро, соединить то глубинное Я, которое связано с ним, с тем внешним Я, которым пациент обращен к социуму. Это второй шаг на пути улучшения состояния: социализация больного. Затем, если врачу это удалось, появляется взаимная эмпатия. Пациент чувствует эмпатию врача и постепенно начинает проявлять к нему собственную эмпатию. Она может быть сильно ослаблена, так как на подлинную эмпатию у больного нет сил. Но в меру того, на что больной способен, он отвечает врачу на его попытки. Подлинный психиатр ждет позитивных изменений от своего пациента и прилагает к этому все возможные средства. А эмпатизирующийся пациент, зная, что доктор «ждет, надеется и верит», начинает употреблять на этом пути и свои скудные средства. И, наконец, следует прилагать все усилия для снятия расщепления Я. Следует помнить,

что больной испытывает онтологическую неуверенность, от которой защищается уходом подлинного Я в себя. Вылечить онтологическую неуверенность невозможно, но можно помочь больному жить с ней. Его нужно в меру сил окружить заботой и поддержкой. Когда единство апперцепции — нормотипический оплот уверенности в себе и других — теряет под собой основания, попытки сохранить их остатки и найти новые опоры в таких условиях приобретают весьма драматический оборот. Стать одной из таких опор (в отсутствие прочих) и есть назначение подлинного психиатра. Конечно, не у каждого врача есть силы и время относиться так ко всем своим больным, да и эмпатия будет подлинной далеко не со всеми. Такие отношения всегда уникальны. Но если врач будет стараться прилагать усилия, он сможет создать у больного ощущение безопасности, хотя бы в небольшой степени. И тогда глубинное Я выйдет «наружу» и сольется с внешним, социальным Я. Появится общее для них трансцендентальное единство апперцепции. Его на первых порах надо поддерживать, хотя техники для этого еще не разработаны. Однако это самое большее, если говорить реально, а не фантастически, на что может рассчитывать лечащий врач. Полные ремиссии практически недостижимы, а социализация больного и нормализация его трансцендентального единства апперцепции — это уже огромный шаг вперед.

Аутизм

Следует сказать несколько слов о трансцендентальном единстве апперцепции при раннем детском аутизме (расстройство аутистического спектра, РАС). Речь пойдет о больных тяжелым аутизмом. Как было показано в другом месте [Косилова Е.В., 2016], при аутизме нарушается формирование внутреннего плана сознания, осмысления окружающего. Больной аутизмом находится в состоянии перцептивной вовлеченности — он пребывает в точке здесь-и-сейчас, не выходя из нее в тот горизонт потенциального, который содержит в себе то, чего нет в наличной реальности. Поэтому у больного не появляются собственные мысли, планы, проекты, в тяжелых случаях даже не происходит распознавания образов, поскольку нет обращения к прошлому опыту. Больные не имеют речи, не социализируются, не приобретают навыков ухода за собой [Башина В.М., 1999]. Первичным расстройством при аутизме является врожденная гиперсензитивность одного из перцептивных каналов, реагируя на ко-

торую, мозг снижает чувствительность по всем каналам, в том числе нарушается первичная связь мать–ребенок. Ребенок не смотрит в глаза, не прослеживает взгляда, не прослеживает указательного жеста, не понимает обращенную к нему мимику и речь [Сергиенко Е.А. и др., 2009]. Взрослея, он старается максимально избегать сильных раздражителей и регулирует перцептивные впечатления с помощью стереотипий. В таком состоянии он может прожить всю жизнь, хотя некоторых аутистов удается вытащить на уровень социализации. Однако даже и тогда перцептивная вовлеченность оказывается их преобладающим состоянием [Юханссон И., 2010].

У аутистов нет рефлексии, для которой нужен внутренний план сознания. Можно ли сказать, что у них вообще нет трансцендентального единства апперцепции? Имеются основания думать, что да. Они действительно неспособны выделить себя из наличной ситуации, они не понимают и слова «я». Единство апперцепции заменено у них единством перцепции. Кант определял единство апперцепции как единство мышления. Но у тяжелых аутистов нет мышления, помимо восприятия. Они, если можно так выразиться, не даны сами себе.

И в то же время есть и противоположные аргументы. Если тяжелого аутиста удастся «вытащить» на уровень социализации, он помнит то, что с ним было [Юханссон И., 2010]. Он помнит, что делал, что именно воспринимал. Это очень своеобразное трансцендентальное единство апперцепции и перцепции, но это все же Я, пусть и слабое, и полностью отдавшееся наличному здесь-и-сейчас.

Поэтому воспитание ребенка-аутиста, нацеленное на «вытаскивание» его на уровень социализации (далее все происходит само собой), должно прежде всего заключаться в укреплении его трансцендентального единства апперцепции. Такие методики еще не разработаны, как и в случае шизофрении, но мы можем предположить, как они должны выглядеть. Ребенка надо постоянно, так сказать, оборачивать к самому себе. Ему надо говорить, что он делает, надо напоминать, что он делал только что и раньше, строить вместе с ним проекты его действий. Ему надо объяснять смысл и цель всех действий, опираясь на его развитую перцепцию. Как показывает пример Юхансон [Юханссон И., 2010], с которой много занимался ее отец, надо искусственно пройти с ребенком «стадию зеркала», чтобы создать у него представление о его собственном теле.

Если учитывать современные поправки кантовской теории трансцендентального единства апперцепции, в частности, о телесной укорененности апперцепции, надо развивать у ребенка чувство собственного тела. О важности развития чувства тела пишет и известная аутистка, также вышедшая на уровень социализации, Т. Грэндин [Сакс О., 2010].

Таким образом, мы видим, что при психических заболеваниях нарушается трансцендентальное единство апперцепции. При шизофрении расщепляется Я и единство апперцепции связывается с ложным Я. При хроническом бредевом расстройстве происходит искажение глубинного ядра личности, с которым связано единство апперцепции, и мысли больного идут как бы двумя потоками — один поток от сохраняющегося светлым сознания, второй — от искаженного глубинного ядра, причем эти потоки сливаются, трансцендентальное единство апперцепции не теряет своей цельности. При расстройстве аутистического спектра под вопросом оказывается само наличие единства апперцепции, однако есть аргументы за то, что оно просто ослаблено. Задачей во всех случаях является выравнивание нарушенного трансцендентального единства апперцепции.

Автор благодарит Санкт-Петербургского психиатра В.А. Дворецкого за ценные замечания, высказанные в процессе работы над статьей.

Список литературы

- Башина В.М. Аутизм в детстве. М.: Медицина, 1999. 236 с.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.
- Жмуров В.А. Психопатология. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. 280 с.
- Косилова Е.В. О судьбах субъектов. М.: Леланд, 2016. 448 с.
- Лакан Ж. О бессмыслице и структуре бога // Метафизические исследования. СПб.: Алетея, 2000. Вып. 14: Статус иного. С. 218–231.
- Лэйнг Р.Д. (Лэнг Р.Д.) Расколотое «Я». Политика переживания. Райская птица. СПб.: Белый кролик, 1995. 350 с.
- Руководство по психиатрии: в 2 т. / под ред. А.В. Снежневского. М.: Медицина, 1983. Т. 1. 480 с.
- Руководство по психиатрии: в 2 т. / под ред. А.С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. Т. 1. 712 с.
- Сакс О. Антрополог на Марсе. М.: АСТ: Астрель, 2010. 320 с.
- Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу. М.: АСТ, 2011. 400 с.
- Сергиенко Е.А. и др. Модель психического в он-

тогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 415 с.

Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб.: Алетея, 1999. 200 с.

Фрум К. Шизофрения: краткое введение. М.: АСТ: Астрель, 2005. 204 с.

Шарфеттер Х. Шизофренические личности. М.: Форум, 2011. 304 с.

Юханссон И. Особое детство. М.: Теревинф, 2010. 160 с.

Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.

Получено 10.06.2018

References

- Bashina, V.M. (1999). *Autism v detstve* [Autism in Childhood]. Moscow: Medicina Publ., 236 p.
- Freud, Z. (1999). *Vvedenie v psichoanaliz* [Introductory Lectures on Psycho-Analysis]. Saint Petersburg: Aleteia Publ., 200 p.
- Frith, K. (2005). *Shizofrenia: kratkoe vvedenie* [Schizophrenia: A Brief Introduction]. Moscow: Astrel Publ., 204 p.
- Husserl, E. (1998). *Kartesianskie Razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Saint Petersburg: Nauka Publ., Yuventa Publ., 315 p.
- Jaspers, K. (1997). *Obshaya psichopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow: Praktika Publ., 1056 p.
- Johansson, I. (2010). *Osoboe detstvo* [A Different Childhood]. Moscow: Terevinf Publ., 160 p.
- Kosilova, E.V. (2016). *O sudbakh Subjectov* [On Subjects' Destinies]. Moscow: Leland Publ., 448 p.
- Lacan, J. (2000). *O bessmyslitse I structure boga* [On Nonsense and the Structure of God]. *Metafizicheskie Issledovaniya* [Metaphysical Research]. Iss. 14, pp. 218–231.
- Laing, R.D. (1995). *Raskolotoye Ya. Politika Perezhivaniya. Raikaya ptitsa* [Divided Self. Politics of Experience. Bird of Paradise]. Saint Petersburg: Belyi Krolik Publ., 350 p.
- Sacks, O. (2010). *Antropolog na Marse* [Anthropologist on Mars]. Moscow: AST Publ., Astrel Publ., 320 p.
- Sacks, O. (2011). *Chelovek, kotoryi prinyal zhenu za shlyapu* [Man who Mistook his Wife for a Hat]. Moscow: AST Publ., 400 p.
- Scharfetter, H. (2011). *Schizophrenic Personalities* [Schizophrenicheskie lichnosti]. Moscow: Forum Publ., 304 p.

Sergienko, E.A. et al. (2009). *Model psichicheskogo v ontogeneze cheloveka* [Theory of Mind in Man's Ontogenesis]. Moscow: Institute of psychology of RAS, 415 p.

Snezhnevsky, A.V. (ed.) (1983). *Rukovodstvo po psikhiiatrii: v 2 t.* [Manual of Psychiatry: in 2 vols]. Moscow: Meditsina Publ., vol. 1, 480 p.

Tiganov, A.S. (ed.) (1999). *Rukovodstvo po psikhiiatrii: v 2 t.* [Manual of Psychiatry: in 2 vols]. Moscow: Meditsina Publ., vol. 1, 712 p.

Zhmurov, V.A. (1995). *Psychopatologiya* [Psychopathology]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 280 p.

Received 10.06.2018

Об авторе

Косилова Елена Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: implicatio@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2261-7680

About the author

Elena V. Kosilova

Ph.D. in Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Gnoseology

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: implicatio@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2261-7680

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Косилова Е.В. Трансцендентальное единство апперцепции при психической ненормальности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 375–383.

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-375-383

For citation:

Kosilova E.V. Transcendental unity of apperception in patients with mental disorders // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 375–383. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-375-383

УДК 159.923+316.61

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-384-392

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА»

Жесткова Наталья Александровна

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

В научной литературе уже накоплен большой массив знаний о роли и значении психологического здоровья человека в индивидуальной и общественной жизни. Вместе с этим еще нуждаются в уточнении содержание структурных компонентов понятия «психологическое здоровье человека» и критерии его оценки. Стремление восполнить обнаруженные пробелы в вопросах понимания специфики данного феномена определило цель исследования: уточнить содержание понятия «психологическое здоровье человека» и его структурных компонентов; раскрыть специфику сохранения психологического здоровья как результата взаимодействия внутренних и внешних факторов психосоциального развития. Методолого-теоретической основой для анализа генезиса, структуры, факторов сохранения психологического здоровья человека послужили идеи и принципы системно-деятельностного подхода, а также зарубежные и отечественные теории психологического здоровья, раскрывающие сущность, содержание и структуру данного понятия, функции и специфику развития данного состояния. В статье представлено авторское определение содержания понятия «психологическое здоровье человека» как динамической совокупности психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества и являющихся предпосылкой ориентации индивида на выполнение своей жизненной задачи, самоактуализацию. Уточнены структурные компоненты феномена психологического здоровья (аксиологический, инструментальный, потребностно-мотивационный) и диагностируемые признаки каждого из них (самоуважение, социальная толерантность, чувство личностной безопасности; стрессоустойчивость, социальная адаптированность, психологическая адаптивность; принятие ценностей самоактуализирующейся личности, потребность в самореализации, активные социальные контакты). Результаты исследования расширяют научные представления о показателях психологического здоровья человека, формируют теоретическую основу управления процессами его сохранения и укрепления.

Ключевые слова: здоровье, психологическое здоровье, стрессоустойчивость, полноценная жизнедеятельность, социальная адаптивность, эмоционально-психологическая стабильность.

«PSYCHOLOGICAL HEALTH OF A PERSON»: ESSENCE AND STRUCTURE OF THE CONCEPT

Natalya A. Zhestkova

Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics

Scientific literature has already accumulated a large body of knowledge about the role and significance of the psychological health of a person in individual and social life. However, the content of the structural components of this concept and the criteria for its evaluation still need clarification. The desire to shed the light on the gaps in knowledge about this phenomenon determined the purposes of the study: to clarify the content of the concept «psychological health of a person» and its structural components; to identify the specific features of psychological health preservation as a result of the interaction between the internal and external factors of psychosocial development. The ideas and principles of the system-activity approach, as well as foreign and Russian theories of psychological health, which reveal the essence, content and structure of the concept, as well as functions and specificity of this state dynamics served as a methodological and theoretical basis for analyzing the genesis, structure, and factors of preserving a person's psychological health. The article presents the author's definition of the concept «psychological health of a person» as a dynamic complex of the person's men-

tal properties that ensure harmony between the needs of the individual and society and are the prerequisite for the individual's orientation toward the fulfillment of his vital task, self-actualization. The author clarifies the structural components of the psychological health phenomenon (axiological, instrumental, need-motivational) and the diagnosed evidences of them (self-esteem, social tolerance, sense of personal safety, stress-resistance, social adaptation, psychological adaptability, adoption of self-actualizing personality values, the need for self-actualization, active social contacts). The research results broaden the scientific understanding of the person's psychological health indicators, form the theoretical basis for managing the processes of its preservation and strengthening.

Keywords: health, psychological health, stress resistance, high-grade vital activity, social adaptability, emotional-psychological stability.

Введение

Феномен «здоровье» является предметом научного исследования различных дисциплин. Это и анатомия, и медицина, и психология, и социология, и философия. Такой широкий спектр научных исследований объясняется тем, что жизнедеятельность человека, обусловленная состоянием его здоровья, проявляется на биологическом, психическом, социальном уровнях. В связи с этим сущность феномена «здоровье» раскрывается посредством различных критериев.

Здоровье — это «состояние полного, физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие заболеваний и дефектов развития» [Устав (Конституция)... 1995, с. 25]; «оптимальное функционирование организма» [Франкл В., 1990, с. 247]; «полнокровное существование человека» [Смирнов И.Н., 1985, с. 18].

В научной литературе выделяют два подхода к исследованию проблемы психологического здоровья: гуманистический и антропологический. С позиций гуманистического подхода психологическое здоровье изучали такие зарубежные ученые, как Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс. Основы антропологического подхода разрабатывались отечественными учеными В.И. Слободчиковым, Е.И. Исаевым, А.В. Шуваловым, Г.А. Цукерман.

Человек как высшая форма реализации феномена жизни обладает главным отличием живых систем от неживых, суть которого состоит в способности первых к самоорганизации (саморегулированию, самообновлению, самовосстановлению) [Апанасенко Г.Л., 1992]. В этом заключается биологическая сущность здоровья, которая описывается различными процессами самоорганизации биосистемы — реакциями гомеостаза, адаптации, реактивности, резистентности, репарации, регенерации и т.д. Наряду с биологическими процессами самоорганизации человека как системы человек обладает способностью изучать и преломлять сквозь свой внутренний мир картину мира внешнего, способность самовыражаться

посредством социальной активности, определяя свое место среди других людей. Данные способности являются высшими проявлениями целостности личности человека и определяют психический и духовный аспекты здоровья. Психика и духовность, в свою очередь, могут либо стимулировать, либо тормозить биологический субстрат человека. Таким образом, в концептуальной системе специфических проявлений человеческой природы и общечеловеческих ценностей психологическое здоровье определяет качество индивидуальной жизни человека.

Многоплановый анализ феномена «здоровье» объективно требует, чтобы одним из ведущих принципов моделирования структуры понятия «психологическое здоровье человека» стал системный подход. Методология системного анализа позволяет рассмотреть феномен «психологическое здоровье» со стороны его структурных компонентов, а также со стороны функциональных связей и отношений.

Сущность феномена «психологическое здоровье человека»

В концепции Б.Г. Ананьева, изложенной в работе «Человек как предмет познания», автор выделяет различные ипостаси существования человека: индивид, субъект, личность, индивидуальность [Ананьев Б.Г., 1969]. При этом целостность человека обнаруживается в единстве его биологических, социальных и душевно-духовных проявлений. Душевные и духовные свойства личности оказывают сильное влияние на реализацию биологических и социальных функций. С другой стороны, чем шире возможности человека в реализации своих биологических и социальных функций, тем более высоким уровнем здоровья он обладает. Соответствие жизненных установок и личностных притязаний реальным возможностям здоровья человека формирует определенную степень «благополучия» — физического, социального и душевного.

Физическим здоровьем обладает человек, у которого отсутствуют дефекты развития и болезни. Абсолютно здоровым, по мнению С.Я. Долецкого, нельзя считать того, кто либо от рождения, либо по причине повреждения или перенесенной болезни лишился какого-либо органа [Долецкий С.Я., 1983]. Я.С. Вайнбаум под физическим здоровьем понимает такое состояние человеческого организма, которое обеспечивает устойчивость не только к действию болезнетворных факторов, но и адаптационные возможности организма, т.е. способность сохранять работоспособность при неблагоприятных изменениях внешней среды [Вайнбаум Я.С., 1986].

Физическое здоровье обеспечивает приспособительные функции живого организма и предполагает здоровье психическое, которое обуславливает успешность обучения человека и его социальное становление (адекватность поведения в социальной среде, формирование личностной позиции). По мнению Л.П. Гладких, психическое здоровье характеризуется системой таких параметров, как зрелость нервной системы, психоэмоциональное благополучие, коммуникативная компетентность, социальное благополучие в семье [Гладких Л.П., 2001]. Данное понятие имеет непосредственное отношение к отдельным психическим процессам и механизмам.

И.В. Дубровиной был введен термин «психологическое здоровье», которое, по мнению автора, относится к личности в целом и находится в тесной взаимосвязи с высшими проявлениями человеческого духа [Дубровина И.В., 2004]. С.Я. Долецкий для обозначения психологического здоровья использует синонимичные понятия «сила Я» и «духовное здоровье», которые, по сути, характеризуют умение человека, сохраняя внутреннее психоэмоциональное спокойствие, приспосабливаться к различным ситуациям окружающей его природной и социальной среды с целью осуществления своего жизненного плана [Долецкий С.Я., 1983].

Наиболее четко, на наш взгляд, определили функцию психологического здоровья человека И.В. Боев, О.А. Ахвердова и Н.Н. Ерошенко: «позволяет человеку адекватно своему возрасту, полу, социальному положению познавать окружающую действительность, адаптироваться к ней и выполнять свои биологические и социальные функции в соответствии с возникающими личными и общественными интересами, потребностями, общепринятой моралью» [Боев И.В. и др. 2002, с. 9].

Итак, анализируя в научной литературе специфику проявления феномена «психологическое здоровье», мы обнаружили, что большинство описаний указывают такое свойство человека, как стрессоустойчивость, т.е. способность преодолевать различные стрессогенные жизненные ситуации без ущерба для своего здоровья. Иными словами, психологически здорового человека трудная жизненная ситуация не приводит к душевному смятению или апатии, провоцирующей бездействие, наоборот, заставляет его активно самоотверженно функционировать в направлении исключения возможного повторения осознанных трудностей. Жизненная стойкость человека предполагает усилия по сопротивлению трудностям.

Исходя из того что психологическое здоровье обеспечивается подвижным равновесием в системе «индивид – среда», основным его критерием справедливо считать социально-психологическую адаптированность личности. Опираясь на это положение, В.А. Ананьев выделяет следующие уровни психологического здоровья:

1) креативный уровень (высокий): стрессоустойчивый человек, легко и гармонично приспосабливается к социальной среде посредством активных и эффективных стратегий взаимодействия с действительностью, сохраняя эмоционально-психологическое равновесие;

2) адаптивный уровень (средний): человек испытывает трудности социально-психологической адаптации, но преодолевает их посредством использования резервных возможностей совладания со стрессовыми ситуациями, переживая при этом значительное эмоционально-психологическое напряжение;

3) дезаппетивный уровень (низкий): человек неспособен гармонично взаимодействовать с окружающей социальной средой, потому что действует в ущерб своим возможностям и желаниям или использует наступательную стратегию, сопряженную с бескомпромиссностью решений, поэтому переживает эмоционально-психические перегрузки [Ананьев В.А., 2006].

Гармоничное взаимодействие с миром неразрывно связано с ориентацией человека на духовные ценности, с осознанным поиском путей самопознания, самопринятия и саморазвития. Таким образом, психологическое здоровье взрослого человека предполагает осознанную потребность в духовном развитии. Как отмечает А. Шувалов, психологическое здоровье, по сути, есть здоровье духовное [Шувалов А., 2009]. Духовность здесь понимается как особый способ

жизнедеятельности, проявляющийся в сопряженности мотивов и поступков человека с актуализацией собственно человеческого в человеке. Поэтому теоретической основой проблемы сохранения и укрепления психологического здоровья человека являются работы известных зарубежных (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл) и отечественных (С.Л. Рубинштейн, Б.С. Братусь, И.В. Слободчиков) ученых гуманистической ориентации.

Человековедческий подход к пониманию психологии здорового человека утвердил образ психологически зрелой [Олпорт Г.В., 1998], самоактуализированной [Маслоу А., 1997], полноценно функционирующей [Роджерс К.Р., 2001] личности. Здоровье рассматривается не как состояние бытия, а как процесс, направленный на развитие человеческой субъективности [Слободчиков В.И., Исаев Е.В., 1998].

Обобщим вышеизложенное: психологическое здоровье — это умение человека с внутренним спокойствием непрерывно поддерживать динамический баланс с окружающей средой для дальнейшего позитивного личностного развития. Поскольку психологическое здоровье предполагает, прежде всего, устойчивость к стрессовым ситуациям, то целесообразно обратить внимание на психологические свойства, повышающие стрессоустойчивость.

Такие свойства были выделены В.А. Бодровым в работе «Психологический стресс: развитие и преодоление»: внутренний локус контроля, адекватная самооценка, критичность [Бодров В.А., 2006]. Внутренний самоконтроль за происходящими событиями, когда их причина связывается с личным участием, справедливо признают свойством, обеспечивающим устойчивость к стрессу. Чем меньше, по субъективному мнению человека, его успешность или неуспешность в жизни определяются случайными обстоятельствами, тем более успешно он справляется со стрессами. Не менее важна уверенность человека в его способности самостоятельно преодолевать житейские трудности. Чем выше самооценка своих возможностей, тем ниже вероятность интерпретации случившегося события как стрессового. Кроме того, зачем избегать трудностей, если их несложно разрешить.

Оценить степень безопасности происходящих или ожидаемых жизненных событий позволяет критический взгляд на них. Стрессоустойчивость предполагает допущение неопределенности потока событий и осознание невозможности осуществления постоянного тотального контроля над

жизнью. Поэтому присутствие равновесия между стремлением к риску и стремлением к безопасности, между стремлением к внешним и внутренним изменениям и стремлением к сохранению стабильности является признаком стрессоустойчивости человека. Такое равновесие создает условия для личностного развития на фоне оправданного умеренного риска.

Получается, что основной характеристикой психологически здорового человека является саморегулируемость как способность адекватно приспосабливаться к благоприятным и неблагоприятным условиям внешней среды. Значимо то, что трудности адаптации человек может испытывать в любой жизненной ситуации. Быстрое достижение социального и экономического успеха (благоприятная ситуация) тоже способно привести к существенным нарушениям психологического здоровья, таким как и социальная неустроенность, отсутствие материального достатка (неблагоприятная ситуация). Необходимо уметь использовать любую ситуацию как средство самоизменения, саморазвития и самосовершенствования. Таким образом, основная функция психологического здоровья проявляется в ситуациях, требующих мобилизации личностных ресурсов, для поддержания динамического гармоничного баланса между внутренней средой человека и окружающей его внешней средой.

Из вышесказанного следует, что внутренние ресурсы для преодоления многочисленных жизненных испытаний нужно искать в осознании необходимости постигать смысл жизни, в ориентации на выполнение жизненной задачи и непрерывный личностный рост, без чего невозможно достижение душевного комфорта, лежащего в основе психологического здоровья.

Структура феномена «психологическое здоровье человека»

Описывая психологическое здоровье человека как систему, В.И. Слободчиков и А.В. Шувалов в своей статье «Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей» выделяют в этой системе три структурных компонента: аксиологический, инструментальный и потребностно-мотивационный, которые взаимообуславливают и дополняют друг друга [Слободчиков В.И., Шувалов А.В., 2001]. Анализируя содержание структурных компонентов психологического здоровья, мы выделили соответствующие каждому из них критерии оценки и основные диагностируемые признаки (см. таблицу).

Критерии оценки и диагностируемые признаки психологического здоровья человека

<i>Исследуемое свойство</i>		<i>Критерии оценки</i>	<i>Диагностируемые признаки</i>
<i>Психологическое здоровье человека</i>	<i>Аксиологический компонент</i>	Позитивное отношение к себе.	Самоуважение.
		Позитивное отношение к окружающим людям.	Социальная толерантность.
		Оптимистическое отношение к миру	Чувство личностной безопасности
	<i>Инструментальный компонент</i>	Внутренний самоконтроль.	Стрессоустойчивость.
		Коммуникативная компетентность.	Социальная адаптированность.
		Личностная самоэффективность	Психологическая адаптивность
	<i>Потребностно-мотивационный компонент</i>	Самодостаточность личности.	Признание ценностей самоактуализирующейся личности.
		Стремление к саморазвитию.	Потребность в самореализации.
		Активная позиция личности	Активные социальные контакты

Аксиологический компонент содержательно представлен экзистенциальными ценностями собственного «Я» человека и «Я» других людей. Данный компонент предполагает абсолютное принятие человеком себя и других людей вне зависимости от их пола, возраста, культурных особенностей и т.п. Безусловной предпосылкой достижения личностной целостности является умение принять самые разные стороны своей личности, вступая в диалог с ними. Глубокое знание себя обуславливает развитие умения видеть многогранность личности каждого другого человека, позволяя ему быть самим собой в совокупности свойств его личностной целостности. В таблице представлены основные критерии оценки (позитивное отношение к себе, позитивное отношение к окружающим людям, оптимистическое отношение к миру) и диагностируемые признаки данного компонента психологического здоровья (самоуважение, социальная толерантность, чувство личностной безопасности).

Содержание *инструментального компонента* составляют рефлексивные умения как средства (инструменты) самопознания и самосовершенствования. Данный компонент предполагает способность концентрировать сознание на своем внутреннем мире и месте в системе взаимоотношений с другими людьми. Рефлексия причин и последствий своего поведения дает понимание мотивов поступков окружающих людей, обуславливает свободное и открытое проявление своих чувств и действий по удовлетворению своих потребностей без причинения вреда другим, без ущемления чужих интересов. В таблице представлены основные критерии оценки инструментального компонента (внутренний самоконтроль в деятельности и общении, социально-коммуникативная компетентность, личностная

самоэффективность) и диагностируемые признаки (стрессоустойчивость, социальная адаптированность, психологическая адаптивность).

Содержание *потребностно-мотивационного компонента* составляет потребность человека в саморазвитии. Данный компонент предполагает формирование позиции личности как субъекта своей жизнедеятельности, обуславливающей активность в написании собственной судьбы и принятие всей ответственности за результаты своих действий в направлении саморазвития. В таблице представлены основные критерии оценки (самодостаточность личности, стремление к саморазвитию, активная позиция личности) и диагностируемые признаки данного компонента психологического здоровья (признание ценностей самоактуализирующейся личности, потребность в самореализации, активные социальные контакты).

Таким образом, структура феномена психологического здоровья представлена такими компонентами, как позитивное самоотношение и отношение к другим людям, позитивная личностная рефлексия, потребность в саморазвитии. Эти компоненты находятся в динамическом взаимодействии. Так, непрерывное саморазвитие личности требует рефлексивного самоанализа. При этом позитивная рефлексия обеспечивает формирование позитивного устойчивого самоотношения, характеризующегося полным принятием себя на фоне высокой личностной активности и ответственности, адекватной самооценки и широкого спектра стилей межличностного взаимодействия. Невротическая рефлексия способствует формированию негативного устойчивого самоотношения, характеризующегося глубокой неудовлетворенностью собой, отрицанием значимости собственного «Я», низкой личностной активностью и ответственностью, ограниченным спектром стилей межлич-

ностного взаимодействия. Формирование самоотношения осуществляется в процессе непрерывного саморазвития, психологическим механизмом которого является личностная рефлексия.

Если позитивная рефлексия, позитивное самоотношение и личностное саморазвитие обуславливают психологическое здоровье личности, то невротическую рефлексию, устойчивое негативное самоотношение и отсутствие стремления к саморазвитию справедливо считать личностными предпосылками нарушения психологического здоровья.

Факторы, ослабляющие психологическое здоровье человека

Специфика системного объекта не исчерпывается особенностями составляющих его компонентов. По мнению В.Н. Садовского, во многом она определяется характером связей и отношений «система – среда» [Садовский В.Н., 1974]. В связи с этим мы проанализировали присущие исследуемой нами системе внутренние и внешние отношения и связи, выделили внутренние (психологические) и внешние (социальные) факторы, оказывающие влияние на психологическое здоровье человека.

Согласно теории А.Н. Леонтьева о ведущем типе деятельности [Леонтьев А.Н., 1981], получившей свое развитие в работах Д.Б. Эльконина о возрастной периодизации [Эльконин Д.Б., 1997], наиболее значимые изменения в психическом развитии происходят внутри ведущего типа деятельности, соответствующего психологическому возрасту ребенка. Если в младенческом возрасте ведущая деятельность ребенка — это непосредственное эмоциональное общение со взрослым, то наибольшую пользу психическому и психологическому развитию, как и наибольший вред, обеспечивают успехи и нарушения именно в этой области взаимодействия взрослого и малыша. В частности, к нарушениям психологического здоровья ребенка может привести материнская депривация, характеризующаяся отсутствием со стороны матери эмоциональной поддержки ребенка, игнорированием его потребностей. Также неблагоприятной является ситуация преобладания в детско-родительских отношениях отрицательных эмоций, чрезмерной строгости, формального общения без проявлений любви и ласки. Негативно на психологическом здоровье малыша может сказаться и чрезмерный уровень активности матери по организации всех сфер жизнедеятельности ребенка, подавляющий его независимость. Неблагоприятной считается ситуация

устранения отца от общения с ребенком по причине отсутствия единогласия родителей и частых конфликтных столкновений по вопросам воспитания. Подобные нарушения подрывают базовое доверие к родителям, к окружающим людям и к миру в целом [Эриксон Э., 1996], повышают уровень тревожности [Захаров А.И., 1995], формируют невротическое стремление постоянно получать повышенное внимание к себе и одобрение со стороны окружающих [Хорни К., 2008], что не является чертами психологически здоровой личности. Позднее нарушения эмоционального развития в младенчестве могут проявиться проблемами в школьном обучении и общении со сверстниками. Получается так, что психологическое здоровье фактически с момента рождения ребенка на свет может быть подвергнуто воздействию неблагоприятных в психолого-педагогическом плане факторов.

В раннем детском и дошкольном возрасте психологическое здоровье ребенка тесно связано с характером внутрисемейных отношений, со стилевыми особенностями воспитания. Как отмечает В.М. Минияров в книге «Психология семейного отношения (диагностико-коррекционный аспект)», контролирующий стиль воспитания можно отнести к неблагоприятным факторам психологического здоровья. Чрезмерная родительская требовательность, сопровождающаяся множеством ограничений и запретов, подавление детской инициативы и самостоятельности, пренебрежение истинными потребностями личности ребенка сковывают его личностное развитие и разрушают психологическое здоровье. Попустительский стиль воспитания, характеризующийся требованием родителей соблюдать внешние обряды без объяснения дошкольнику их значения и смысла, вынуждает последнего стать внешне послушным и покладистым, приспособляться к социальной среде, подавляя свои желания. Негативное влияние на психологическое состояние дошкольника может оказать предупредительный стиль воспитания, когда ребенок занимает центральное положение в семье и интересы взрослых членов семьи ставятся в зависимость от его интересов. Зачастую такой подход к воспитанию приводит к трудностям социальной адаптации детей в ДООУ [Минияров В.М., 2000].

Условия современной жизни таковы, что родители вынуждены одновременно решать множество различных проблем (социально-экономических, профессиональных, бытовых и др.), вызывающих психоэмоциональное напря-

жение. Следствием чрезмерной загруженности, недостаточной осведомленности о способах совладания с трудными ситуациями жизнедеятельности становится невротизация личности. Подобная личностная дисгармония родителей приводит к дисгармонии семейных отношений и непременно оказывает негативное влияние на детское психическое и психологическое здоровье.

Психологически здоровый взрослый человек обладает стрессоустойчивостью и способен самостоятельно найти в себе силы для адаптации к самым разным, часто не комфортным условиям жизни, сохраняя свое здоровье и здоровье окружающих его людей. С одной стороны, он умеет увидеть в самой тяжелой ситуации стимул для личностного роста, а с другой — умеет избегать чрезмерно высоких физических и психических нагрузок, информационных перегрузок. Накопленный жизненный опыт очень важно передать детям. Родитель обязан учить ребенка полноценно жить в современных условиях, целенаправленно формируя у него базу знаний и практических навыков совладания с трудными ситуациями самостоятельно или с помощью взрослых, на фоне оптимистического настроения и фиксации на личностном прогрессе.

В свете вышесказанного психологическое здоровье родителей и их психолого-педагогическую грамотность в вопросах организации здоровьесберегающего образа жизни можно рассматривать как важные условия сохранения и укрепления психологического здоровья детей. Семейное воспитание должно обеспечивать успешность социально-психологической адаптации, которая является основным критерием психологического здоровья ребенка.

Результаты

1. Уточнено содержание понятия «психологическое здоровье человека» (психологическое здоровье человека — это динамическая совокупность психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества и являющихся предпосылкой ориентации индивида на выполнение своей жизненной задачи, самоактуализацию).

2. Определено содержание структурных компонентов понятия «психологическое здоровье человека»: аксиологический (совокупность экзистенциальных ценностей собственного «Я» человека и «Я» других людей); инструментальный (комплекс рефлексивных умений как средств (инструментов) самопознания и самосовершенство-

вания); потребностно-мотивационный (потребность человека в саморазвитии).

3. Охарактеризованы условия сохранения психологического здоровья в детском возрасте, которыми являются: 1) осознание родителями ценности психологического здоровья своего и членов своей семьи; 2) осознание родителями ценности состояния семейного психологического благополучия и консолидация по всем основным вопросам жизнедеятельности; 3) использование механизмов конструктивной внутрисемейной коммуникации, обеспечивающей полное взаимопонимание всех членов семьи.

Заключение

В мировоззренческой структуре личности ценности здоровья, по убеждению Л.С. Драгунской, могут быть «знаемыми» ценностями, признаваемыми ценностями и принятыми к исполнению [Драгунская Л.С., 1989]. С этой точки зрения, для того чтобы стать субъектом собственного здоровья, недостаточно знать правила сохранения и техники его укрепления. Осознание ценностной сущности здоровья, признание норм и правил здоровьесберегающей жизнедеятельности в качестве руководящего принципа жизни является необходимым условием формирования способности контролировать свое здоровье и нести ответственность за него. Ответственное отношение к своему здоровью и, как следствие, ответственное отношение к здоровью других людей формируются в системе определенных мировоззренческих установок, волевых качеств, позитивно-эмоциональных стремлений к активным действиям по сохранению и укреплению здоровья.

Необходимость сохранять и укреплять психологическое здоровье обусловлена его большой ролью в достижении достаточного для полноценной жизнедеятельности уровня социальной адаптивности личности.

Список литературы

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 337 с.
- Ананьев В.А.* Концептуальные основы психологии здоровья. СПб.: Речь, 2006. 384 с.
- Апанасенко Г.Л.* Эволюция биоэнергетики и здоровье человека. СПб.: Петрополис, 1992. 123 с.
- Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
- Боев И.В., Ахвердова О.А., Ерошенко Н.Н.* Индивидуальные проблемы психологического консультирования психологической коррекции подростков, располагающихся в различных диапазонах конститу-

ционально-континуального пространства: учеб.-метод. пособие. Ставрополь: Авек, 2002. 25 с.

Вайнбаум Я.С. Гигиена физического воспитания. М.: Педагогика, 1986. 176 с.

Гладких Л.П. Вариативная модель оценки психического здоровья дошкольников и младших школьников в образовательном пространстве // Психологическая наука и образование. 2001. № 2. С. 21–25.

Долецкий С.Я. Все начинается с детства. М.: Педагогика, 1983. 208 с.

Драгунская Л.С. Медицинская психология, аксиология и проблемы психодиагностики // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 3. С. 34–40.

Дубровина И.В. Практическая психология образования: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2004. 592 с.

Захаров А.И. Детские неврозы (психологическая помощь родителей детям). СПб.: Респекс, 1995. 192 с.

Леонтьев А.Н. К теории развития психики ребенка // Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 286–301.

Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. М.: Евразия, 1997. 430 с.

Минияров В.М. Психология семейного отношения (диагностико-коррекционный аспект). М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2000. 256 с.

Олпорт Г.В. Личность в психологии / пер. с англ. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998. 345 с.

Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию / пер. с англ. М.: Золотник: ЭКСМО-Пресс, 2001. 416 с.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-семантический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

Слободчиков В.И., Исаев Е.В. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3–17.

Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 91–105.

Смирнов И.Н. Здоровье человека как философская проблема // Вопросы философии. 1985. № 7. С. 83–93.

Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения: основные документы. М.: Медицина, 1995. 208 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Хорни К. Наши внутренние конфликты: конструктивная теория невроза. М.: Академ. проект, 2008. 224 с.

Шувалов А. Психологическое здоровье человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4(15). С. 87–101.

Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды. М.:

Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 416 с.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Питер, 1996. 589 с.

Получено 17.05.2018

References

Allport, G.V. (1998). *Lichnost v psikhologii* [The Person in Psychology]. Saint Petersburg: Juventa Publ., 345 p.

Ananyev, B.G. (1969). *Chelovek kak predmet poznaniya* [Human as an object of knowledge]. Leningrad: LSU Publ., 337 p.

Ananyev, V.A. (2006). *Kontseptualnyye osnovy psikhologii zdorovya* [Conceptual basis of the psychology of health]. Saint Petersburg: Rech Publ., 2006. 384 p.

Apanasenko, G.L. (1992). *Evolyutsiya bioenergetiki i zdorovye cheloveka* [Evolution of bioenergetics and human health]. Saint Petersburg: Petropolis Publ., 123 p.

Bodrov, V.A. (2006). *Psikhologicheskii stress: razvitiye i preodoleniye* [Psychological stress: development and coping]. Moscow: Per SE. 528 p.

Boev, I.V., Akhverdova, O.A. and Eroshenko N.N. (2002). Individualnye problem psikhologicheskogo konsultirovaniya psikhologicheskoy korreksii podrostkov, raspolagayuschikhsya v razlichnykh diapazonakh konstitutsionalno-kontinualnogo prostranstva [Individual problems of psychological counseling of psychological correction of adolescents, located in different ranges of the constitutional-continual space]. Stavropol: Avek Publ., 25 p.

Doletsky, S.Ya. (1983). *Vse nachinayetsya s detstva* [Everything starts from childhood]. Moscow: Pedagogy Publ., 208 p.

Dragunskaya, L.S. (1989). *Meditinskaya psikhologiya, aksiologiya i problemy psikhodiagnostiki* [Medical psychology, axiology and problems of psychodiagnostics]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 10, no.3. pp. 34–40.

Dubrovina, I.V. (2004). *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya: uchebnoye posobiye* [Practical psychology of education: a manual]. Saint Petersburg: Piter Publ., 592 p.

Elkonin, D.B. (1997). *Psikhicheskoye razvitiye v detskikh vozrastakh: izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Mental development in childhood: selected psychological works]. Moscow: Institute of Practical Psychology Publ., Voronezh: Modek Publ., 416 p.

Erikson, E. (1996). *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Saint Petersburg: Piter Publ., 589 p.

Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow, Progress Publ., 368 p.

Gladkikh, L.P. (2001) *Variativnaya model otsenki psikhicheskogo zdorovya doshkolnikov i mladshikh*

shkolnikov v obrazovatel'nom prostranstve [Variation model of assessing the mental health of preschool children and younger schoolchildren in the educational space]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education]. No. 2, pp. 21–25.

Horney, K. (2008). *Nashi vnutrenniye konflikty: konstruktivnaya teoriya nevroza* [Our Inner Conflicts]. Moscow: Academicheskii Proect Publ., 224 p.

Leontiev, A.N. (1981). *K teorii razvitiya psikhiki rebenka* [Towards a theory of development of the child's psyche]. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of development of the psyche]. Moscow: MSU Publ., pp. 286–301.

Maslow, A. (1997). *Dalniye predely chelovecheskoy psikhiki* [The Farther Reaches of Human Nature]. Moscow: Eurasia Publ., 430 p.

Miniyarov, V.M. (2000). *Psikhologiya semeynogo otnosheniya (diagnostiko-korreksionnyy aspekt)* [Psychology of the family relationship (diagnostic-correctional aspect)]. Moscow: MPSU Publ., Voronezh: Modek Publ., 256 p.

Rogers, K.R. (2001). *Stanovleniye lichnosti. Vzglyad na psikhoterapiyu* [Formation of personality. A look at psychotherapy]. Moscow: Zolotnik Publ., EKSMO-Press Publ., 416 p.

Sadovsky, V.N. (1974). *Osnovaniya obshchey teorii sistem. Logiko-semanticheskii analiz* [Foundations of the general theory of systems. Logico-semantic analysis]. Moscow: Nauka Publ., 279 p.

Shuvalov, A. (2009). *Psikhologicheskoye zdorovye cheloveka* [Psychological health of a person] *Vestnik pra-*

voslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya [St. Tikhons University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology]. Iss. 4(15), pp. 87–101.

Slobodchikov, V.I. and Isaev, E.V. (1998). *Antropologicheskii printsip v psikhologii razvitiya* [Anthropological principle in developmental psychology]. *Voprosy psikhologii*. No. 6, pp. 3–17.

Slobodchikov, V.I. and Shuvalov, A.V. (2001). *Antropologicheskii podkhod k resheniyu problemy psikhologicheskogo zdorovya detey* [Anthropological approach to solving the problem of children's psychological health]. *Voprosy psikhologii*. No. 4, pp. 91–105.

Smirnov, I.N. (1985). *Zdorovye cheloveka kak filosofskaya problema* [Human health as a philosophical problem]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. No. 7, pp. 83–93.

Ustav (Konstitutsiya) Vsemirnoy Organizatsii zdorovookhraneniya: osnovnyye dokumenty (1995) [Constitution of the World Health Organization: basic documents]. Moscow: Medicina Publ., 208 p.

Weinbaum, Ya.S. (1986). *Gigiyena fizicheskogo vospitaniya* [Hygiene of physical education]. Moscow: Pedagogy Publ., 176 p.

Zakharov, A.I. (1995). *Detskiye nevrozy (psikhologicheskaya pomoshch' roditel'nykh detyam)* [Children's neuroses (psychological help to parents for children)]. Saint Petersburg: Respeks Publ., 192 p.

Received 17.05.2018

Об авторе

Жесткова Наталья Александровна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры связей с общественностью

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
443010, Самара, ул. Л. Толстого, 23;
e-mail: nata_g74@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5660-997X

About the author

Natalya A. Zhestkova

Ph.D. in Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Public Relations

Povolzhsky State University
of Telecommunications and Informatics,
23, L. Tolstoy str., Samara, 443010, Russia;
e-mail: nata_g74@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5660-997X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Жесткова Н.А. Сущность и структура понятия «психологическое здоровье человека» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 384–392.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-384-392

For citation:

Zhestkova N.A. «Psychological health of a person»: essence and structure of the concept // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 384–392. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-384-392

УДК 159.922.1(045)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-393-405

ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ КАК ПРЕДИКТОРЫ ТИПА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ ГЕСТАЦИОННОЙ ДОМИНАНТЫ В СВЯЗИ С ОПЫТОМ МАТЕРИНСТВА*

Корниенко Дмитрий Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Радостева Анна Геннадьевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Исследования психологии беременных являются актуальными в силу социально-экономических изменений и необходимости обоснования психологического сопровождения женщин в этот период. Беременность является кризисным периодом, который проявляется как на физиологическом, так и психологическом уровнях. Многочисленные исследования показали, что для благополучного протекания беременности и рождения ребенка важными являются: социальное окружение, наличие семейной поддержки, отношение женщины к своему состоянию. Среди личностных свойств особое значение для физиологического и психологического состояния женщины имеет тревожность. Одним из центральных понятий, характеризующих психологический облик беременных, является тип психологической компоненты гестационной доминанты (ПКГД). В данном исследовании предпринята попытка изучить базовые свойства личности (пятифакторной модели) как предикторы ПКГД. Кроме того, исследуются различия в чертах личности в связи с доминирующим типом ПКГД. Выборку исследования составили женщины имеющие (233 чел.) и не имеющие (203 чел.) опыта материнства (беременные первым ребенком). В результате было установлено, что тип ПКГД связан прежде всего с нейротизмом, доброжелательностью и открытостью опыту. Обнаружено, что чем менее адаптивным является тип ПКГД, тем в большей степени проявляется эмоциональная нестабильность и негативное взаимодействие с другими людьми. В целом статус женщины (с опытом материнства или без) не оказывает значимого влияния на тип ПКГД. На основе результатов исследования возможно формирование программы психологической поддержки и сопровождения женщин с разным опытом материнства.

Ключевые слова: беременность, гестационная доминанта, личность, нейротизм, экстраверсия.

PERSONAL TRAITS AS PREDICTORS OF THE TYPE OF PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF THE GESTATION DOMINANT IN ASSOCIATION WITH MATERNITY EXPERIENCE

Dmitriy S. Kornienko

Perm State University

Anna G. Radosteva

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Research into the psychology of pregnant women is a currently relevant area of study due to the ongoing socio-economic changes and the necessity to provide psychological support for such women. Pregnancy is a crisis period, which is manifested at the physiological and psychological levels. Numerous studies have shown that for a

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Динамика психологических характеристик женщин с различным репродуктивным статусом: межгрупповой и внутригрупповой анализ» (№ 17-16-59001).

successful pregnancy and childbirth, the following factors are required: the social environment, the availability of family support, the attitude of the woman to her condition. Anxiety is of particular importance for the physiological and psychological state of a woman among other personal characteristics. One of the central concepts that characterize the psychological aspects of pregnant women is the type of psychological component of the gestational dominant (PCGD). In this study, we analyze the basic traits of the personality (five-factor model) as predictors of PCGD. Additionally, differences in personality traits are investigated in connection with the dominant type of PCGD. The sample of the study includes women with (233) and without (203) maternity experience (pregnant with the first child). It has been found that the type of PCGD is associated primarily with neuroticism, agreeableness, and openness to experience. The less adaptive type of PCGD associates with emotional instability and negative interaction with other people. In general, the status of a woman (with or without maternity experience) does not have a significant effect on the type of PCGD. Based on the research results, it is possible to develop psychological support programs for women with different maternity experiences.

Keywords: pregnancy, gestation dominant, personality, extraversion, neuroticism.

Проблема материнства на современном этапе развития общества является одной из актуальных задач как психологии, так и смежных отраслей научного знания, что обусловлено как негативными демографическими тенденциями, как следствием социально-экономической ситуации, так и изменением семейных ценностей и стереотипов в обществе.

Психологические особенности женщин в период беременности

Период беременности является критическим с точки зрения динамики не только физиологических, но и психологических процессов, а поведение матери во время беременности и отношение к вынашиваемому ребенку имеют решающее значение и для протекания самой беременности, и для формирования и развития ребенка. В многочисленных работах беременность рассматривается как нормативный или развивающий кризис, имеющий определяющее значение для развития личности женщины и перехода к новой социальной роли [Бибринг Г.Л., 2005; Филиппова Г.Г., 2018]. Специфика положения женщины приводит к дестабилизации личности и социально-психологического окружения, а необходимость решения жизненных задач в краткие сроки усиливает стрессогенность ситуации [Петров В.С., Авакян М.М., 2001]. Психологические изменения связаны не только с глобальным изменением мировоззрения, в частности, с переосмыслением Я-концепции и жизненного пути и становлением новых отношений в системе «мать–дитя», но и с внутриличностными и ситуативными изменениями. Так, психологическими характеристиками, которые имеют значение для благоприятного протекания беременности, являются тревожность [Pluess M. et al., 2010], внешний локус контроля [Радостева А.Г., 2017], социально-психологические свойства, особенности саморегуляции [Айвазян Е.Б., Павлова А.В., 2003]. Среди

факторов, оказывающих наиболее сильное влияние на личность женщины в период беременности, по мнению ряда исследователей, является поддержка семьи [Захарова Е.И., Булушева Е.А., 2009], а также осведомленность женщины об объективной ситуации собственного здоровья и здоровья плода [Canals J. et al., 2002], которые выступают как основа для выстраивания картины будущего и как фактор профилактики дистресса. Показано, что социальные факторы, такие как несчастливый брак [Da Costa D. et al., 1999], низкий социально-экономический уровень [Galler J.D. et al., 1999], отсутствие работы и/или плохие внутрисемейные отношения [Paarlberg K.M. et al., 1999], связаны с проявлениями тревожной симптоматики, тогда как положительные отношения в паре родителей снижают тревожность женщины [Galdiolo S., Roskam I., 2017]. По мнению некоторых авторов, анализ личностных и социально-психологических факторов не позволяет полностью раскрыть картину психологических особенностей. Так, женщина в период беременности испытывает влияние не самого по себе того или иного фактора, а еще и своего отношения к нему [Кулешова К.В., 2013]. Важным фактором отношения женщины к беременности является «осмысленность жизни», который усиливает формирование оптимального типа психологического компонента гестационной доминанты [Харламова Т.М. и др., 2017].

На сегодняшний день результаты исследований свойств личности беременных женщин следующие. Имеется значительный объем данных относительно исследования тревожности женщин во время беременности и ее роли в процессе вынашивания и родов [Larsson C. et al., 2011]. Уровень тревожности матери имеет существенное значение для состояния плода и может отражаться на разных характеристиках организма ребенка, а также провоцировать преждевременное рождение [Johnston R.G., Brown A.E., 2013]. Противоречи-

вость результатов, получаемых разными исследователями, проявляется в том, что нет единства в динамике показателей тревожности. Так, одни показывают, что начиная с первого триместра тревожность повышается, а в третьем триместре и после рождения происходит ее снижение [Da Costa D. et al., 1999]; другие, наоборот, говорят о снижении тревожности во втором и о повышении в третьем триместре [Lubin B. et al., 1975].

В отношении черт личности установлено следующее. Первородящие женщины независимо от возраста различаются по «эмоциональной лабильности» [опросник ММРП], которая повышается у женщин более старшего возраста, что рассматривается как следствие позднего материнства [Жаркова О.С. и др., 2013]. В исследовании Дж. Каналс показано, что высокий уровень личностной тревожности связан с высоким уровнем нейротизма [Canals J. et al., 2002]. Личностные черты связаны и с особенностями протекания беременности и родов. Так, низкие эмоциональная стабильность и экстраверсия связаны с показаниями к экстренному кесаревому сечению и не связаны с плановым кесаревым сечением или естественными родами. Аналогичная связь обнаруживается и у матерей с негативными ожиданиями в отношении процесса рождения. Другие свойства пятифакторной модели личности [открытость опыту, доброжелательность и сознательность] не обнаруживают значимых связей с состоянием здоровья матери или плода, а также с особенностями вынашивания и рождения [Johnston R.G., Brown A.E., 2013]. Социальная ситуация, складывающаяся вокруг женщин, и опыт материнства приводят к различиям в личностных характеристиках, снижаются проявления эмоциональности и повышаются проявления открытости, самоконтроля у беременных. Вероятно, это является следствием необходимости сосредоточения на своем состоянии и концентрации на беременности [Корниенко Д.С., Радостева А.Г., 2017].

Рассматривая развитие личности женщины в зависимости от успешности решения таких психологических задач кризиса беременности, как достижения материнской идентичности, принятия аффективно-смысловых перестроек личности и изменения социальных ролей, обретения личностного самоопределения и статуса зрелой личности, Кулешова Л.В. выделяет три направления, характеризуемых моделями здорового, адаптивного и дезадаптивного развития [Кулешова Л.В., 2013, 2017]. Спецификой каждого направления является выраженность таких характеристик, как

активное отношение к жизненной ситуации, психологическое и социальное благополучие, ориентация на будущее, внутренняя перестройка ценностей, а также эмоциональное отношение женщины к своему состоянию и условиям протекания беременности. При этом дезадаптивный тип развития проявляется в прерывании беременности и связан с переживанием беременности как стрессовой ситуации.

Психологический компонент гестационной доминанты

Одной из тенденций в исследовании психологии беременных является изучение материнской доминанты [Гарданова Ж.Р. и др., 2017], которая выступает как комплексная характеристика состояния женщины и окружающей ее среды, включающая четыре аспекта: медицинский, психологический, социальный и культурологический. В таком понимании понятие гестационной доминанты является составной частью материнской доминанты.

Психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД) И.В. Добрякова [Добряков И.В., 2001, 2010] традиционно исследуется в перинатальной психологии, он представляет собой совокупность механизмов психической саморегуляции, формирующих отношение женщины к своей беременности, материнству, изменяющих её отношения с окружающими людьми, направлен на создание условий для развития будущего ребенка и обусловленной формированием материнской идентичности. Тип ПКГД имеет значение как для женщины, так и для будущего ребенка и связан с особенностями протекания беременности. Так, по исследованиям обнаруживается положительная взаимосвязь между готовностью женщины к материнству и ее возможностью выносить плод, при этом среди женщин с угрозой прерывания беременности только 40 % имеют оптимальный тип гестационной доминанты [Сидорович О.В., 2017], что подтверждает важность положительной гестационной доминанты для здоровья матери и ребенка. Тип гестационной доминанты также определяет репродуктивные мотивы и установки, при этом у женщин с гипогестогнозическим типом в наибольшей степени проявляется противоречивость мотивации и ценностей, что свидетельствует о наличии кризиса материнской ролевой идентичности [Магденко О.В., 2014].

Анализ различий женщин, отличающихся по типу психологического компонента гестационной

доминанты, показывает, что при оптимальном типе гестационной доминанты у женщины разрешен кризис идентичности, более высокие показатели самоактуализации, осмысленности и ценности материнства. При этом у женщин с другими типами гестационной доминанты проявляется акцентирование целей и смыслов жизни только на текущем периоде, ценность материнства также концентрируется в отношении актуального состояния, без выстраивания дальнейшей перспективы [Кулешова К.В., 2013].

Изучение тревожности, депрессивности и невротической симптоматики у женщин с различными типами психологического компонента гестационной доминанты показывает, что за исключением женщин с оптимальным типом представители других типов демонстрируют симптомы тревожности, депрессивности и невротизации. Обнаружено, что при большей выраженности тех или иных симптомов поведение и эмоциональное состояние изменялось, все больше усиливая проявления какого-либо типа гестационной доминанты [Добряков И.В., 2014].

Несмотря на большое число исследований в области перинатальной психологии, остается открытым вопрос о базовых личностных свойствах как факторах, определяющих поведение женщины в период беременности. Вместе с тем понимание роли базовых личностных черт позволит выявить основу для проявления более частных свойств и, таким образом, рассматривать личность женщины в совокупности большего числа характеристик, связанных с периодом беременности. В качестве практического результата появляется возможность рассматривать базовые свойства как фундаментальную основу личности и тем самым подойти к психологическому сопровождению беременных с большим основанием.

Таким образом, целью настоящего исследования стало изучение роли базовых личностных свойств пятифакторной модели как факторов психологического компонента гестационной доминанты. В качестве основного предположения рассматривается следующее: базовые свойства личности могут выступать как предикторы типа психологического компонента гестационной доминанты и определять личностные различия между представителями разных типов. Основываясь на предшествующих исследованиях [Cannals J. et al., 2002; Johnston R.G., Brown A.E., 2013], можно полагать, что наибольшую роль будут играть экстраверсия и нейротизм.

Методы

Выборка. Выборку исследования составили 436 женщин, представляющих две подгруппы: женщины, не имеющие опыта материнства (203 чел.) — беременные первым ребенком ($M = 24,8$; $SD = 4,4$); женщины с опытом материнства (233 чел.) — имеющие ребенка возрастом до 5 лет ($M = 26,2$; $SD = 4,6$). Возраст испытуемых в общей выборке от 18 до 40 лет ($M = 24,7$; $SD = 4,5$).

Методики

1. Личностные черты респондентов диагностировались с помощью методики «Пятифакторный личностный опросник» Р. МакКрэй, П. Коста (в адаптации С.Д. Бирюкова, М.В. Бодунова); показатели опросника: Экстраверсия, Нейротизм, Открытость опыту, Доброжелательность и Сознательность.

2. Опросник «Тип психологического компонента гестационной доминанты» И.В. Добрякова [Добряков И.В., 2001, 2014]. Утверждения опросника отражают пять разных типов психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД): Оптимальный, Гипогестогнозический, Эйфорический, Тревожный и Депрессивный. Данный опросник был предложен беременным женщинам (диагностика текущего состояния) и женщинам, имеющим ребенка (ретроспективная диагностика опыта беременности).

Методами статистического анализа являлись: корреляционный, регрессионный, кластерный и дисперсионный анализы.

Результаты и их обсуждение

Результаты корреляционного анализа

В результате корреляционного анализа между показателями типов психологического компонента гестационной доминанты и базовыми личностными чертами в группах беременных женщин и женщин с детьми были обнаружены следующие взаимосвязи.

В группе беременных женщин Оптимальный тип положительно связан с Экстраверсией, Доброжелательностью и Сознательностью. Гипогестогнозический, Тревожный и Депрессивный типы отрицательно связаны с Доброжелательностью; кроме того, Депрессивный тип положительно связан с Нейротизмом. Эйфорический тип обнаружил отрицательную взаимосвязь с Экстраверсией.

Таблица 1. Взаимосвязи личностных черт и показателей типов психологического компонента гестационной доминанты в группах женщин, не имеющих опыт беременности, и женщин с детьми

Женщины, не имеющие опыта беременности	Показатель	1	2	3	4	5
	Нейротизм	-,082	,099	-,083	-,031	,197**
Экстраверсия	,211**	-,062	-,170*	,022	-,036	
Открытость опыту	,081	-,016	,036	-,010	-,067	
Доброжелательность	,152*	-,148*	,086	-,143*	-,159*	
Сознательность	,149*	,111	-,027	-,079	-,106	
Женщины с детьми	Нейротизм	-,170**	,136*	-,085	,041	,213**
	Экстраверсия	,051	-,091	,072	-,061	-,018
	Открытость опыту	,147*	-,007	,045	-,193**	-,032
	Доброжелательность	,088	-,029	,092	-,206**	-,183**
	Сознательность	,084	-,039	,047	-,035	-,155*

Примечание: 1 — Оптимальный, 2 — Гипогестогнозический, 3 — Эйфорический, 4 — Тревожный, 5 — Депрессивный типы психологического компонента гестационной доминанты.

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

В группе женщин с детьми наблюдается следующая картина связей. Оптимальный тип отрицательно связан с Нейротизмом и положительно с Открытостью новому опыту. Гипогестогнозический тип положительно связан с Нейротизмом. Тревожный тип отрицательно связан с Открытостью опыту и Доброжелательностью. Депрессивный тип положительно связан с Нейротизмом и отрицательно с Доброжелательностью и Сознательностью. Эйфорический тип не обнаружил взаимосвязей.

В целом в группе беременных женщин большинство взаимосвязей у Оптимального типа, тогда как в группе женщин с детьми — у Депрессивного типа.

Взаимосвязи, совпадающие в группах, были проверены на специфичность для каждой группы [Preacher K.J., 2002], однако результат оказался незначимым, т.е. полученные связи являются характерными для генеральной совокупности, включающей обе исследуемые группы.

Результаты иерархического регрессионного анализа

Был проведен иерархический регрессионный анализ, в который в качестве зависимых переменных последовательно включались показатели типа психологического компонента гестационной доминанты, а в качестве независимых показатели — Статус [беременная или женщина, имеющая детей], Возраст, Базовые черты личности.

В результате было получено пять регрессионных моделей, объяснимость которых не превышает 7%. При этом модели для Гипогестогнозиче-

ского ($R^2 = 0,03$; $F(7427) = 1,87$; $p = 0,07$) и Эйфорического ($R^2 = 0,02$; $F(7427) = 1,32$; $p = 0,23$) типа не имеют значимости.

Как видно из табл. 2, в качестве возможных предикторов, но с низкой долей вероятности можно рассматривать следующие личностные черты: высокую Открытость опыту для Оптимального типа, низкую Открытость опыту и Доброжелательность для Тревожного типа и высокий Нейротизм и низкую Доброжелательность для Депрессивных типов.

Результаты кластерного анализа

На основании кластерного анализа (метод k-средних) были выделены пять групп женщин с преобладанием одного из типов гестационной доминанты. Оптимальный тип представлен у 100, Гипогестогнозический у 86, Эйфорический у 125, Тревожный у 61 и Депрессивный у 64 женщин.

В связи с тем что в нашей выборке присутствуют женщины с разным опытом беременности, был проведен частотный анализ. Как видно из табл. 3, распределение женщин, не имеющих опыта беременности, и женщин с детьми примерно одинаковое.

Тестирование значимости различий по количеству человек в каждой группе было проведено с помощью хи-квадрата, который оказался незначимым [хи-квадрат = 1,14 [4 436]; $p = 0,89$], что позволяет рассматривать данные, полученные на общей выборке.

Результаты сравнительного анализа личностных свойств у женщин с преобладанием типа гестационной доминанты

Для выявления различий между группами женщин с преобладанием какого-либо из типов психологического компонента гестационной доминанты был использован дисперсионный анализ ANOVA, в который в качестве группирующего

фактора включалась принадлежность к типу ПКГД, а в качестве независимых переменных рассматривались базовые свойства личности.

Так был обнаружен основной эффект типа ПКГД на Нейротизм ($F(4,431) = 2,83; p = 0,02$) и Доброжелательность ($F(4,431) = 7,66; p = 0,001$), средние и стандартные отклонения приведены в табл. 4.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа вкладов личностных черт в показатели типов психологического компонента гестационной доминанты

Показатель	Тип гестационной доминанты		
	Оптимальный $R^2 = 0,05;$ $F [7 427] = 2,98;$ $p = 0,005$	Тревожный $R^2 = 0,05;$ $F [7 427] = 2,85;$ $p = 0,006$	Депрессивный $R^2 = 0,07;$ $F [7 427] = 4,64;$ $p = 0,001$
Статус	,055	,014	-,005
Возраст	-,080	-,006	-,010
Нейротизм	-,085	-,053	,188***
Экстраверсия	,020	,015	,103
Открытость опыту	,100*	-,109*	-,035
Доброжелательность	,076	-,176***	-,127**
Сознательность	,069	-,038	-,077

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

Таблица 3. Частотное распределение женщин с различным опытом беременности по типам гестационной доминанты

Тип психологического компонента гестационной доминанты	Женщины, не имеющие опыта беременности (чел.)	Женщины, имеющие детей (чел.)	Итого (чел.)
Оптимальный	49	51	100
Гипогестогнозический	43	43	86
Эйфорический	56	69	125
Тревожный	27	34	61
Депрессивный	28	36	64
Итого:	203	233	436

Таблица 4. Средние и стандартные отклонения Нейротизма и Доброжелательности в группах женщин с разным типом психологического компонента гестационной доминанты

Показатель	N	Нейротизм		Доброжелательность	
		Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.
Оптимальный	100	22,00	7,96	31,18	5,59
Гипогестогнозический	86	24,40	7,11	28,70	6,24
Эйфорический	125	21,78	8,27	30,20	6,52
Тревожный	61	21,87	8,27	26,77	6,32
Депрессивный	64	24,69	7,22	27,12	6,24

Межгрупповые сравнения показали, что существуют различия в Нейротизме между группами с Депрессивным и Оптимальным ($p < 0,05$), Тревожным ($p < 0,05$) и Эйфорическим ($p < 0,05$) ти-

пами. Также между Гипогестогнозическим и Оптимальным ($p < 0,05$), Эйфорическим типами ($p < 0,05$).

По показателю Доброжелательности различия обнаружены между группами с Оптимальным типом и Депрессивным ($p < 0,05$), Гипогестогнозическим ($p < 0,05$), Тревожными типами ($p < 0,05$). Группа с Эйфорическим типом отличается от группы с Депрессивным ($p < 0,05$) и Тревожным типами ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Особенностью взаимосвязей оптимального типа психологического компонента гестационной доминанты является наличие положительных связей с экстраверсией, доброжелательностью и сознательностью. То есть положительное переживание беременности, готовность к новой роли, принятие физиологических и психологических изменений, которые происходят, связано с большей ориентацией на внешнюю среду, большей активностью, готовностью вступать во взаимодействие с другими людьми, ориентацией на доверие и честность в отношениях, склонность уступать, кроме того, больше выражен самоконтроль и организованность, что также согласуется с результатами других авторов [Depue R., Morrone-Strupinsky J., 2005; Vollrath M., 2001].

На выборке женщин, имеющих детей, Оптимальный тип связан с меньшей тревожностью, уравновешенностью и нестабильностью эмоций, а также с готовностью к новому, что согласуется с данными, полученными в других исследованиях [Добряков И.В., 2014].

У беременных женщин при Гипогестогнозическом типе, проявляющемся в равнодушии, игнорировании и нежелании менять стиль жизни, обнаруживается связь с отстраненным, недоброжелательным отношением или неконструктивным взаимодействием с другими. Подобные факты также были получены И.В. Добряковым относительно усиления манипулятивных стратегий поведения [Добряков И.В., 2014]. При этом женщины с детьми демонстрируют большую эмоциональную нестабильность, неуравновешенность эмоций, тревожность.

Эйфорический тип переживания беременности связан с низким стремлением к взаимодействию с другими, пассивностью в поведении и негативными эмоциями у группы беременных, что подтверждается фактами о большей выраженности депрессивных симптомов [Добряков И.В., 2014; Лохина Е.В., 2013].

Связи Тревожного и Депрессивного типов гестационной доминанты общие в обеих группах и проявляются в том, что большая выраженность

данных типов снижает конструктивные взаимодействия с другими, усиливает проявления враждебности и негативные эмоциональные переживания. Это в целом согласуется с исследованиями нейротизма, проявляющегося в усилении пессимистического настроения, ожидания угроз и низкой уверенностью в себе [Ebstrup et al., 2011]. При исследовании женщин с данными типами психологического компонента гестационной доминанты также было обнаружена эмоциональная напряженность, сопровождающаяся переоценкой имеющихся проблем, и, как следствие, усиление негативных эмоций [Добряков И.В., 2014].

В целом картина взаимосвязей позволяет утверждать, что принятие новой роли, формирование готовности к материнству как в настоящий момент, так и ретроспективно связано с проявлениями позитивного полюса личностных черт, характеризующих направленность на внешний мир, положительные эмоции и благополучное взаимодействие с другими людьми. При этом другие [более негативные] варианты типов гестационной доминанты, наоборот, связаны с личностными проявлениями, негативно отражающимися на эмоциональном состоянии и социальном взаимодействии женщины.

Результаты регрессионного анализа не поддерживают гипотезу о том, что личностные свойства могут выступить основой для типа переживания гестационной доминанты. В незначительной степени открытость новому является предиктором для Оптимального типа, однако для Тревожного и Депрессивного типов личностные черты, характеризующие закрытость и недоброжелательность в отношении с другими и негативные эмоции, могут являться предикторами.

В нашей выборке представлены все варианты переживания психологического компонента гестационной доминанты. При этом к Оптимальному типу относится только 23 % респондентов, т.е. в целом у этих женщин наблюдается картина положительных переживаний в отношении собственного состояния, изменений в жизни, связанных с беременностью и последующим рождением ребенка, а также трансформация семейной системы в сторону гармонизации отношений с мужем и близкими. Они воспринимают беременность как новый этап в жизни и уже до рождения стремятся взаимодействовать с ребенком и представляют свою будущую жизнь как благополучную. Как показывают данные одних авторов [Левченко А.В., Галкина Е.В., 2013; Магденко О.В., 2014], Оптимальный тип гестационной доминан-

ты не является наиболее частым, тогда как в других исследованиях Оптимальный тип встречается в более 60 % случаев [Добряков И.В., 2014]. Вместе с тем большинство респондентов демонстрирует различные варианты психологического компонента гестационной доминанты. Так, спектр их переживаний относительно своего положения распространяется от безразличного и отстраненного к напряжению и беспокойству. Они больше представляют трудности, которые связаны с рождением и последующим воспитанием ребенка, считают, что муж и другие люди скорее негативно относятся к ним. Рассматривая данные группы с позиции положений К.В. Кулешовой о развития личности в период беременности [Кулешова К.В., 2013], можно утверждать, что здоровое направление развития характеризует только пятую часть женщин, тогда как большинство женщин имеет адаптивное развитие личности. Отметим, что тип психологического компонента гестационной доминанты однозначно не определяет адаптивные возможности женщины. Так, исследования копинг-стратегий показывают, что женщины демонстрируют разнообразие стратегий вне зависимости от уровня тревожности и доминирующего типа психологического компонента гестационной доминанты [Дементий Л.И., Василевская Ю.Г., 2013], что приводит к меньшим осложнениям во время беременности [Ip W. et al., 2009].

Сравнительный анализ свидетельствует о том, что наибольшие различия между женщинами с разным типом гестационной доминанты наблюдаются по характеристикам эмоциональной стабильности-нестабильности и отношениям с другими людьми. Эмоционально устойчивыми являются женщины с Оптимальным, Эйфорическим и Тревожным типами. Их эмоциональное состояние скорее отличается устойчивостью, несмотря на то, что для них характерно переживание положительных (в случае Эйфорического типа) или отрицательных эмоций (в случае Тревожного типа). Наибольшую изменчивость эмоций демонстрируют женщины с Депрессивным типом. Подтверждением этих результатов являются факты о том, что нейротизм связан со стремлением рассматривать ситуацию как угрожающую и нежеланием конструктивно справиться со стрессом [Rothbart M., Hwang J., 2005; Vollrath M., 2001].

В отношении проявлений взаимодействия с другими людьми также обнаруживается наибольшая выраженность доверия, принятия других у женщин с Оптимальным и Эйфорическим типами. При этом они значимо отличаются

от женщин с Тревожным и Депрессивными типами, которые скорее рассматривают отношения с другими в негативном свете. Подобные результаты согласуются с исследованиями роли социально-психологических свойств в нормативном процессе беременности и родов. Так, было установлено, что позитивная поддержка со стороны других способствует нормативному протеканию беременности [Overgaard C. et al., 2012].

Выводы и заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют в пользу того, что личностные черты только в незначительной степени выступают основой для переживания разных типов гестационной доминанты, при этом Экстраверсия обнаруживает взаимосвязи только с Оптимальным типом ПКГД и не выступает предиктором, а нейротизм является предиктором только для Депрессивного ПКГД, хотя картина взаимосвязей шире. В противоположность нашему предположению, Открытость опыту и Доброжелательность не только демонстрируют взаимосвязи с типом психологического компонента гестационной доминанты, но и являются предикторами. Вероятно, что роль других факторов, в частности, социального окружения и установления комфортных отношений, является более значимой для формирования типа переживания психологического компонента гестационной доминанты. Кроме того, результаты анализов показывают, что в целом статус женщины в данный момент (беременная или нет), равно как и возраст, не оказывают влияния на тип гестационной доминанты.

В целом, как показывают наши результаты, именно Нейротизм и Доброжелательность являются чертами личности, в наибольшей степени связанными с типами гестационной доминанты, данные свойства являются отличными у представительниц разных типов. Несмотря на то что рассматривать их как основу для формирования того или иного типа переживания гестационной доминанты мало оснований, но, вероятно, именно они определяют психологический облик женщины, способствуя проявлению различных сторон отношений к себе в ситуации беременности, к ребенку и социальному окружению.

Результаты исследования могут рассматриваться как основа для формирования программы психологической поддержки и сопровождения беременных первым ребенком, а также для женщин, имеющих опыт материнства и желающих завести еще детей.

Список литературы

- Айвазян Е.Б. Становление внутренней материнской позиции в период беременности // Дефектология. 2008. № 2. С. 8–15.
- Айвазян Е.Б., Павлова А.В. Психологическая помощь женщине в период беременности: теоретический аспект // IV Всерос. конгресс по пренатальной и перинатальной психологии, психотерапии и перинатологии с международным участием. М., 2003. С. 76–79.
- Бибринг Г.Л. Беременность как нормальный кризис // Хрестоматия по перинатальной психологии / сост. А.Н. Васина. М.: УРАО, 2005. С. 72–75.
- Гарданова Ж.Р., Брессо Т.И., Есаулов В.И., Ильгов В.И., Аксененко А.А., Гарданов А.К. Особенности формирования материнской доминанты у молодых девушек // Наука, техника и образование. 2017. № 11(41). С. 70–74. DOI: 10.20861/2312-8267-2017-41-002.
- Дементий Л.И., Василевская Ю.Г. Особенности копинг-стратегий беременных с разным типом психологического компонента гестационной доминанты // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2013. № 1. С. 6–12.
- Добряков И.В. Клинико-психологические методы определения типа психологического компонента гестационной доминанты // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей: сб. матер. конф. СПб.: НИИ акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта, 2001. С. 39–48.
- Добряков И.В. Показатели тревоги и депрессии у беременных женщин при различных типах психологического компонента гестационной доминанты // Вестник российской военно-медицинской академии. 2014. № 1(45). С. 46–50.
- Добряков И.В. Ретроспективное определение особенностей психологического компонента гестационной доминанты // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2014. № 2. С. 71–75.
- Жаркова О.С., Уразаев А.М., Берестнева Е.В. Личностные особенности беременных женщин, ожидающих рождения первого ребёнка // Бюллетень ВСЦН СО РАМН. 2013. Вып. 3(91), ч. 1. С. 13–15.
- Захарова Е.И., Булушева Е.А. Особенности страхов беременных женщин, связанные с переживанием внутрисемейной ситуации // Перинатальная психология и психология родительства. 2009. № 3. С. 15–34.
- Захарова Е.И., Левашова А.В. Характер личностных изменений женщин в период беременности // Медико-психологические аспекты современной перинатологии: сб. матер. конф. М.: Академия, 2001. С. 109–113.
- Корниенко Д.С., Радостева А.Г. Личностные характеристики женщин с разным опытом материнства // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. С. 800–806.
- Кулешова К.В. Направления и факторы развития женской личности в период беременности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2013. 35 с.
- Левченко А.В., Галкина Е.В. Репродуктивная мотивация и эмоциональное состояние женщин во время беременности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4(129). С. 61–67.
- Лохина Е.В. Особенности психо-эмоционального состояния беременных и формирование психологического компонента гестационной доминанты в третьем триместре беременности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9058> (дата обращения: 18.07.2018).
- Магденко О.В. Репродуктивные ролевые ориентации деторождения у беременных женщин с разным типом психологического компонента гестационной доминанты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 8, № 1. С. 86–92.
- Петров В.С., Авакян М.М. Концепция перинатального образования граждан РФ // Перинатальная психология и медицина: сб. матер. конф. СПб., 2001. С. 17–22.
- Радостева А.Г. Совместное влияние семейного положения (состоящие и не состоящие в браке) женщин и опыта материнства (беременные, имеющие детей и не имеющие детей) на показатели уровня субъективного контроля // Психология семьи в современном мире: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2017. С. 255–262.
- Рыжков В.Д. Психопрофилактика и психотерапия функциональных расстройств нервной системы у беременных женщин // Медицинская помощь. 1996. № 3. С. 23–35.
- Сидорович О.В. Психологическая готовность женщины к материнству как фактор, определяющий характер формирования гестационной доминанты // Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Современные проблемы клинической психологии и психологии личности» / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 347–352.
- Творогова Н.Д., Кулешова К.В. Состояние благополучия женщины в период беременности // Медицинская психология в России. 2017. Т. 9, № 4(45). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2017_4_45/pomer05.php (дата обращения: 01.08.2018).
- Филиппова Г.Г. Развитие исследований по репродуктивной психологии на кафедре общей психологии и истории психологии Московского гумани-

тарного университета // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 1. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/681> (дата обращения: 01.08.2018). DOI: 10.17805/trudy.2018.1.6.

Харламова Т.М., Радостева А.Г., Баландина Л.Л. Взаимосвязь осмысленности жизни и отношения женщин к своей беременности (результаты корреляционного анализа) // Матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. «Новости науки 2017». М., 2017. С. 114–120.

Canals J., Esparo G., Fernandez-Ballart J. How anxiety levels during pregnancy are linked to personality dimensions and sociodemographic factors // *Personality and Individual Differences*. 2002. No. 33. P. 253–259.

Da Costa D., Larouche J., Dritsa M., Brender W. Variations in stress levels over the course of pregnancy: factors associated with elevated hassles, state anxiety and pregnancy-specific stress // *Journal of Psychosomatic Research*. 1999. No. 47. P. 609–621.

Depue R., Morrone-Strupinsky J. A neurobehavioural model of affiliative bonding: implications for conceptualising a human trait of affiliation // *Behavioural and Brain Sciences*. 2005. No. 28. P. 313–350.

Ebstrup J., Eplow L., Pisinger C., Jorgensen T. Association between the five factor personality traits and perceived stress: is the effect mediated by general self efficacy? // *Anxiety, Stress and Coping*. 2011. No. 24. P. 407–419.

Galdiolo S., Roskam I. Development of attachment orientations in response to childbirth: A longitudinal dyadic perspective // *Personality and Individual Differences*. 2017. No. 108. P. 136–143. DOI: 10.1016/j.paid.2016.12.016.

Galler J.R., Harrison R.H., Biggs M.A., Ramsey F., Forda V. Maternal moods predict breastfeeding in Barbados // *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*. 1999. No. 20. P. 80–87.

Hodnett E., Gates S., Hofmeyr J., Sakala C. Continuous support for women during childbirth // *Cochrane database of systematic reviews*. 2007. Iss. 3. URL: <https://www.cochranelibrary.com/cdsr/doi/10.1002/14651858.CD003766/full> (accessed: 18.07.2018). DOI: 10.1002/14651858.CD003766.pub2.

Ip W., Tang C., Goggins W. An educational intervention to improve women's ability to cope with childbirth // *Journal of Clinical Nursing*. 2009. No. 18. P. 2125–2135.

Johnston R.G., Brown A.E. Maternal trait personality and childbirth: The role of extraversion and neuroticism // *Midwifery*. 2013. No. 29(11). P. 1244–1250. DOI: 10.1016/j.midw.2012.08.005.

Larsson C., Saltvedt S., Edman G., Wiklund I., Andolf E. Factors independently related to a negative birth experience in first-time mothers // *Sex and Reproductive Healthcare*. 2011. No. 2(2). P. 83–89.

Lowe K. A review of factors associated with dystocia and caesarean section in nulliparous women // *Journal of Midwifery and Women's Health*. 2000. No. 52. P. 216–228.

Lubin B., Gardener S.H., Roth A. Mood and somatic symptoms during pregnancy // *Psychosomatic Medicine*. 1975. No. 37. P. 136–146.

Overgaard C., Fenger-Gron M., Sandall J. The impact of birthplace on women's birth experiences and perceptions of care // *Social Science & Medicine*. 2012. No. 74. P. 973–981.

Paarlberg K.M., Vingerhoets A.J., Passchier J., Dekker G.A., Heinen A.G., Van Geijn H.P. Psychosocial predictors of low birthweight: a prospective study // *British Journal of Obstetrics and Gynaecology*. 1999. No. 106. P. 834–841.

Pluess M., Bolten M., Pirke K.M., Hellhammer D. Maternal trait anxiety, emotional distress, and salivary cortisol in pregnancy // *Biological Psychology*. 2010. No. 83(3). P. 169–175. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2009.12.005.

Preacher K.J. Calculation for the test of the difference between two independent correlation coefficients [Computer software]. (2002). URL: <http://quantpsy.org/corrttest/corrttest.htm> (accessed: 18.07.2018).

Rothbart M., Hwang J. Temperament and self regulation // *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory and Applications* / ed. by A.J. Elliot, C.S. Dweck. N.Y.: Guilford, 2005. P. 167–184.

Vollrath M. Personality and stress // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001. No. 42. P. 335–347.

Получено 01.08.2018

References

Aivazyan, E.B. (2008). Stanovlenie vnutrennei materinskoj pozitsii v period beremennosti [Appearance of an internal maternal position during pregnancy]. *Defektologiya* [Defectology]. No. 2, pp. 8–15.

Aivazyan, E.B. and Pavlova, A.V. (2003). *Psikhologicheskaya pomosh zhenshine v period beremennosti: teoreticheskii aspekt* [Psychological help to a woman during pregnancy: the theoretical aspect]. IV Vserossiiskii kongress po prenatalnoi i perinatalnoi psikhologii, psikhoterapii i perinatologii s mezhdunarodnym uchastiem [IV Russian Congress on Prenatal and Perinatal Psychology, Psychotherapy and Perinatology with International Participation]. Moscow, pp. 76–79.

Bibring, G.L. (2005). *Beremennost kak normalnyi krizis* [Pregnancy as a normal crisis]. *Khrestomatiya po perinatalnoi psikhologii* [Chrestomathy of Perinatal Psychology]. Moscow: URAE Publ., pp. 72–75.

Canals, J., Esparo, G. and Fernandez-Ballart, J. (2002). How anxiety levels during pregnancy are linked to per-

sonality dimensions and sociodemographic factors. *Personality and Individual Differences*. No. 33, pp. 253–259.

Da Costa, D. et al. (1999). Variations in stress levels over the course of pregnancy: factors associated with elevated hassles, state anxiety and pregnancy-specific stress. *Journal of Psychosomatic Research*. No. 47, pp. 609–621.

Dementii, L.I. and Vasilevskaya, Yu.G. (2013). *Osobennosti koping-strategii beremennykh s raznym tipom psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty* [Features Of Coping Pregnant Womens With Different Types Of Psychological Components Of Gestational Dominants]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Omsk University Journal. Series: Psychology]. No. 1, pp. 6–12.

Dobryakov, I.V. (2001). *Kliniko-psikhologicheskie metody opredeleniya tipa psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty* [Clinical and psychological methods for determining the type of psychological component of the gestational dominant]. *Perinatalnaya psikhologiya i nervno-psikhicheskoe razvitie detei* [Perinatal psychology and neuropsychological development of children]. Saint Petersburg, pp. 39–48.

Dobryakov, I.V. (2014). *Pokazateli trevogi i depressii u beremennykh zhenshin pri razlichnykh tipakh psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty* [Anxiety and depression in relation to psychological component of gestational dominant]. *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii* [Vestnik of Russian military medical Academy]. No. 1(45), pp. 46–50.

Dobryakov, I.V. (2014). *Retrospektivnoe opredelenie osobennosti psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty* [Retrospective definition of features of the psychological component of the gestational dominant]. *Voprosy psikhicheskogo zdorovya detei i podrostkov* [Mental Health of Children and Adolescent]. No. 2, pp. 71–75.

Depue, R. and Morrone-Strupinsky, J. (2005). A neurobehavioural model of affiliative bonding: implications for conceptualising a human trait of affiliation. *Behavioural and Brain Sciences*. No. 28, pp. 313–350.

Ebstrup, J. et al. (2011). Association between the five factor personality traits and perceived stress: is the effect mediated by general self efficacy? *Anxiety, Stress and Coping*. No. 24, pp. 407–419.

Filippova, G.G. (2018). *Razvitie issledovaniy po reproductivnoi psikhologii na kafedre obshei psikhologii i istorii psikhologii Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Development of research on reproductive psychology at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Moscow Humanitarian University]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Works of the Moscow Humanitarian University]. No. 1. Available at: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/681> (accessed: 01.08.2018). DOI: 10.17805/trudy.2018.1.6.

Galdiolo, S., Roskam, I. (2017). Development of attachment orientations in response to childbirth: A longitudinal dyadic perspective. *Personality and Individual Differences*. No. 108, pp. 136–143. DOI: 10.1016/j.paid.2016.12.016.

Galler, J.R. et al. (1999). Maternal moods predict breastfeeding in Barbados. *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*. No. 20, pp. 80–87.

Gardanova, Zh.R. et al. (2017). *Osobennosti formirovaniya materinskoj dominanty u molodykh devushek* [Features Of The Formation Of The Maternal Dominant At Teenagers]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie* [Science, Technology and Education]. No. 11(41), pp. 70–74. DOI: 10.20861/2312-8267-2017-41-002.

Hodnett, E. et al. (2007). Continuous support for women during childbirth. *Cochrane database of systematic reviews*. Iss. 3. Available at: <https://www.cochranelibrary.com/cdsr/doi/10.1002/14651858.CD003766/full> (accessed 18.07.2018). DOI: 10.1002/14651858.CD003766.pub2.

Ip, W., Tang, C., Goggins, W. (2009). An educational intervention to improve women's ability to cope with childbirth. *Journal of Clinical Nursing*. No. 18, pp. 2125–2135.

Johnston, R.G. and Brown, A.E. (2013). Maternal trait personality and childbirth: The role of extraversion and neuroticism. *Midwifery*. No. 29(11), pp. 1244–1250. DOI: 10.1016/j.midw.2012.08.005.

Kharlamova, T.M., Radosteva, A.G. and Balandina, L.L. (2017). *Vzaimosvyaz osmyslennosti zhizni i otnosheniya zhenshin k svoei beremennosti (rezultaty korrelyatsionnogo analiza)* [The relationship between the meaningfulness of life and the relationship of women to their pregnancy (the results of the correlation analysis)]. *Mater. XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Novosti nauki 2017»* [Materials of the XII International Scientific and Practical Conference «Science News 2017»]. Moscow, pp. 114–120.

Kornienko, D.S. and Radosteva, A.G. (2017). *Lichnostnye kharakteristiki zhenshin s raznym opytom materinstva* [Personal characteristics of women with different experience of motherhood]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and practical research of modern psychology: results and prospects of development]. Moscow: Institute of Psychology of RAS, pp. 800–806.

Kuleshova, K.V. (2013). *Napravleniya i faktory razvitiya zhenskoi lichnosti v period beremennosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk.* [Directions and factors of development of female personality during pregnancy: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 35 p.

Levchenko, A.V. and Galkina, E.V. (2013). *Reproductivnaya motivatsiya i emotsionalnoe sostoyanie zhenshin vo vremya beremennosti* [Reproductive motivation and emotional state of women during pregnancy].

Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya [Bulletin of Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology]. No. 4(129), pp. 61–67.

Larsson, C et al. (2011). Factors independently related to a negative birth experience in first-time mothers. *Sex and Reproductive Healthcare*. No. 2(2), pp. 83–89.

Lokhina, E.V. (2013). *Osobennosti psikhoehmotsionalnogo sostoyaniya beremennykh i formirovaniye psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty v tret'em trimestre beremennosti* [Features of the psycho-emotional state of pregnant women and the formation of a psychological component of the gestational dominant in the third trimester of pregnancy]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 2. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9058> (accessed 18.07.2018).

Lowe, K. (2000). A review of factors associated with dystocia and caesarean section in nulliparous women. *Journal of Midwifery and Women's Health*. No. 52, pp. 216–228.

Lubin, B., Gardener, S.H. and Roth, A. (1975). Mood and somatic symptoms during pregnancy. *Psychosomatic Medicine*. No. 37, pp. 136–146.

Magdenko, O.V. (2014). Reproktivnye rolevye orientatsii detorozhdeniya u beremennykh zhenshin s razlichnym tipom psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoi dominanty [Reproductive role orientations of childbearing in pregnant women with different types of psychological component of the gestational dominant]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik NSU. Series: Psychology]. Vol. 8, no. 1, pp. 86–92.

Overgaard, C., Fenger-Gron, M. and Sandall, J. (2012). The impact of birthplace on women's birth experiences and perceptions of care. *Social Science & Medicine*. No. 74, pp. 973–981.

Paarlberg, K.M. et al. (1999). Psychosocial predictors of low birthweight: a prospective study. *British Journal of Obstetrics and Gynaecology*. No. 106, pp. 834–841.

Petrov, B.C. and Avakyan, M.M. (2001). *Kontseptsiya perinatalnogo obrazovaniya grazhdan RF* [The Concept of Perinatal Education of Russian Citizens]. *Perinatalnaya psikhologiya i meditsina* [Perinatal Psychology and Medicine]. Saint Petersburg, pp. 17–22.

Pluess, M. et al. (2010). Maternal trait anxiety, emotional distress, and salivary cortisol in pregnancy. *Biological Psychology*. No. 83(3), pp. 169–175. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2009.12.005.

Preacher, K.J. (2002). *Calculation for the test of the difference between two independent correlation coefficients* [Computer software]. Available at: <http://quantpsy.org/corrtest/corrtest.htm> (accessed 18.07.2018).

Radosteva, A.G. (2017). *Sovmestnoe vliyanie seimeinogo polozheniya (sostoyashhie i ne sostoyashhie v brake) zhenshin i opyta materinstva (beremnyye, imeyushhie detei i ne imeyushie detei) na pokazateli urovnya subektivnogo kontrolya* [Mutual influence of the marital status (married and not married) of women and the experience of motherhood (pregnant women, having children and not having children) on indicators of the level of subjective control]. *Psikhologiya semi v sovremennom mire* [Psychology of the family in the modern world]. Ekaterinburg. pp. 255–262.

Rothbart, M. and Hwang, J. (2005). Temperament and self regulation. *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory and Applications*. New York: Guilford, pp. 167–184.

Ryzhkov, V.D. (1996). *Psikhoprofilaktika i psikhoterapiya funktsionalnykh rasstroystv nervnoi sistemy u beremennykh zhenshin* [Psychoprophylaxis and psychotherapy of the nervous system functional disorders of pregnant women]. *Meditsinskaya pomoshch* [Medical aid]. No. 3, pp. 23–35.

Sidorovich, O.V. (2017). *Psikhologicheskaya gotovnost zhenshhiny k materinstvu kak faktor, opredelyayushii kharakter formirovaniya gestatsionnoi dominanty* [Psychological readiness of a woman for motherhood as a factor determining the character of the formation of the gestational dominant]. *Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. «Sovremennye problemy klinicheskoi psikhologii i psikhologii lichnosti»* [Materials of the Russian scientific and practical conference with international participation «Modern problems of clinical psychology and personality psychology»]. Novosibirsk: CPI NSU Publ., pp. 347–352.

Tvorogova, N.D. and Kuleshova, K.V. (2017). *Sostoyanie blagopoluchiya zhenshhiny v period beremennosti* [The state of women's well-being during pregnancy]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia]. Vol. 9, no. 4(45). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2017_4_45/nomer05.php (accessed 01.08.2018).

Vollrath, M. (2001). Personality and stress. *Scandinavian Journal of Psychology*. No. 42, pp. 335–347.

Zakharova, E.I. and Bulusheva, E.A. (2009). *Osobennosti strakhov beremennykh zhenshin, svyazannye s perezivaniem vnutrisemeinoy situatsii* [Features of fears of pregnant women associated with experiencing an intrafamily situation]. *Perinatalnaya psikhologiya i psikhologiya roditelstva* [Perinatal psychology and parenting psychology]. No. 3, pp. 15–34.

Zakharova, E.I. and Levashova, A.B. (2001). *Kharakter lichnostnykh izmenenii zhenshin v period beremennosti* [The nature of personal changes of women during pregnancy]. *Mediko-psikhologicheskie aspekty sovremennoi perinatologii* [Medico-psychological aspects of modern perinatology]. Moscow: Akademiya Publ., pp. 109–113.

Zharkova, O.S. Urazaev, A.M. and Berestneva, E.V. (2013). *Lichnostnye osobennosti beremennykh zhenshin, ozhidayushikh rozhdeniya pervogo rebyonka* [Personal features of pregnant women waiting for the birth of the first child]. *Vyulleten VSTSN SO RAMN*

[Bulletin of the All-Union Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences]. No. 3(91), pt. 1, pp. 13–15.

Received 01.08.2018

Об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dscorney@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6597-264X

Радостева Анна Геннадьевна

ассистент кафедры психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: batagen@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6245-1064

About the authors

Dmitriy S. Kornienko

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dscorney@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6597-264X

Anna G. Radosteva

assistant of the Department of Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: batagen@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6245-1064

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корниенко Д.С., Радостева А.Г. Личностные черты как предикторы типа психологической компоненты гестационной доминанты в связи с опытом материнства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 393–405. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-393-405

For citation:

Kornienko D.S., Radosteva A.G. Personal traits as predictors of the type of psychological component of the gestation dominant in association with maternity experience // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 393–405. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-393-405

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-406-419

НРАВСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СИСТЕМА

Ряжкин Александр Олегович

Челябинский государственный университет

В статье рассматривается проблема нравственной активности личности как высшей формы социальной активности с позиций системно-субъектного подхода. В контексте данного подхода нравственная активность рассматривается как система, представленная в континууме субъект-личность. Выделены компоненты нравственной активности на уровне личности и на уровне субъекта. На уровне личности нравственная активность представлена ценностно-смысловой сферой, определяющей направление активности личности. Субъектная составляющая нравственной активности заключается в способности контролировать свое поведение. Для рассмотрения данной способности был рассмотрен конструкт «контроль поведения», содержащий в себе три уровня контроля: эмоциональный, волевой и когнитивный. Для обоснования данного подхода было проведено эмпирическое исследование, цель которого заключалась в нахождении наиболее существенных взаимосвязей между компонентами нравственной активности. Исследование проводилось среди студентов Челябинского государственного университета. Для анализа ценностно-смысловой сферы были использованы методики «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева и «Ценностный опросник» Ш. Шварца. Для изучения субъектного компонента нравственной активности использованы методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (изучение когнитивного уровня контроля), «Контроль за действием» Ю. Куля (изучение волевого уровня контроля) и «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (изучения эмоционального уровня контроля поведения). Полученные результаты позволяют говорить о существовании нравственной активности как системного образования, представленного как на уровне личности, так и на уровне субъекта. Кроме того, найденные взаимосвязи обосновывают теоретические положения, применяемые к понятию «нравственная активность».

Ключевые слова: нравственность, нравственная активность, социальная активность, система, субъект, личность, системно-субъектный подход, эмоциональный контроль, волевой контроль, когнитивный контроль.

MORAL ACTIVITY OF A PERSON AS A SYSTEM

Alexandr O. Ryazhkin

Chelyabinsk State University

This article focuses on the problem of moral activity of a person, as a highest form of social activity, in terms of the system-subject approach. This approach considers moral activity as a dynamic system represented in the subject-personality continuum. The author distinguishes components of moral activity represented in both spheres: in the sphere of personality and in the subject sphere. As part of a personality, moral activity acts as a value-semantic sphere, which determines the direction of personal activity. In the subject sphere, moral activity is manifested through its main function: regulation of behavior. To investigate the behavior regulation function, the author used the mental construct «control of behavior», which allows one to investigate activity regulation on three levels: emotions, will and cognition. To substantiate this approach, the author conducted an empirical correlation research. The purpose of this research was to find the most significant relations between the components of moral activity. Students of Chelyabinsk State University were the sample group. The author used the following methods for studying the value-semantic sphere: «Life-meaning Sense of Orientation» by D. Leontiev and «Value Questionnaire» by Sh. Shvarts. Several different methods were used to study the subject sphere of moral activity: «Behavior Self-regulation Style» by V. Morosanova, «Control Over the Action» by Yu. Kul and «Methods of Coping Behavior» by R. Lazarus. These methods were applied for the investigation of cognitive, will and emotional levels of behavior control, respectively. The research results allow us to

suppose the existence of a moral activity dynamic system, represented in the personal and subject spheres, and to identify certain features of the investigated phenomenon. Moreover, the received results support theoretical foundations applied to the term «moral activity».

Keywords: morality, moral activity, social activity, system, subject, personality, system-subject approach, emotional control, control of will, cognitive control.

Введение

В современной психологии одним из актуальных направлений является изучение активности человека в обществе, его взаимодействия с окружающим социумом. По словам авторов [Антилогова Л.Н., 2016; Бодлевский М.И., 1976; Лапина Т.С., 1979], одной из основных форм социальной активности является нравственная активность, основанная на нравственных нормах и правилах. Наличие данных правил имеет важнейшее значение для жизни общества, поэтому нравственная активность является чрезвычайно актуальной проблемой для изучения.

Теоретический анализ проблемы

Проблема нравственной активности получила освещение как в отечественной [Антилогова Л.Н., 2016; Боровский М.Н., 1974; Зайцева И.А., 2008; Зотов Н.Д., 1984], так и в зарубежной науке [Кант И., 1965; Kohlberg L., 1984]. В понимании нравственной активности различными авторами можно выделить общее. Большое место отводится понятию активности, которая может быть выражена в деятельном отношении к миру [Антилогова Л.Н., 2003], в специфической активности сознания и воли [Зотов Н.Д., 1984] и т.д. Также нравственная активность основана на принятии личностью определенных норм морали и нравственности, которые предъявляет общество: «Чем больше степень осознания молодым человеком единства общественных и личных интересов... тем большая степень моральной активности будет проявлена в его поведении» [Боровский М.Н., 1974, с. 62]. О принятии нравственных норм говорит и Л.Колберг в своей теории нравственного развития [Kohlberg L., 1984]. Сама же нравственная активность направлена на реализацию данных норм в какой-либо деятельности. Как замечает Н.Д. Зотов, нравственная активность всегда направлена на практическое осуществление моральных требований, исходящих от общества [Зотов Н.Д., 1984]. Принятие данных моральных норм заключается, по словам Л.Н. Антилоговой, в закреплении их в ценностных ориентациях личности [Антилогова Л.Н., 2016].

В нашем исследовании мы планируем рассмотреть данную проблему с позиций системно-субъектного подхода [Сергиенко Е.А., 2011], представив нравственную активность как систему взаимосвязанных компонентов.

Понятие «система» в психологии рассматривается как сложный объект — совокупность качественно различных достаточно устойчивых элементов, взаимно связанных сложными и динамическими отношениями. Система как целое не сводится к «сумме своих частей», но проявляет системные свойства, коими не обладает ни одна из составных частей системы. Она подчиняется особым законам, не сводимым и не выводимым из законов функционирования отдельных элементов или частных связей между ними [Головин С.Ю., 1998]. В современной психологии растет интерес к комплексным системным проблемам, которые побуждают ученых рассматривать анализируемые психические феномены не только с позиции исследования отдельных их сторон, признаков, характеристик. Комплексные проблемы необходимо изучать как нечто единое, феноменологическое целое [Знаков В.В., 2005]. Именно таким феноменом является нравственная активность, под которой мы понимаем сложное системное образование, определяющее деятельное нравственное отношение человека к другим людям, к миру, в котором субъект выступает как активный носитель и «проводник» нравственных ценностей, способный к устойчивому нравственному поведению и самосовершенствованию [Антилогова Л.Н., 2003]. Феномен нравственной активности рассматривается нами с позиции системно-субъектного подхода, где системообразующими элементами являются личность и субъект. При этом личность выступает в качестве носителя содержания внутреннего мира человека, а субъект — как реализация данного мира в жизненных условиях. В этом случае человек будет проявлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект–личность [Сергиенко Е.А., 2011]. В категории «субъект», выделяется конструкт «контроль поведения», понимаемый как психологический уровень регуляции поведения, основанный на внутренних индивидуальных ресурсах, интегрируемых субъектом

для обеспечения целенаправленного поведения. Разрабатывая данный конструкт, автор представляет контроль поведения как систему, включающую три подсистемы регуляции: когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и волевой контроль [Сергиенко Е.А. и др., 2010].

Таким образом, мы рассматриваем нравственную активность как систему в континууме субъект-личность, где личность является носителем ценностно-смысловой сферы внутреннего мира человека, задающим направление его активности. В то же время категория «субъект» отвечает за реализацию ценностных и смысло-жизненных ориентаций. Данная реализация возможна только при наличии у субъекта способности контролировать свое поведение. В результате этого в качестве субъектной составляющей нравственной активности мы рассматриваем конструкт «контроль поведения» [Сергиенко Е.А. и др., 2010]. Такой подход к исследованию проблемы нравственной активности позволяет рассмотреть данный феномен как систему взаимосвязанных компонентов.

Эмпирическое исследование проблемы

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении нравственной активности как системы с позиций системно-субъектного подхода, а также нахождении наиболее существенных взаимосвязей между ее компонентами. В соответствии с целью были выдвинуты следующие гипотезы:

Теоретическая гипотеза. Феномен нравственной активности представляет собой системное образование, включающее в себя два взаимосвязанных компонента — личность и субъект.

Эмпирические гипотезы.

1. Существуют внутренние взаимосвязи между отдельными личностными показателями нравственной активности — ценностными и смысло-жизненными ориентациями.

2. Существуют внутренние взаимосвязи между отдельными субъектными показателями нравственной активности — показателями волевого, эмоционального и когнитивного контроля

3. Между отдельными личностными и субъектными показателями нравственной активности существуют корреляционные связи.

Задачи исследования:

1. Теоретически обосновать феномен нравственной активности с позиции системно-субъектного подхода, рассмотрев его структуру через континуум «субъект–личность».

2. Проанализировать компоненты личностной составляющей нравственной активности и выявить значимые связи между ними.

3. Изучить компоненты субъектной составляющей нравственной активности и выявить значимые связи между ними.

4. Исследовать наличие корреляционных связей и отношений между личностными и субъектными компонентами нравственной активности.

В исследовании приняли участие студенты III и IV курсов Челябинского государственного университета в возрасте от 19 до 21 года, из них 17 юношей и 62 девушки. Студенты, представленные в выборке, обучаются на факультете психологии и педагогики и в институте права. Все испытуемые относятся к одному периоду возрастного развития и одному этапу профессионального развития. В возрастной периодизации испытуемые, представленные в выборке, относятся к периоду «юность», который характеризуется началом реализации целей, поставленных в предыдущих периодах, выбором жизненного пути и началом взрослой жизни [Кулагина И.Ю., Коллюцкий В.Н., 2001]. Что касается профессионального развития, то испытуемые проходят фазу адепта, т.е. фазу освоения выбранной профессии [Климов Е.А., 1996]. Методология исследования основана на системно-субъектном подходе, рассматривающем континуум субъект–личность как единую систему. Используемые методы состояли из тестовых опросников и методов математической статистики (корреляционный критерий Спирмана). При подборе конкретных методик необходимо было решить вопрос об операционализации изучаемых понятий. Так как в личностной сфере нравственная активность проявляется через категорию ценностно-смысловой сферы, то логично рассмотреть ее компоненты. Для этого нами были использованы следующие методики: «Ценностный опросник» Ш. Шварца для изучения ценностной сферы личности, методика «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева для рассмотрения смысловой сферы личности. В сфере субъекта нравственная активность реализуется через ментальный конструкт «контроль поведения», рассматриваемый как единая система, основанная на ресурсах индивидуальности и включающая три подсистемы регуляции: эмоциональную, когнитивную и волевою [Сергиенко Е.А. и др., 2010]. Для изучения когнитивного компонента контроля поведения нами была использована методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, так как концепция индивиду-

ального стиля саморегуляции, разрабатываемая В.И. Моросановой, строится на механизмах, отвечающих за планирование и программирование действий, моделирование значимых условий достижения цели и оценку результатов деятельности. По словам Е.А. Сергиенко, данные механизмы когнитивны по своей природе: «Методика диагностики стиля саморегуляции наиболее точно описывают такую составляющую контроля поведения, как когнитивный контроль» [Сергиенко Е.А. и др., 2010, с. 106]. На основании этого нами была выбрана данная методика.

Волевой компонент контроля поведения изучался с помощью методики «Контроль за действием» Ю. Куля. Концепция волевого регулирования, предложенная Ю. Кулем, и методика «Контроль за действием», созданная на ее основе, подробно описывают и объясняют принципы функционирования составляющих системы волевой регуляции, а также дают возможность дифференцированной оценки контроля субъекта за действием при планировании, реализации и при возникновении неудач, поэтому используется в исследованиях Е.А. Сергиенко [Сергиенко Е.А. и др., 2010]. Нами также была выбрана эта методика, т.к. она отвечает требованиям исследования.

Изучение эмоционального компонента контроля поведения проводилось при помощи методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Данная методика изучает, какими стратегиями совладающего поведения пользуется человек в стрессовых ситуациях при возникновении жизненных трудностей. Методика разработана автором в рамках транзактной модели стресса [Lazarus R., Folkman S., 1984]. Стресс в психологии определяется как субъективная реакция, и в этом значении он отражает внутреннее психическое состояние напряжения и возбуждения, т.е. интерпретируется как эмоции человека [Бодров В.А., 2006]. В данном случае совладающее поведение рассматривается как регуляция эмоциональных состояний, т.е. может изучаться как эмоциональный компонент контроля поведения. Применение данной методики также наиболее уместно для нас, так как в учебной деятельности студентов возникает множество стрессовых ситуаций. Поэтому стратегии совладающего поведения применяются достаточно часто.

Обсуждение результатов

Вначале нами были рассмотрены корреляционные связи между компонентами, относящимися к субъектной составляющей нравственной активно-

сти. Результаты представлены в виде коррелограммы (рис. 1).

На основе данной коррелограммы можно заключить следующее: наибольшее количество статистически значимых корреляционных связей с другими переменными у компонентов: положительная переоценка, бегство-избегание и принятие ответственности. Эти переменные входят в структуру эмоционального контроля субъекта.

Принятие ответственности создает отрицательную корреляцию с такими компонентами волевого контроля, как «контроль при планировании» ($r = -0.336$, $p = 0.003$) и «контроль при реализации» ($r = -0.34$, $p = 0.002$), что представляется вполне обоснованным, так как чем меньше субъект уделяет внимания контролю при планировании какого-то действия и при его реализации, тем больше возможностей совершения ошибки и признания субъектом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение. Также «принятие ответственности» взаимосвязано с переменной «бегство-избегание» ($r = 0.508$, $p = 0.000$). Возможно, это связано с тем, что выраженность стратегии принятия ответственности может приводить к неоправданной самокритике, переживанию чувства вины и хронической неудовлетворенности собой. В то же время стратегия «бегство-избегание», которая характеризуется преодолением личностью негативных переживаний в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения, помогает снизить уровень негативных эмоций, связанных с возникновением трудностей. В данной ситуации логичной также выглядит взаимосвязь стратегии «принятия ответственности» с «положительной переоценкой» ($r = 0.265$, $p = 0.019$), где переоценка также выступает как преодоление негативных переживаний. Принятие ответственности также имеет взаимосвязь с переменной «самоконтроль» ($r = 0.241$, $p = 0.034$), так как обе стратегии поведения направлены на самого субъекта, на изменение его эмоционального состояния. Однако при возникновении больших трудностей возможно применение другой стратегии — «поиск социальной поддержки», взаимосвязь с которой также присутствует у переменной «принятие ответственности» ($r = 0.282$, $p = 0.012$).

($r = -0.483$, $p = 0.000$), связанные с тем, что при использовании стратегии «бегство-избегание» происходит отрицание, отвлечение от ситуации, соответственно возникает уменьшение волевого контроля, к которому и относятся две названные переменные. Также существует четкая взаимосвязь между переменными «бегство-избегание» и «дистанцирование» ($r = 0.399$, $p = 0.000$), что вполне закономерно, так как обе стратегии поведения направлены на отвлечение от ситуации. Интересны корреляции переменной «бегство-избегание» с переменными «конфронтационный копинг» ($r = 0.294$, $p = 0.009$) и «положительная переоценка» ($r = 0.297$, $p = 0.008$). Данные связи находятся на одном уровне и, на наш взгляд, объ-

ясняются тем, что стратегия избегания ситуации проявляется либо в связи с конфликтностью, конфронтационной направленностью данной ситуации, либо, наоборот, для того, чтобы на время уклониться от нее для последующего взгляда на ситуацию под новым положительным углом.

Таким образом, компоненты субъектной составляющей нравственной активности имеют множество системных связей, в подавляющем большинстве случаев совместно активизируются и представляют собой четкую систему.

Далее мы исследовали корреляционные связи в личностной сфере нравственной активности. Результаты в виде коррелограммы представлены на рис. 2.

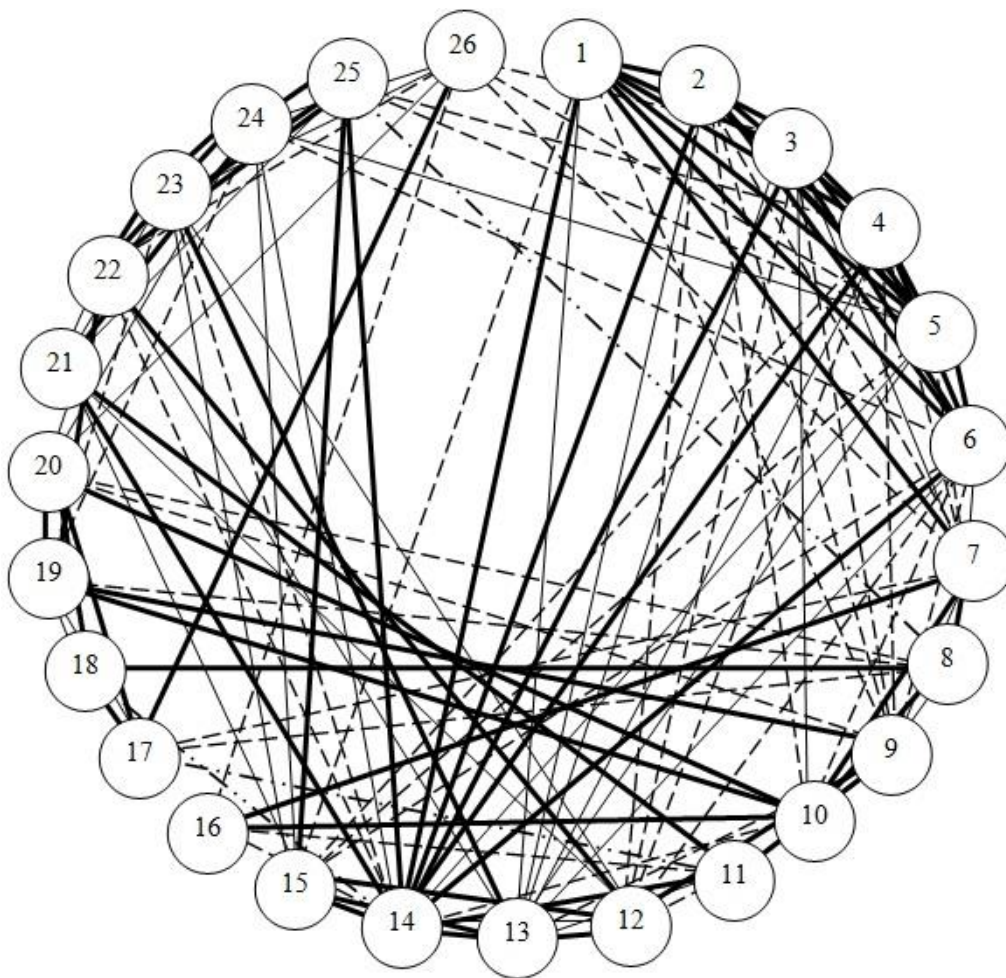

Рис. 2. Коррелограмма компонентов личностной сферы нравственной активности.

Цифрами представлены следующие компоненты:

1 — смысложизненные ориентации на цели жизни; **2** — смысложизненные ориентации на процесс жизни; **3** — смысложизненные ориентации на результативность жизни; **4** — локус контроля — Я; **5** — локус контроля — жизнь; **6** — общий уровень осмысленности жизни; **7** — ценность «конформность» (уровень 1); **8** — ценность «традиции» (уровень 1); **9** — ценность «доброта» (уровень 1); **10** — ценность «универсализм» (уровень 1); **11** — ценность «самостоятельность» (уровень 1); **12** — ценность «стимуляция» (уровень 1); **13** — ценность «гедонизм» (уровень 1); **14** — ценность «достижения» (уровень 1); **15** — ценность «власть» (уровень 1);

($r = 0,249$, $p = 0,03$) на уровне 2 (индивидуальные приоритеты, наиболее часто проявляющиеся в социальном поведении личности). Определяющая цель этой ценности состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, а также в исследовательской активности. То есть на уровне поведения субъект ищет способ выбора активности в зависимости от осознаваемой ценности. Таким образом, можно сказать, что компонент нравственной активности, выраженный в смысловой ориентации на результат, является одним из ведущих составляющих изучаемой категории, когда мы говорим о личностных характеристиках.

В ценностной сфере по количеству статистически достоверных связей преобладает ценность «достижения», проявляющаяся на уровне убеждений. В первую очередь, данная ценность значимо коррелирует со всеми компонентами смысловой сферы, что подтверждает высокую взаимосвязь между смысловой сферой личности и целями, которые закладываются в ее активность. По словам Б.С. Братуся, одна из функций смысловых образований — это создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации. Автор пишет, что смысловые образования являются основой возможного будущего, которое опосредует настоящее, сегодняшнюю деятельность человека [Братусь Б.С., 1988]. Именно в данной перспективе развития, на наш взгляд, и заложены те достижения, которых человек хочет достигнуть на своем жизненном пути.

Также на уровне убеждений: у ценности «достижения» присутствуют связи с ценностями доброта ($r = 0,266$, $p = 0,019$), универсализм ($r = 0,293$, $p = 0,009$), самостоятельность ($r = 0,585$, $p = 0,000$), стимуляция ($r = 0,455$, $p = 0,000$), гедонизм ($r = 0,534$, $p = 0,000$), власть ($r = 0,533$, $p = 0,000$) и безопасность ($r = 0,227$, $p = 0,046$). Данные связи можно объяснить различной направленностью выборки на то, что данная группа считает достижениями. Будь то социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами, как в случае с ценностью «власть», либо сохранение благополучия близких людей, если мы говорим про ценность «доброта». В любом случае можно говорить об успехе в проявлении той или иной компетенции в соответствии с социальными стандартами, чем и определяется ценность «достижения». Что же касается уровня поведения, то здесь стоит сказать о взаимосвязи с достижениями на уровне поведения ($r = 0,315$, $p = 0,006$), что свидетельствует о неразрывности

поведенческого компонента и убеждений личности при достижении значимых для личности целей. Также прослеживается взаимосвязь с ценностью самостоятельность ($r = 0,437$, $p = 0,000$), которая, возможно, в данном случае выступает как самостоятельность мышления и выбора способов действия в творчестве и исследовательской активности для достижения значимых результатов. С этим согласуется и корреляция с ценностью «стимуляция» ($r = 0,255$, $p = 0,026$) как стремление к новым ощущениям при достижении результата, а также ценность «власть» ($r = 0,355$, $p = 0,003$) как достижение социального статуса или престижа, доминирования над людьми. Способы поведения, заключенные в данных ценностях, в современном обществе принято считать наиболее подходящими для личных достижений.

Таким образом, можно говорить о проявлении в ценностной сфере двух противоположных направленностей личности, нашедших свое отображение в представленной выборке. Первая из них эгоцентрическая, она направлена на удовлетворение своих собственных потребностей во власти, в наслаждениях от жизни и т.д. Это проявляется в четких взаимосвязях между ценностью «власть» на уровне убеждений и ценностями «стимуляция» ($r = 0,43$, $p = 0,000$) и «гедонизм» ($r = 0,387$, $p = 0,000$) на уровне убеждений, а также с ценностями «самостоятельность» ($r = 0,390$, $p = 0,000$), «достижения» ($r = 0,353$, $p = 0,002$), «власть» ($r = 0,565$, $p = 0,000$) на уровне поведения. Также ценность «гедонизм» (уровень убеждений) взаимосвязана с самостоятельностью (уровень убеждений) ($r = 0,352$, $p = 0,002$) и стимуляцией (уровень убеждений) ($r = 0,47$, $p = 0,000$), а также с уровнем поведения, связанным с ценностью «гедонизм» (уровень поведения) ($r = 0,405$, $p = 0,000$).

В то же время ценности, направленные на создание благополучной среды для социума, идущие от личности, организуют свою систему корреляционных связей. Так, ценность «универсализм» (уровень убеждений) коррелирует с ценностями на уровне убеждений: «конформность» ($r = 0,394$, $p = 0,000$), «традиции» ($r = 0,425$, $p = 0,000$), «доброта» ($r = 0,467$, $p = 0,000$), а также с ценностями «доброта» ($r = 0,343$, $p = 0,002$) и «универсализм» ($r = 0,509$, $p = 0,000$) на уровне поведения. Ценность «доброта» (уровень убеждений) связана на первом уровне с ценностями «конформность» ($r = 0,399$, $p = 0,000$), «традиции» ($r = 0,391$, $p = 0,000$), а также на уровне поведения с универсализмом ($r = 0,289$, $p = 0,011$) и добротой ($r = 0,512$, $p = 0,000$). Нужно сказать, что цен-

ность «конформность» здесь проявляется как сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить другим [Карандашев В.Н., 2004]. При таком разделении ценностей можно провести параллель с теорией морального развития Л. Колберга [Kohlberg L., 1984], где ценности выделенной нами первой группы соответствуют до-конвенциональному уровню развития. Вторая совокупность ценностей присуща конвенциональному и постконвенциональному уровню развития. Подводя итог, можно сказать о наличии множества корреляций внутри ценностно-смысловой сферы, которая в нашем исследовании служит

личностной основой нравственной активности. Именно данная совокупность взаимосвязей между отдельными характеристиками задает общее направления развития личности и образует систему нравственности, проявляющуюся в активности субъекта. Далее для построения полной картины рассматриваемой нами системы мы провели корреляционный анализ между компонентами личностной и субъектной сфер нравственной активности. Полученные результаты представлены на рис. 3.

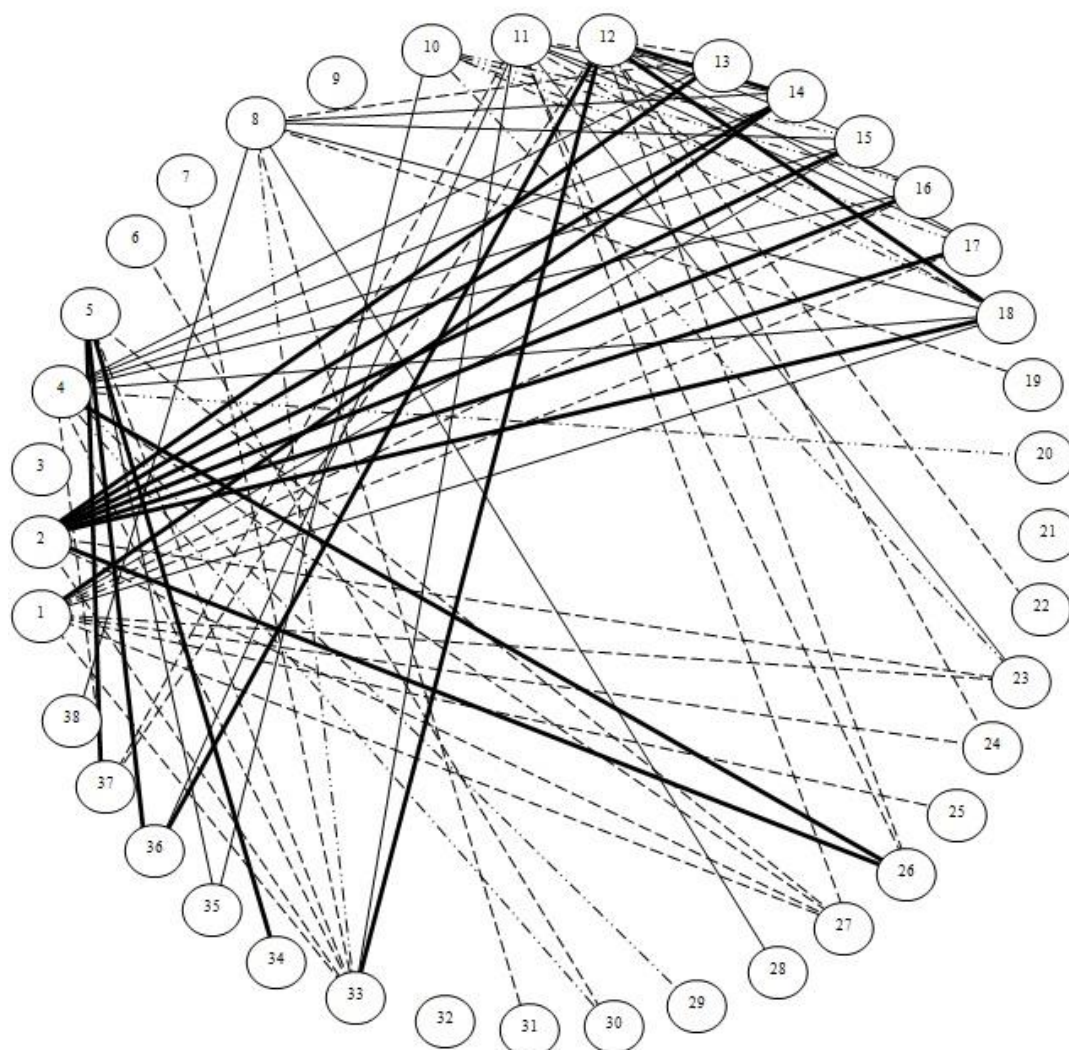

Рис. 3. Коррелограмма, демонстрирующая связи между личностной и субъектной сферами нравственной активности.

Цифрами представлены следующие компоненты:

1 — контроль при планировании (волевой контроль); 2 — контроль при реализации (волевой контроль); 3 — контроль при неудаче (волевой контроль); 4 — общий уровень саморегуляции (когнитивный контроль); 5 — конфронтационный копинг (эмоциональный контроль); 6 — дистанцирование (эмоциональный контроль); 7 — самоконтроль (эмоциональный контроль); 8 — поиск социальной поддержки (эмоциональный контроль); 9 — принятие ответственности (эмоциональный контроль); 10 — бегство-избегание (эмоциональный контроль);

мых результатов, основанных на смысловых образованиях личности. Но саморегуляция — это прежде всего контроль над своим поведением на основе определенных нормативов. В качестве данных нормативов могут выступать и нормы нравственности, которые оформляют и регулируют отношения людей к «абсолюту», соотносят поведение с абсолютными принципами, эталонами, идеалами. В данном контексте закономерной выступает взаимосвязь саморегуляции с ценностью «власть» и на уровне убеждений ($r = 0,283$, $p = 0,013$), и на уровне поведения ($r = 0,277$, $p = 0,016$). Данная ценность, на наш взгляд, здесь выступает как понимание необходимости регуляции социальных взаимодействий на основе отношений доминантности — подчиненности [Карандашев В.Н., 2004].

Что касается волевого компонента, то здесь выделяются два элемента: «контроль при планировании» и «контроль при реализации». Оба структурных компонента, как в случае с саморегуляцией поведения, имеют стойкие взаимосвязи со смысловой сферой. Однако при сравнении взаимосвязей компонентов волевого контроля со смысловой сферой становится видно, что переменная «контроль при реализации» имеет больше связей, в то же время статистическая значимость данных связей и коэффициенты корреляций также превосходят переменную «контроль при планировании». Связано это с тем, что контроль при реализации представляет собой способность субъекта пребывать в процессе реализации намерения необходимое время, удерживать в фокусе внимания актуальную интенцию, проявлять настойчивость, т.е. проявлять волевой контроль в процессе реальной деятельности, которая, в свою очередь, по словам А.Г. Асмолова, тесно связана с личностным смыслом. Личностный смысл представляет собой индивидуализированное отражение действительности, выражающее отношение человека к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность и общение [Асмолов А.Г., 1990]. Кроме того, контроль при реализации связан с ценностями «достижения» ($r = 0,386$, $p = 0,000$). Объяснение этому заключается в том, что субъект всегда проявляет волевой контроль при поведении для достижения значимых для него результатов. У контроля при реализации также существует и взаимосвязь с ценностью «власть» ($r = 0,266$, $p = 0,019$) на уровне убеждений. Здесь, как и в случае с когнитивным контролем, ценность «власть» выступает как необходимость реализации поведения в рамках определенной соци-

альной системы. Стоит также сказать о взаимосвязях контроля при реализации с ценностью «самостоятельность» на уровне убеждений ($r = 0,263$, $p = 0,020$) и на уровне поведения ($r = 0,251$, $p = 0,028$). Данная ценность производна от организменной потребности в самоконтроле и самоуправлении, она состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, поэтому наличие корреляции с волевым контролем является естественным.

Что касается эмоционального контроля субъекта, то здесь выделяются компоненты, связанные с поиском решения проблем и положительной переоценкой.

Если говорить о стратегии поведения «поиск решения проблем», то в первую очередь выделяются корреляции со смысловой сферой, а именно с переменными: «смысложизненные ориентации на цели» ($r = 0,258$, $p = 0,022$), «смысложизненные ориентации на процесс» ($r = 0,336$, $p = 0,003$), «локус контроля — Я» ($r = 0,290$, $p = 0,010$), «локус контроля — жизнь» ($r = 0,293$, $p = 0,009$), «общая осмысленность жизни» ($r = 0,284$, $p = 0,012$), что подтверждает наши предыдущие заключения о высокой важности смысловой сферы в различных видах контроля поведения. Поиск решения проблем также связан с ценностью «самостоятельность» на двух уровнях: уровень убеждений ($r = 0,291$, $p = 0,010$) и уровень поведения ($r = 0,321$, $p = 0,005$). Данная взаимосвязь объясняется тем, что стратегия поиска решения проблем направлена на самостоятельное разрешение трудной ситуации, без привлечения социальной поддержки, как в других стратегиях. Так как стратегия планирования решения проблемы направлена прежде всего на достижение успеха, то данная стратегия коррелирует с ценностью «достижения» на уровне убеждений ($r = 0,281$, $p = 0,013$) и поведения ($r = 0,298$, $p = 0,009$). Однако данная стратегия должна выполняться в рамках социальной системы, из-за чего переменная «поиск решения проблемы» коррелирует с ценностью «власть» на уровне убеждений ($r = 0,247$, $p = 0,029$) и поведения ($r = 0,231$, $p = 0,045$).

Что же касается стратегии «положительная переоценка», то она связана с положительным переосмыслением возникших трудностей, с рассмотрением их как стимулов для личностного роста. «Положительная переоценка», как и «поиск решения проблем», связана со смысловой сферой, а также с ценностями «достижения», «самостоятельность» и «власть». Отличие данной стратегии

поведения заключается во взаимосвязях с ценностями «универсализм» ($r = 0,236$, $p = 0,038$) и «стимуляция» ($r = 0,262$, $p = 0,021$) на уровне убеждений. Данные корреляции связаны с направленностью данной стратегии поведения. Цели ценности «универсализм» определяются как понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы. В то же время мотивационные цели ценности «стимуляция» заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям. В совокупности эти две ценности можно охарактеризовать как стремление к положительным переживаниям, которые связаны с достижением социального благополучия вокруг субъекта. Данное поведение характерно для людей, стремящихся к личностному развитию. Подобное рассматривается в работе А.Л. Журавлева. Автор изучает категорию людей, которую он называет «нравственной элитой», представители которой придерживаются нравственных устоев и не допускают забвения обществом универсальных нравственных ценностей. Признаками нравственной элиты автор выделяет: участие в общественно полезной деятельности, приносящей пользу социуму, т.е. служение благим, гуманным целям; строгое следование нравственным принципам; способность воздействовать на других людей в нравственной сфере и др. [Журавлев А.Л., 2011]. На наш взгляд, данные признаки находят свое отражение в изучаемых корреляциях. Подводя итог, следует сказать, что стратегия положительной переоценки при возникновении трудностей будет более успешной при достижении определенной личностной зрелости.

Выводы

Результаты исследования показывают, что феномен нравственной активности представляет собой системное образование, включающее в себя два взаимосвязанных компонента: личностный и субъектный. Каждый из компонентов имеет свою структуру, состоящую из нескольких элементов. Составляющими личностного компонента являются ценностные ориентации и смысложизненные ориентации. Составляющие субъектного компонента — три уровня контроля поведения (эмоциональный, волевой, когнитивный). В подтверждение этого нами были найдены корреляционные взаимосвязи между отдельными личностными и субъектными показателями нравственной активности. При изучении личностного компонента мы нашли внутренние взаимосвязи между отдельными личностными показателями нравственной актив-

ности — ценностными и смысложизненными ориентациями. При изучении субъектного компонента нами также были выявлены внутренние взаимосвязи между показателями волевого, эмоционального и когнитивного контроля.

Исходя из данных результатов, можно сделать вывод, что феномен нравственной активности — это система, представленная в континууме субъект-личность. Компоненты нравственной активности активно взаимодействуют как внутри своей структуры, так и между собой.

Список литературы

- Антилогова Л.Н.* О взаимосвязи ценностных ориентаций и нравственной активности личности // Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. Вып. 2. С. 13–17.
- Антилогова Л.Н.* Ценностные ориентации как форма выражения нравственной активности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4(67). С. 23–25.
- Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: МГУ, 1990. 284 с.
- Бодлевский М.И.* Нравственная свобода и ответственность личности. Минск: Знание, 1976. 18 с.
- Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
- Боровский М.Н.* Моральные потребности и их роль в нравственном поведении молодежи // Воспитание молодежи в духе коммунистической нравственности в условиях развитого социализма. М., 1974. 146 с.
- Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 348 с.
- Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 551 с.
- Журавлев А.Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 560 с.
- Зайцева И.А.* Нравственная активность личности, сущность ее и компоненты / Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Личность – слово – социум» – 2008. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/203-lichnost-otnosheniya/5633-nravstvennaya-aktivnost-1> (дата обращения: 16.05.2016).
- Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. С. 9–44.
- Зотов Н.Д.* Личность как субъект нравственной активности: природа и становление. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 248 с.
- Кант И.* Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1965. 348 с.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 304 с.

Кулагина И.Ю., Колоцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 464 с.

Куриленко Ю.А. Смысловая сфера как структурный элемент личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 20–23.

Лапина Т.С. Социальная активность как фактор и выражение нравственного развития личности // Нравственное развитие личности / под ред. О.П. Целиковой. М.: Московский рабочий, 1969. С. 123–146.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд, испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998. 191 с.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 352 с.

Френкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 651 с.

Kohlberg L. Essays on Moral Development. Vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco, CA: Harper & Row, 1981. 441 p. DOI: 10.1017/S0360966900024452.

Lasarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer, 1984. 444 p. DOI: 10.1017/S0141347300015019.

Получено 13.03.2018

References

Antilogoza, L.N. (2003). *O vzaimosvyazi tsennostnykh orientatsiy i npravstvennoy aktivnosti lichnosti* [On the relations between value orientations and moral activity of the person]. *Sibirskaya psikhologiya segodnya: sb. nauch. trudov* [Siberian Psychology today: col. of scientific works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., iss. 2, pp. 13–17.

Antilogoza, L.N. (2016). *Tsennostnye orientatsii kak forma vyrazheniya npravstvennoy aktivnosti lichnosti* [Values as a form of manifesting a person's moral activity]. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh* [Psychopedagogics in Law Enforcement]. No. 4(67), pp. 23–25.

Asmolov, A.G. (1990). *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of personality]. Moscow: MSU, 284 p.

Bodlevskiy, M.I. (1976). *Npravstvennaya svoboda i otvetstvennost lichnosti* [Moral freedom and responsibility of the personality]. Minsk: Znanie Publ., 18 p.

Bodrov, V.A. (2006). *Psikhologicheskiy stress: razvitie i preodolenie* [Psychological stress: development and coping]. Moscow: PER SE Publ., 528 p.

Borovskiy, M.N. (1974). *Moralnye potrebnosti i ikh rol v npravstvennom povedenii molodezhi* [Moral needs and their role in the moral behavior of young people]. Moscow, 146 p.

Bratus, B.S. (1988). *Anomalii lichnosti* [Anomalies of personality]. Moscow: Mysl Publ., 348 p.

Franken, E.R. (2003). *Motivatsiya povedeniya: biologicheskie, kognitivnye i sotsialnye aspekty* [Human Motivation]. Saint Petersburg: Piter Publ., 651 p.

Golovin, S.Yu. (1998). *Slovar prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Minsk: Kharvest Publ., 551 p.

Kant I. (1965). *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysic of Morals]. Moscow: Mysl Publ., 348 p.

Karandashev, V.N. (2004). *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz's method for studying the values of personality: the concept and methodological guidance]. Saint Petersburg: Rech Publ., 70 p.

Klimov, E.A. (1996). *Psikhologiya professionalnogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Rostov on Don: Feniks Publ., 304 p.

Kohlberg, L. (1981). *Essays on Moral Development. Vol. I: The Philosophy of Moral Development*. San Francisco: Harper & Row, 441 p. DOI: 10.1017/S0360966900024452.

Kulagina, I.Yu. and Kolyutskiy, V.N. (2001). *Vozrastnaya psikhologiya: Polnyy zhiznennyy tsikl razvitiya cheloveka* [Age psychology: The full life cycle of human development]. Moscow: Sfera Publ., 464 p.

Kurilenko, Yu.A. (2014). *The sphere of senses as a structural element of personality* [Smyslovaya sfera kak strukturnyy element lichnosti]. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh* [Psychopedagogics in Law Enforcement]. No. 2(57), pp. 20–23.

Lapina, T.S. (1969). *Sotsialnaya aktivnost kak faktor i vyrazhenie npravstvennogo razvitiya lichnosti* [Social activity as a factor and expression of the personality moral development]. *Npravstvennoe razvitie lichnosti* [Moral development of the personality]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., pp. 123–146.

Lasarus, R. and Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer, 456 p. DOI: 10.1017/S0141347300015019.

Leontev, D.A. (2003). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti* [Psychology of

meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality]. Moscow: Smysl Publ., 487 p.

Morosanova, V.I. (1998). *Individualnyy stil samo-regulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvolnoy aktivnosti cheloveka* [Individual style of self-regulation: the phenomenon, structure and functions in random human activity]. Moscow: Nauka Publ., 191 p.

Sergienko, E.A. (2011). *Sistemno-subektnyy podkhod: obosnovanie i perspektiva* [System-subject approach: grounds and perspectives]. *Psikhologicheskyy zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 32, no. 1, pp. 120–132.

Sergienko, E.A., Vilenskaya, G.A. and Kovaleva, Yu.V. (2010). *Kontrol povedeniya kak subektnaya regulyatsiya* [Behavioral control as subject's regulation]. Moscow: Institute of psychology of RAS, 352 p.

Zaytseva, I.A. (2008). *Nravstvennaya aktivnost lichnosti, suschnost ee i komponenty* [Moral activity of the personality, its essence and components]. Materials of conference «Personality – word – society» – 2008.

Available at: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/203-lichnost-otnosheniya/5633-nravstvennaya-aktivnost-1> (accessed 16.05.2016).

Zhuravlev, A.L. (2011). *Aktualnye problemy sotsialno orientirovannykh otrasley psikhologii* [Actual problems of psychology socially oriented branches]. Moscow: Institute of psychology of RAS, 560 p.

Znakov, V.V. (2005). *Psikhologiya subekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [The psychology of the subject and the psychology of human existence]. *Subekt, lichnost i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Subject, personality and psychology of human existence]. Moscow: Institute of psychology of RAS, pp. 9–44.

Zotov, N.D. (1984). *Lichnost kak subekt npravstvennoy aktivnosti: priroda i stanovlenie* [Personality as a subject of moral activity: nature and becoming]. Tomsk, Tomsk University Publ., 248 p.

Received 13.03.2018

Об авторе

Рязькин Александр Олегович
аспирант кафедры психологии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: aoryazhkin@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8309-8047

About the author

Alexandr O. Ryazhkin
Ph.D. Student of the Department of Psychology

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: aoryazhkin@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8309-8047

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рязькин А.О. Нравственная активность личности как система // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 406–419. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-406-419

For citation:

Ryazhkin A.O. Moral activity of a person as a system // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 406–419. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-406-419

УДК 159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428

ОДИНОЧЕСТВО КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Михайлова Наталья Владимировна

Гуманитарный университет (Екатеринбург)

Статья посвящена феномену одиночества на основании анализа отечественных и зарубежных исследований. Изучением проблемы одиночества как междисциплинарной занимаются социологи, философы, психологи. Однако в отечественной психологии, в сравнении с западными исследованиями, мало работ, посвященных данной проблеме. Проблема одиночества, широко обсуждаемая в философии, в научно-психологическом плане представлена главным образом зарубежными теориями и концепциями. В статье проанализированы различные точки зрения относительно феномена одиночества, включая современные подходы и направления. Осмысление и объяснение феномена одиночества, начиная с античного периода и заканчивая нашими днями, реализовывалось по-разному: от осознания его необходимости до осмысления его как негативного явления; до сих пор нет единого понимания данного феномена. Обзор рассмотренных монографий и статей позволяет сделать вывод о том, что отечественная психология подходит к изучению состояния одиночества в основном со стороны его негативных переживаний; исключение составляют работы Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, которые, как и большинство зарубежных исследователей, в частности представители экзистенциального подхода, полагают, что одиночество составляет неотъемлемую часть человеческой жизни. Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев подчеркивают, что в настоящее время для всестороннего исследования данного феномена необходима разработка шкал, которые бы позволили изучать не только негативное одиночество, но и позитивное уединение. Данные авторы являются первыми исследователями, разработавшими опросник, направленный на изучение позитивного одиночества.

Ключевые слова: одиночество, экзистенциализм, потребность общения, дефицит общения, потребность в доверительных и теплых отношениях, депрессия, тревожность.

LONELINESS AS AN INTERDISCIPLINARY PROBLEM

Natalya V. Mikhailova

Humanitarian University (Ekaterinburg)

The article is devoted to the phenomenon of loneliness at the basis of domestic and foreign works analysis.. The interdisciplinary study of loneliness problem is carried out by researchers of various humanities: sociologists, philosophers, psychologists. However, in contrast to Western studies, in Russian psychology, there are not enough papers devoted to this problem. The authors examines and analyzes different points of view on the phenomenon of loneliness, including contemporary approaches, in particular, studies devoted to the state of loneliness. The reflection and explanation of the loneliness phenomenon, from the ancient period to our days are different: from the realization of its necessity to comprehending it as a negative phenomenon, and there is still no unified definition of this phenomenon. A review of the monographs and articles permits to conclude that Russian psychology focused on the state of loneliness primarily through the negative experience. The exception from this tendency may be found in the works of such authors as E.N. Osin and D.A. Leontiev: in these works loneliness defines as an integral part of human life. Such definition is rather close to the scientific view of the foreign researchers who practice existential approach . According to the opinion of many authors, contemporary Russian psychology has a lack of fundamental theoretical and empirical studies devoted to the state of loneliness. E.N. Osin and D.A. Leontiev stressed that it is necessary to develop scales for measuring of negative loneliness and positive solitude as well for the comprehensive study of this phenomenon. These authors developed a questionnaire aimed at studying positive loneliness for the first time in Russian psychology.

Keywords: loneliness, existentialism, the need for communication, lack of communication, the need for confidential and warm relations, depression, anxiety.

Известно, что изучением проблемы одиночества занимаются представители разных социальных и гуманитарных наук: социологи, философы, психологи. Это проблема действительно комплексная, междисциплинарная. Таким образом, существенная проблема, изучению которой и посвящена данная статья, состоит в необходимости выбора оснований для адекватного толкования состояния одиночества при существующем многообразии подходов. Даже в пределах психологи на сегодняшний день представляется бесспорным тот факт, что разные авторы-психологи, изучающие проблему одиночества, имеют различные точки зрения в отношении этого феномена.

Если говорить об истории осмысления феномена одиночества в ходе развития науки, то следует признать, что примеры обсуждения этой проблематики можно проследить уже в эпоху Античности. Карл Густав Юнг отмечал, что в античной мифологии можно проследить связь между фигурой Прометея и одиночеством. К. Юнг полагал, что огонь, присвоенный Прометеем, позиционировал побуждение к просвещенному познанию самого себя [Покровский Н.Е., Иванченко Г.В., 2008]. Рассматривая миф о Сизифе, философ-экзистенциалист А. Камю также характеризовал вышеозначенного мифологического героя как подлинное олицетворение одиночества. Равно как и Прометеем, мифологическим героем Сизифом было утрачено покровительство как со стороны богов, так и поддержка и помощь со стороны людей. При этом экзистенциальный аспект мифологии одиночества Сизифа заключается в его стойкости и внутренней свободе. Он превознесся выше тех людей, которые ощущают себя одинокими, но не признают этого [Камю А., 1990].

Напротив, Аристотель, своим творчеством фактически подводящий итог развитию древнегреческой философии, в трактате «Политика» отмечал, что человек не может существовать вне общества; по его мнению, человек и государство составляют единое целое. Обособленность людей, считал он, ставит под угрозу безопасность государства и общества [Покровский Н.Е., Иванченко Г.В., 2008].

Ю.М. Швалб и О.В. Данчева отмечают, что одиночество начинает восприниматься как некое благо, способствующее развитию и творчеству с эпохи Возрождения. Именно в этот период, по мнению авторов, были заложены основания отчужденности человека от других людей [Швалб Ю.М., Данчева О.В., 1991]. В эпоху Но-

вого времени Г. Лейбниц считал, что в основе мира лежат монады, представляющие собой духовные субстанции — независимые и замкнутые, в связи с чем ей не нужны внешние воздействия. Пожалуй, признак одиночества можно отнести и к монадам [Покровский Н.Е., Иванченко Г.В., 2008]. В свою очередь, Г. Гегель полагал, что одиночество заключается в потере связи субъекта как с самим собой, так и с социальным миром [Гегель Г., 1970].

Среди мыслителей конца XIX – начала XX в., изучавших феномен одиночества, следует выделить религиозных философов: В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Е.Н. Трубецкого, И.А. Ильина. Они усматривали причину проблемы одиночества в духовном и культурном кризисе секуляризованного человечества [Флоренский П.А., 1990; Ильин И.А., 1993; Лосский Н.О., 1994; Соловьев В.С., 1994; Трубецкой Е.Н., 1994]. Тема одиночества являлась значимой и для экзистенциальной философии. И здесь мы находим различные варианты понимания и объяснения феномена одиночества: от осознания его необходимости для самосовершенствования и самоактуализации [Бердяев Н.А., 1993а; 1993b, 1994а., 1994b] до осмысления его как негативного явления [Кьеркегор С., 1993]. Впрочем, большинство экзистенциалистов признают неотвратимость данного состояния и воспринимают его не как проблему, а как факт человеческого существования. А М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр рассматривали одиночество человека в качестве основы различного индивидуального бытия [Сартр Ж.-П., 1989; Хайдеггер М., 1997].

Экзистенциалист Б. Миускович, также подчеркивает, что одиночество составляет неотъемлемую часть природы человека [Миускович Б., 1989].

Начало собственно психологических исследований, посвященных изучению одиночества, было положено психоаналитиками школы Зигмунда Фрейда. По мнению самого Фрейда, одиночество порождает невроз. Этому способствует разочарование в жизни либо неспособность противостоять негативным жизненным обстоятельствам, происходящим в жизни людей, переживающих одиночество [Фрейд З., 1991]. З. Фрейд и его последователи полагали, что одиночество связано с проявлением нарциссизма, мании величия и агрессивности. Со временем перечисленные свойства психики отражаются в комплексе «одиночество». рассматривают одиночество, основываясь на фактах личностного развития ребенка. По их мнению, в возникновении «синдрома одиночества»

существенное значение имеет ранняя детская стадия развития личности. В случае, если ребенка с детства окружают акцентуированная любовь и восхищение семьи и окружающих его людей, то зачастую в будущем ему суждено испытывать комплекс величия и собственной незаменимости, обусловленные стремлением к получению любви и признания окружающих людей. Однако, как правило, его желание быть объектом всеобщего обожания не воплощается в жизнь окружающими людьми, в связи с чем нарциссическая личность начинает переживать дефицит общения, который впоследствии становится причиной возникновения чувства одиночества. [Корчагина С.Г., 2005].

Среди неопрейдистов К. Хорни рассматривала одиночество как следствие отрицательного воздействия определенных социальных факторов — принципов рыночных отношений, борьбы человека с человеком за существование [Хорни К., 1993]. Советский психолог Б.Г. Ананьев в свою очередь отмечал, что одиночество является проявлением массового роста городов, которое впоследствии сказывается на обезличивании человека, дефиците общения [Ананьев Б.Г., 1980].

Э. Фромм — представитель марксистского варианта неопрейдизма — отмечал социальную природу человека и невозможность его существования в полной изоляции и одиночестве. Им рассмотрены потребности человека, которые априори несовместимы с переживанием одиночества: потребность в общении, потребность в привязанности, потребность в самоутверждении, потребность в связях с людьми [Фромм Э., 1990, 1991, 1993, 1996]. Вместе с тем, вслед за Ф. Ницше, Э. Фромм полагал, что распространение феномена одиночества возможно в результате разрушения в современном капиталистическом обществе, обществе потребления нравственных норм [Ницше Ф., 1993; Фромм Э., 1990, 1993]. По мнению В. Франкла, психоаналитика экзистенциального направления, человек оказывается в одиночестве в связи с утратой смысла жизни [Франкл В., 1990]. Напротив, А. Маслоу оценивая одиночество не только негативно, отмечал, что особенно сильно самоактуализирующихся личностей является потребность в одиночестве. По его мнению, одиночество необходимо человеку, который стремится к самопознанию и самосовершенствованию [Маслоу А., 2008].

Рассматривая степень разработанности проблематики одиночества в современной науке, следует в первую очередь констатировать отсутствие в работах многих современных исследователей-

психологов соответствующей дефиниции. Так, объясняя реакции тех людей, которые ощущают состояние одиночества, и причины этого состояния, многие исследователей, в частности, И.С. Кон и Р.С. Немов [Кон И.С., 1978, 1986; Немов Р.С., Кирпичник А.Г., 1988; Немов Р.С., 1994] не дают определения понятия одиночества. Это обстоятельство само по себе делает разработку проблематики одиночества важной и актуальной.

Если говорить о словарях и справочниках по психологии, то в них одиночество рассматривается как одна из психогенных составляющих, оказывающая влияние на психическое здоровье и эмоциональное состояние личности. Обстоятельством, влияющим на возникновение состояния одиночества, является физическая, в частности, эмоциональная изоляция человека [Петровский А.В., 1990; Конюхов Н.И., 1996; Головин С.Ю., 1997].

Из ранних отечественных работ можно выделить две монографии: «Универсум одиночества: социологические и психологические очерки», авторами которой являются Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко, и «Одиночество: социально-психологические проблемы» Ю.М. Швалб и О.В. Данчевой, рассматривающих одиночество с точки зрения культурно-исторических форм. В свою очередь, к числу работ, всесторонне проанализировавших эту проблему, можно отнести монографию «Генезис, виды и проявления одиночества», принадлежащей С.Г. Корчагиной. Со временем изучением данной проблемы занялись и другие исследователи, в частности, Н.Е. Харламенкова, И.В. Бабанова, Д.В. Каширский, Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев, И.М. Слободчиков, Е.И. Шлягина, С.С. Орбелян, Т.В. Пивненко, Е.В. Филиппова и многие другие. Е.М. Коротеева, Е.Е. Рогова, О.В. Задорожная, Е.Н. Новохатько, И.Г. Антипова, Ю.А. Тушнова, А.В. Кузнецова, С.В. Малышева, Н.А. Рождественская и др. занимались в основном изучением и исследованием одиночества, переживаемого подростками.

Пожалуй, большинство исследователей-психологов, занимающихся изучением одиночества, рассматривают его как негативно-эмоциональное переживание. В работах ряда авторов, в частности, К.А. Абульхановой-Славской, А.Г. Амбраумовой, И.С. Кона и др., одиночество связывают с проблемами общения [Кон И.С., 1978, 1986; Абульханова-Славская К.А., 1980, 1993; Амбраумова А.Г., 1985; Амбраумова А.Г., Постовалова Л.И., 1987]. С.В. Малышева и Н.А. Рождественская полагают, что одиночество

заключается в негативных переживаниях, возникающих вследствие неудовлетворенных потребностей человека, в частности, неразделенных чувств, недостаточного общения и понимания значимыми людьми [Мальшева С.В., Рождественская Н.А., 2001]. По мнению С.Г. Корчагиной, одиночество представляет собой психическое состояние человека, проявляемое в переживании собственной отдельности, субъективной неосуществимости или в отсутствии желания чувствовать соответствующий отклик, принятие, в частности признание себя другими людьми [Корчагина С.Г., 2005].

Следует признать, что и в рамках существующих в западной психологии подходов, а именно психодинамического, интеракционистского, когнитивного, социологического и феноменологического, также, как правило, негативно оценивают состояние одиночества. Так, в интеракционистском подходе рассматриваются ситуативные и личностные аспекты одиночества. Представители этого подхода полагают, что у некоторых индивидов превалирует субъективно-личностная предрасположенность к переживанию одиночества. Однако возникновение одиночества, по их мнению, обусловлено определенными социальными ситуациями. В совокупности эти два аспекта проявляются в количестве и качестве взаимодействия индивида с другими людьми, порождая при этом либо эмоциональное переживание одиночества, либо ощущение социальной изолированности [Корчагина С.Г., 2005].

Представитель интеракционистского подхода Р. Вейс подчеркивает, что аккумулярованное воздействие личностного и ситуативного аспектов является нормальной реакцией личности, испытывающей дефицит социального взаимодействия, удовлетворяющего значимым социальным запросам индивида [Вейс Р., 1989].

Велло Серма, также являющийся представителем интеракционистского подхода, проводил исследование одиночества в качестве проявления глубочайшего личностного кризиса. В исследованиях В. Сермы приведены данные, характеризующие причины самоубийств, совершенных подростками и молодыми людьми в возрасте от 20 лет. Главной причиной самоубийств согласно этому исследованию являлось невыносимое чувство одиночества [Серма В., 1989].

Представители когнитивного подхода, изучающие одиночество, отмечали, что познание является одним из аспектов, обусловленного связью недостатка социальности и чувства одиночества.

По их мнению, едва лишь индивид придет к осознанию несоответствия между уровнями собственных желаемых социальных контактов и достигнутых им, он чувствует одиночество. Только в случае осознания, что человек одинок, он почувствует это состояние. В противоположность этому, человек, не признающий, что он одинок, не переживает этого состояния. Представители когнитивного подхода полагают, что в формировании состояния одиночества участвуют как личностные особенности, так и ситуативные аспекты, они также не исключают влияние прошлого и настоящего опыта [Корчагина С.Г., 2005].

Психологи Л.Э. Пепло и Д. Перлман — представители когнитивного подхода, изучающие одиночество, на основе экспериментов доказали, что глубинное одиночество обусловлено низкой самооценкой [Пепло Л.Э., Перлман Д., 1989].

К. Рук и Л. Пепло полагают, что существуют три аспекта, по которым человек сам может диагностировать свое состояние одиночества: аффективный, поведенческий и когнитивный. Человек сам приводит доказательства и объяснения собственного состояния одиночества [Рук К., Пепло Л., 1989].

Д. Янг, американский психотерапевт, разработал когнитивную терапию состояния одиночества и депрессии. Он подчеркивал взаимосвязь этих двух явлений психики человека [Янг Д., 1989].

Представители феноменологического направления связывают возникновение чувства одиночества и феноменологические идеалы, созданные обществом и заставляющие индивида действовать строго в соответствии с ними. Несовпадение нормативных феноменологических идеалов и индивидуальных особенностей личности порождает чувство одиночества [Корчагина С.Г., 2005].

У. Садлер и Т. Джонсон, применяя феноменологический подход при изучении одиночества, подчеркивают всеобъемлемость и универсальность данного явления [Садлер У., Джонсон Т., 1989].

К. Роджерс, также занимающийся изучением состояния одиночества, применив феноменологический подход, разработал личностно ориентированную модель одиночества. Он подчеркивал, что одиночество порождается разрывом между реальным и идеальным «Я». По мнению К. Роджерса, формированию одиночества способствуют непосредственные ситуативные факторы, а не ранний детский опыт [Rogers C., 1961, 1970; Роджерс К., 1986, 1994].

Социологический подход относит состояние одиночества к общему статистическому показателю

телю, являющемуся особенностью современного общества. Состояние одиночества, по их мнению, связано с социальными факторами и понимается как относительное качество личности, находящееся под воздействием социальной реальности [Корчагина С.Г., 2005]. В упоминавшейся работе украинских исследователей Ю.М. Швалб и О.В. Данчевой приводятся данные социологического опроса, проведенного в Киеве и Харькове. Объектом исследования являлось взрослое население в возрасте от 20 до 45 лет. В первую группу вошли испытуемые, переехавшие на постоянное место жительства из села в город в течение последних пяти лет, вторую группу составили дети бывших сельских жителей, родившиеся уже в городе, третья группа состояла из коренных горожан. Опрос содержал два вопроса: первый вопрос заключался в выяснении отношения к городу как таковому, второй — в выявлении преобладающего эмоционального состояния. На основании результатов проведенного исследования было обнаружено, что первая группа респондентов относится к городу как к «холодному», «чужому», «мрачному», «безразличному», «суевливому», «непонятному». Эмоции, переживаемые в городе, состоят: в «усталости», «ненужности», «одиночестве», «страхе», «тоске» и др. Вторая группа испытуемых относится к городу как к «своему», «зломому», «продажному», «интересному», «крупному». Преобладающие эмоции состоят: в «надежде», «перспективе», «ущемленности», «гордости» и др. Третья группа респондентов относится к городу как: к «своему», «родному», «красивому», «любимому» и др. Эмоции: «перспективы», «близость друзей» «покой», «активность», «жизнь» и др. На основании результатов проведенного исследования Ю.М. Швалб и О.В. Данчева приходят к выводу, что состояние одиночества городских жителей обусловлено особенностями самой личности и структурой социальных отношений. Кроме того, в данной работе анализируется феномен одиночества мигрантов. Авторы приходят к выводу, что это одиночество связано с острым переживанием мигрантами собственной ненужности [Швалб Ю.М., Данчева О.В., 1991]. Впрочем для обоснованного заключения относительно феномена одиночества мигрантов в этой работе недостает исследования принимающего населения, необходимого в данном случае для выяснения причины возникновения у мигрантов ощущения ненужности. Можно предположить, что это ощущение вызвано неготовностью городского населения к принятию на

своей территории чужих людей. Непринятие и отчуждение принимающей стороной мигрантов может порождать у самих мигрантов негативные эмоции, обусловленные неблагоприятным восприятием города как такового.

Н.Е. Покровский приходит к выводу, что социальная теория включает два подхода к пониманию причин происхождения одиночества: в первом подходе появление одиночества связано с индустриальной цивилизацией второй половины XVIII в., характеризующейся руссоизмом, рефлексивным индивидуализмом, сентиментализмом и др.; второй подход возникновение одиночества обуславливает признанием вневременности данного состояния [Покровский Н.Е., Иванченко Г.В., 2008].

С.Г. Корчагина, автор монографии «Генезис, виды и проявления одиночества», рассматривает одиночество как психическое состояние, которое может быть отчуждающим, самоотчуждающим, либо может состоять в уединенности. Данные виды одиночества определяются соотношением в личности механизмов, обозначенных С.Г. Корчагиной как идентификация и обособление [Корчагина С.Г., 2005]. Насколько известно автору, это единственная работа, в которой в отношении форм одиночества применен метод классификации.

Самоотчуждающее одиночество обусловлено доминирующим действием в структуре личности конструкции идентификации, порождающее, в свою очередь, утрату своего «Я» и влекущее за собой отчуждение от самого себя. Формированию отчуждающего одиночества, по мнению С.Г. Корчагиной, способствует превалирование у индивида механизма обособления, проявляющееся в отчужденности при взаимодействии с другими людьми, наряду с отчуждением от самого себя и, наконец, от жизни в целом. Уединенность обусловлена позитивной формой одиночества [Корчагина С.Г., 2005].

С.Г. Корчагиной проведено пилотажное исследование, в котором участвовало 55 испытуемых, переживающих одиночество, и проведен тщательный анализ состояния одиночества. На основании результатов проведенного исследования и анализа, были выделены признаки переживания одиночества, обусловленные отсутствием семьи, отсутствием близких отношений, потерянностью, ощущением неполноценности, недовольством жизнью, хронической неудовлетворенностью и т.д. [Корчагина С.Г., 2005].

Таким образом, при проведении автором теоретического исследования один из выделенных

видов одиночества состоял в уединенности, однако, как и в большинстве работ других авторов, рассматривающих одиночество, С.Г. Корчагиной не было проведено исследование, направленное на выявление позитивного аспекта одиночества, а именно — уединения, хотя оно и выделяется данным автором как специфический феномен.

Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев в статье «Одиночество как предмет психологического исследования» отмечают, что большинство авторов не рассматривают одиночество в качестве многоаспектного феномена. По их мнению, трудноразлично, в какой момент одиночество обусловлено именно негативным фактором, а также какие установки индивида участвуют в формировании этого ощущения. Они обращают внимание на то, что многие исследователи при психологической диагностике одиночества изучают исключительно негативные переживания, однако, по их мнению, для полного и всестороннего изучения важно исследовать также отношение личности к состоянию одиночества в ситуации уединения. Иными словами, Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев подчеркивается необходимость исследования и позитивных аспектов одиночества. Соглашаясь со сравнительно немногочисленными современными исследователями-психологами, Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев разделяют точку зрения представителей экзистенциального направления, признающих уединение в качестве позитивного ресурса для саморазвития, способствующего, возможно, новому осмыслению реальности [Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., 2013].

В целом, по мнению большинства авторов на сегодняшний день в отечественной психологии проведено недостаточно фундаментальных теоретических и эмпирических исследований состояния одиночества. Для всестороннего исследования данного феномена необходима разработка шкал, которые бы позволили исследовать не только негативные проявления одиночества, но и позитивные проявления уединения.

Список литературы

Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности. М.: Ин-т психологии РАН, 1980. 213 с.

Абульханова-Славская К.А. Психологические и жизненные потери (к проблеме экологии человека) // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Ин-т психологии РАН, 1993. С. 7–21.

Амбраумова А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. 1985. № 6. С. 107–115.

Амбраумова А.Г., Постовалова Л.И. Мотивы самоубийства // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 53–55.

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1. 220 с.

Андрусенко В.А. Словарь душевных и духовных терминов. Екатеринбург, 1993. 30 с.

Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 130 с.

Бердяев Н.А. Опыт философии одиночества и общения. М.: Республика, 1993. 390 с.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 260 с.

Бердяев Н.А. Я и мир объектов. М.: Республика, 1994. 190 с.

Вейс Р. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 114–128.

Гегель Г. Работы разных лет. М., 1970. 310 с.

Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1997. 580 с.

Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 120 с.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. А.М. Руткевича // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 222–318.

Кон И.С. Многоликое одиночество // Знание — сила. 1986. № 12. С. 15–42.

Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978. 90 с.

Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 252 с.

Кон И.С. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979. 170 с.

Конюхов Н.И. Словарь-справочник по психологии. М., 1996. 160 с.

Корчагина С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества. М., 2005. 196 с.

Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 109 с.

Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 318 с.

Мальшева С.В., Рождественская Н.А. Особенности чувства одиночества у подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2001. № 3. С. 63–68.

Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

Миускович Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 52–87.

Немов Р.С., Кирпичник А.Г. Пусть к коллективу: книга для учителя о психологии ученического коллектива. М., 1988. 144 с.

Немов Р.С. Психология. М.: Просвещение: Владос, 1994. 496 с.

Ницше Ф. Злая мудрость. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. 573 с.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Одиночество как предмет психологического исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.

Перлман Д., Пенло Л. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 152–168.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2008. 408 с.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Дайджест, 1994. 480 с.

Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии. М., 1986. С. 200–230.

Рук К., Пенло Л. Перспективы помощи одиночим // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 512–551.

Садлер У., Джонсон Т. От одиночества к анемии // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 21–52.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

Серма В. Некоторые ситуативные и личностные корреляты одиночества // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 227–242.

Соловьев В.С. Смысл любви. М., 1994. 534 с.

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни: Антология. М.: Прогресс-Культура, 1994. 592 с.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. 350 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Дайджест, 1980. 358 с.

Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Дайджест, 1990. 272 с.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. 1992. 430 с.

Фромм Э. Искусство любви. Минск: Полифакт, 1991. 90 с.

Фромм Э. Человек для самого себя. Психоанализ и этика. М.: Республика. 1993. 350 с.

Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. 1996. № 1. С. 230–233.

Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. 143 с.

Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 560 с.

Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Дайджест, 1993. 217 с.

Швалб Ю.М., Данчева О.В. Одиночество: социально-психологические проблемы. Киев, 1991. 270 с.

Янг Дж. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 552–593.

Rogers C. The loneliness of contemporary man as seen in the «Case of Ellen West» // Annals in Psychiatry. 1961. № 3. P. 22–27.

Rogers C. The lonely person and experiential encounter group. N.Y., 1970. 172 p.

Получено 18.03.2018

References

Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1980). *O putyakh postroeniya tipologii lichnosti* [About ways of construction of typology of the person]. Moscow: Institute of psychology of RAS, 213 p.

Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1993). *Psikhologicheskie i zhiznennye poteri (k probleme ekologii cheloveka)* [Psychological and life losses (to the problem of human ecology)]. *Psikhologiya lichnosti v usloviyakh sotsialnykh izmeneniy* [Psychology of personality in conditions of social changes]. Moscow: Institute of psychology of RAS, pp. 7–21.

Ambraumova, A.G. (1985). *Analiz sostoyaniya psikhologicheskogo krizisa i ikh dinamika* [Analysis of the state of the psychological crisis and their dynamics]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. No. 6, pp. 107–115.

Ambraumova, A.G. and Postovalova, L.I. (1987). *Motivy samoubiystva* [Motives for suicide]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6, pp. 53–55.

Ananyev, B.G. (1980). *Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t.* [Selected psychological works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 1, 220 p.

Andrusenko, V.A. (1993). *Slovar dushevnykh i dukhovnykh terminov* [Dictionary of soul and spiritual terms]. Ekaterinburg, 30 p.

Berdyayev, N.A. (1993). *Opyt filosofii odinochestva i obscheniya* [Experience of the philosophy of loneliness and communication]. Moscow: Republic Publ., 390 p.

Berdyayev, N.A. (1993). *O naznacheni cheloveka* [About the mission of a man]. Moscow: Republic Publ., 130 p.

Berdyayev, N.A. (1994). *Ya i mir obektov* [Me and the world of objects]. Moscow: Republic Publ., 190 p.

- Berdyayev, N.A. (1994). *Filosofiya svobodnogo duha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow: Republic Publ., 260 p.
- Camus, A. (1990). *Mif o Sizife. Esse ob absurd. Per s fr.* [The Myth of Sisyphus. Trans. from French]. *Sumerki bogov* [The twilight of gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 222–318.
- Florensky, P.A. (1990). *Stolp i utverzhdenie istiny* [Pillar and the affirmation of truth]. Moscow, vol. 1. 350 p.
- Frankl, V. (1980). *Chelovek v poiskakh smysla* [A man in search of meaning]. Moscow: Digest Publ., 358 p.
- Freud, Z. (1991). *Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii.* [Introduction to Psychoanalysis. Lectures]. Moscow: Nauka Publ., 456 p.
- Fromm, E. (1990). *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow: Digest Publ., 272 p.
- Fromm, E. (1993). *Chelovek dlya samogo sebya. Psikhoanaliz i etika* [Man for himself, an inquiry into the psychology of ethics]. Moscow: Republic Publ., 350 p.
- Fromm, E. (1996). *Chelovek odinok* [The man is lonely]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature]. No. 1. pp. 230–233.
- Fromm, E. (1992). *Dusha cheloveka* [The Heart of Man]. Moscow: Republic Publ., 430 p.
- Fromm, E. (1991). *Iskusstvo lyubvi* [The Art of Loving]. Minsk: Polyfact Publ., 90 p.
- Golovin, S.Yu. (1997). *Slovar prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Minsk: Harvest Publ., 580 p.
- Hegel, G. (1970). *Raboty raznykh let* [Works of different years]. Moscow, 310 p.
- Heidegger, M. (1997). *Kant i problema metafiziki* [Kant and the problem of metaphysics]. Moscow: Logos Publ., 143 p.
- Horney, K. (2000). *Nashi vnutrennie konflikty* [Our Inner Conflicts]. Moscow: April-Press Publ., 560 p.
- Horney, K. (1993). *Nevroticheskaya lichnost nashego vremeni* [The Neurotic Personality of our Time]. Moscow: Digest Publ., 217 p.
- Ilin, I.A. (1993). *Put k ochevidnosti* [The way to evidence]. Moscow: Republic Publ., 120 p.
- Kierkegaard, S. (1993). *Strakh i trepet* [Fear and trembling]. Moscow: Republic Publ., 109 p.
- Kon, I.S. (1986). *Mnogolikoe odinochestvo* [Many-sided loneliness]. *Znanie — sila* [Knowledge is power]. No. 12, pp. 15–42.
- Kon, I.S. (1978). *Otkrytie «Ya»* [Opening the «I»]. Moscow, 90 p.
- Kon, I.S. (1989). *Psikhologiya ranney yunosti* [Psychology of early adolescence]. Moscow: Education Publ., 252 p.
- Kon, I.S. (1979). *Psikhologiya yunosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence]. Moscow: Education Publ., 170 p.
- Konyukhov, N.I. (1996). *Slovar-spravochnik po psikhologii* [Dictionary-reference book on psychology]. Moscow, 160 p.
- Korchagina, S.G. (2005). *Genezis, vidy i proyavleniya odinochestva* [Genesis, types and manifestations of loneliness]. Moscow, 196 p.
- Lossky, N.O. (1994). *Bog i mirovoe zlo* [God and world evil]. Moscow: Republic Publ., 318 p.
- Malysheva, S.V. and Rozhdestvenskaya, N.A. (2001). *Osobennosti chuvstva odinochestva u podrostkov* [Features of loneliness in adolescents]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 3, pp. 63–68.
- Maslow, A. (2008). *Motivatsiya i lichnost* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter Publ., 352 p.
- Mijuskovic, B. (1989). *Odinochestvo: mezhdistiplinarnyy podkhod* [Loneliness: an interdisciplinary approach]. *Labirinty odinochestva: per. s angl.* [Labyrinths of Solitude: Trans. from Eng.]. Moscow: Progress Publ., pp. 52–87.
- Nemov, R.S. (1994). *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Prosvetshenie Publ., Vados Publ., 496 p.
- Nemov, R.S. and Kirpichnik, A.G. (1988). *Put k kollektivu: kniga dlya uchitelya o psikhologii uchenicheskogo kolektiva* [The way to the collective: a book for the teacher about the psychology of the student collective]. Moscow, 144 p.
- Nietzsche, F. (1993). *Zlaya mudrost. Izbrannye proizvedeniya* [Wicked Wisdom. Selected works]. Moscow: Prosvetshenie Publ., 573 p.
- Osin, E.N. and Leontiev, D.A. (2013). *Odinochestvo kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya* [Loneliness as a subject of psychological research]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. Vol. 10, no. 1. pp. 55–81.
- Perlman, D. and Peplau, L.A. (1989). *Teoreticheskie podkhody k odinochestvu* [Toward a Social Psychology of Loneliness]. Moscow: Progress Publ., pp. 152–168.
- Petrovsky, A.V. and Yaroshevsky, M.G. (1990). *Psikhologiya: Slovar* [Psychology: Dictionary]. Moscow: Politizdat Publ., 494 p.
- Pokrovsky, N.E., Ivanchenko G.V. (2008). *Univerzum odinochestva: sotsiologicheskie i psikhologicheskie ocherki* [Univerzum of loneliness: sociological and psychological essays]. Moscow: Logos Publ., 408 p.
- Rogers, C. (1961). The loneliness of contemporary man as seen in the «Case of Ellen West». *Annals in Psychiatry*. No. 3, pp. 22–27.
- Rogers, C. (1970). *The lonely person and experiens ib encounter group*. New York, 172 p.
- Rogers, C. (1986). *K nauke o lichnosti* [To the science of personality]. *Istoriya zarubezhnoy psikhologii* [History of foreign psychology]. Moscow, pp. 200–230.

Rogers, C. (1994). *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy]. Moscow: Digest Publ., 480 p.

Rook, K.S. and Peplau, L.A. (1989). *Perspektivy pomoschi odinokim* [Perspectives on helping the lonely]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress Publ., pp. 512–551.

Sadler, W. and Johnson, T. (1989). *Ot odinochestva k anemii* [From loneliness to anemia]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress Publ., pp. 21–52.

Sartre, J.-P. (1989). *Ekzistentsializm eto gumanizm* [Existentialism is Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–344.

Serma, V. (1989). *Nekotoryye situativnyye i lichnostnyye korrelyaty odinochestva* [Some situational and personal correlates of loneliness]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress Publ., pp. 227–242.

Shvalb, Yu.M. and Dancheva, O.V. (1991). *Odinochestvo: sotsialno-psikhologicheskie problemy* [Loneliness: socio-psychological problems]. Kiev, 270 p.

Solovev, V.S. (1994). *Smysl lyubvi* [The Meaning of love]. Moscow, 534 p.

Trubetskoy, E.N. (1994). *Smysl zhizni. Antologiya* [The Meaning of Life: Antology]. Moscow: Progress-Kultura Publ., 592 p.

Weis, R. (1989). *Voprosy izucheniya odinochestva* [Questions of studying loneliness]. *Labirinty odinochestva*: per. s angl. [Labyrinths of loneliness. Trans. from Eng.]. Moscow: Progress Publ., pp. 114–128.

Young J. *Odinochestvo, depressiya i kognitivnaya terapiya: teoriya i yeye primeneniye* [Loneliness, depression and cognitive therapy: theory and application]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress Publ., pp. 552–593.

Received 18.03.2018

Об авторе

Михайлова Наталья Владимировна
аспирант факультета социальной психологии

Гуманитарный университет,
620049, Екатеринбург, ул. Студенческая, 19;
e-mail: natalja.makhmutova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4247-471X

About the author

Natalya V. Mikhailova
Ph.D. Student of the Faculty of Social Psychology

Humanitarian University,
19, Studencheskaya str., Ekaterinburg,
620049, Russia;
e-mail: natalja.makhmutova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4247-471X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Михайлова Н.В. Одиночество как междисциплинарная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 420–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428

For citation:

Mikhailova N.V. Loneliness as an interdisciplinary problem // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 420–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428

УДК 159.98+316.334.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-429-436

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА МЕНЕДЖЕРОВ:
СРЕДА ОРГАНИЗАЦИИ, СТИЛЬ РУКОВОДСТВА,
ДИНАМИКА МОТИВАЦИИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ***

Кузнецова Елена Викторовна

ООО «МастерПост» (Москва)

Толочек Владимир Алексеевич

Институт психологии Российской академии наук

Обсуждаются результаты изучения мотивации (внутренней/внешней, согласно теории R.M. Ryan, E.L. Deci) и удовлетворенности деятельностью у менеджеров (40 человек) в среде современной организации. *Цель* исследования: описать связи мотивации и удовлетворенности менеджеров деятельностью на протяжении их карьеры в компании; выявить условия, влияющие на мотивацию и удовлетворенность менеджеров. *Предмет* — динамика изменения взаимосвязей параметров мотивации, удовлетворенности, опосредствуемых социально-демографическими характеристиками субъектов в продолжение их работы в организации. *Гипотезы*: 1. Мотивация и удовлетворенность работой менеджеров изменяются на протяжении их карьеры. 2. На изменения мотивации и удовлетворенности работой менеджеров влияют факторы как внешней среды — среды организации, так и их внутренней среды. В статье показано, что карьерно успешные сотрудники компании более «толерантны» к сложившимся в подразделении средствам и формам мотивирования; разные виды мотивации у многих сотрудников слабо представлены. С возрастом, с продвижением по должностным позициям, с полнотой реализации в семейной сфере роль типовых сложившихся в компании средств и форм мотивирования сотрудников ослабевает. Мотивация, интерес к работе и удовлетворенность ею, отношениями в организации у сотрудников коммерческой организации выступают как сравнительно независимые переменные. Результаты работы важны для перспективных исследований производительности труда на промышленных предприятиях России.

Ключевые слова: менеджеры, мотивация (внутренняя, внешняя), удовлетворенность работой, успешность, самореализация, производительность труда.

**PROFESSIONAL CAREER OF MANAGERS: THE ENVIRONMENT
OF THE COMPANY, THE STYLE OF MANAGEMENT,
THE DYNAMICS OF MOTIVATION AND JOB SATISFACTION**

Elena V. Kuznetsova

LLC «MasterPost» (Moscow)

Vladimir A. Tolochek

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

The paper discusses the results of studying motivation (internal / external, according to the theory of R.M. Ryan, E.L. Deci) and job satisfaction in managers (40 people) in the environment of a modern commercial company. The purpose of the research is to describe the relations between the managers' job satisfaction and motivation to work throughout their career in the company, to identify the conditions that affect the motivation and satisfaction. The subject of the study is the dynamics of interrelations between the parameters of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590009.

motivation and satisfaction, taking into consideration the socio-demographic characteristics of the subjects throughout their work in the company. The research tests the following hypotheses: 1. Motivation and job satisfaction of managers vary throughout their career. 2. Changes in their motivation and job satisfaction are influenced both by factors of the external environment (the environment of the company) and their «internal conditions». The results obtained allow us to conclude that employees with successful career (self-realized in the spheres of labor and family) are more «tolerant» to the methods and forms of motivation that have been developed in the company; different types of motivation are poorly represented in many employees. Increasing age, a better position on the career-ladder and successfulness of an employee's family life lead to the weakening in the effectiveness of regular motivation forms and methods. Motivation, interest to work, satisfaction with it and relationships between employees in the company act as relatively independent variables. The results are important for research of labor productivity at Russian industrial enterprises.

Keywords: managers, motivation (internal, external), satisfaction, work, success, self-realization, age, gender, position.

Введение

С середины XX в. вопросы мотивации труда остаются одной из ключевых тем социологии труда, психологии труда, организационной психологии. Считается, что мотивированный работник обладает преимуществами в сравнении с непродуктивно мотивированным или амотивированным. Очевидно, что это преимущество сказывается на производительности их труда. Одной из популярных концепций в объяснении феномена мотивации считается теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [Ryan R.M., Deci E.L., 2000, 2017]. Они различают «внутреннюю» и «внешнюю мотивацию», каждая из которых имеет свои «преломления» в механизмах реализации; шесть типов мотивации составляют мотивационный континуум, в котором типы упорядочены по степени удовлетворённости или фрустрации потребности человека в автономии. Типы мотивации, находящиеся ближе друг к другу в континууме, коррелируют друг с другом теснее, чем более отдаленные. Также эти исследователи рассматривают выраженность обеих составляющих мотивации в связи с полом и возрастом работников, типом и стадией развития организации и др.

Своего рода «результатирующей» процессов взаимодействия разных видов мотивации сотрудника со средой организации является «удовлетворенность». Это понятие отражает отношение сотрудника к разным аспектам работы — к организации в целом, к организации его рабочего места и рабочего процесса, к гарантиям его занятости, безопасности труда, оплаты труда и его условиям, к статусу должности, компании и профессии, к взаимоотношениям с коллегами и др. [Водопьянова Н.Е., 2011; Ильин Е.П., 2011; Магура М.И., 2007; Прохорова М.В., 2016, 2017; Толочек В.А., 2016, 2011; др.]

Традиционно наименее изученными остаются вопросы причин и меры изменения мотивации и удовлетворенности при изменениях внешней и внутренней среды организации, на протяжении работы человека в компании, в процессе его карьерного роста; вопросы опосредствующих условий, так или иначе влияющих на меру «реактивности» или «толерантности» работников.

Организация, цель, гипотеза, методы исследования

Цель: на основании результатов пилотажного исследования выявить связи мотивации и удовлетворенности менеджеров деятельностью на протяжении их карьеры в компании, условия, влияющие на мотивацию и удовлетворенность менеджеров. *Объект* исследования — деятельность и поведение сотрудников коммерческой организации (название и местоположение этой организации не разглашается по морально-этическим соображениям); *предмет* — динамика изменения взаимосвязей параметров мотивации, удовлетворенности, опосредствуемых социально-демографическими характеристиками субъектов при их работе в организации. *Гипотезы:* 1. Мотивация и удовлетворенность работой менеджеров изменяются на протяжении их карьеры. 2. На изменения мотивации и удовлетворенности работой менеджеров влияют факторы как внешней среды — среды организации (корпоративной культуры, стиля руководства непосредственного руководителя и пр.), так и их внутренней среды (отражаемых, в частности, в их социально-демографических и служебно-должностных характеристиках). *Методы и методики:* «Характеристики организационной культуры» Д. Денисона; «Мотивация трудовой деятельности» К. Замфрир в модификации А.А. Реана [Реан А.А., 2006]; «Интегральная удовлетворенность трудом» А.В. Батаршева [Фетискин Н.П. и др.,

2002]; опрос экспертов; статистические методы параметрической статистики: описательная статистика, корреляционный и факторный анализ, t-сравнение (пакет статистических программ SPSS 10). Опросы и диагностика проводились в двух филиалах компании в октябре/декабре 2017 г. В исследовании приняли участие 40 чел. — менеджеров коммерческой организации; 7 чел. выступили в качестве экспертов организационной культуры компании; всего в разных программах исследования участвовали 47 чел.

Результаты исследования

Согласно оценкам семи экспертов, четыре основных параметра организационной культуры исследуемой компании имели следующие количественные выражения: *вовлеченность* составляла 34,5 балла; *согласованность* — 26,0; *адаптивность* — 39,7; *миссия* — 43,6 балла. Согласно суждениям экспертов, доминирующими параметрами культуры компании в настоящее время являются адаптивность и миссия, субдоминантными — вовлеченность и согласованность.

Согласно описательным статистикам по одним изучаемым параметрам имела место умеренно выраженная межиндивидуальная вариативность, по другим — высокая: по возрасту (от 25 до 34 лет; $M = 30,1$; $CD = 2,9$)¹, стажу работы (от 1 до 19 лет; $M = 8,9$; $CD = 4,7$), стажу управленческой деятельности (0–9 лет; $M = 0,9$; $CD = 2,3$), семейному стажу (0–16 лет; $M = 3,7$; $CD = 4,5$; в браке состояли 50 % респондентов), числу детей в семье (0–2; $M = 0,6$; $CD = 0,8$), мужчины составляли 35 % диагностируемых (14 чел.). Показатели асимметрии и эксцесса по большей части переменных (за исключением стажа управленческой работы) не превышали [2,00] и чаще находились в пределах [1,00]. Таким образом, весь полученный нами эмпирический материал позволяет выдвигать и затем проверять наши рабочие гипотезы. Для факторного анализа использовались переменные, относящиеся к шкалам интервалов и отношений; для корреляционного и t-сравнения — все нас интересующие переменные.

При проведении факторного анализа было выделено *шесть факторов*, хорошо интерпретируемых, с собственным значением больше 1,00, объясняющих 79,9 % общей дисперсии. Объем общей объясняемой дисперсии и объясняемой первыми

четырьмя факторами дал основания нам считать наши эмпирические данные корректными.

1-й фактор (23,4 % дисперсии) с учетом корреляций переменных с фактором назван «*Удовлетворенность работой в компании при слабой мотивации*». Как следует из названия, 1-й фактор определяют возраст сотрудников выше среднего (для данной компании), реализация в семейной жизни, средний уровень внутренней мотивации и ниже среднего — общей, выраженный интерес к работе, удовлетворенность трудом и отношениями в коллективе, высокий уровень притязаний (табл. 1).

2-й фактор (16,2 % дисперсии) с учетом факторных «нагрузок» назван «*Высокая мотивация при слабой удовлетворенности работой в компании*». Содержательно он противоположен первому и формируется небольшим социальным опытом людей (лиц более молодого возраста, чаще не имеющих опыта семейной жизни), с высокой внутренней и общей мотивацией, но не удовлетворенных отношениями с коллегами и руководителями.

3-й фактор (14,4 % дисперсии) согласно вкладам анализируемых переменных назван «*Неудовлетворенность работой при внешней мотивации*». Этот фактор формируют люди выше среднего возраста, стаж работы и семейный стаж, ориентация на внешнюю мотивацию, при неудовлетворенности отношениями с руководителями, зарплатой, при избегании ответственности; фактор более типичен для рядовых работников компании.

4-й фактор (12,3 % дисперсии) соответственно факторным «нагрузкам» переменных назван «*Неудовлетворенность и немотивированность лиц с большим профессиональным опытом*». Его формируют представители выше среднего возраста, стаж работы и управленческий стаж, должностная позиция руководителей среднего и низового звена, у которых снижены интерес к работе и удовлетворенность ею, как и отношениями с подчиненными, но несколько привлекательно осознание своей профессиональной ответственности за процессы в компании.

5-й фактор (7,6 % дисперсии) назван «*Избирательная удовлетворенность руководителей низового и среднего звена*». Пятый фактор содержательно сходен с четвертым, но не связан с разным социальным опытом работников (чаще — руководителей низового звена); фактор характеризуется сочетанием сниженного интереса к работе, неудовлетворенностью зарплатой, еще остается несколько привлекательным осознание своей про-

¹ М – средние статистики; CD – стандартные отклонения.

фессиональной ответственности и сохраняется общая удовлетворенность от работы в компании.

6-й фактор (6,4 % дисперсии) назван «Диффузная удовлетворенность работников». Фактор более характерен для лиц выше среднего возраста, несколько удовлетворенных отношениями с коллегами и остро не удовлетворенных отношениями с руководителями, скорее в целом позитивно относящихся к своей работе. При использовании в дальнейших расчетах *t-сравнения* для независи-

мых групп статистически значимых различий между подгруппами в отношении тем «мотивация» и «удовлетворенность трудом» не выявлено. При делении выборки на две подгруппы по критерию возраста, стажу работы и стажу семейной жизни имели место только слабо выраженные тенденции. Ни по одному параметру удовлетворенности различия не достигали уровня статистической значимости.

Таблица 1. Результаты факторного анализа переменных социально-демографических особенностей менеджеров, их мотивации и удовлетворенности работой (n = 40 чел)

Переменные	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Возраст	,221	-,618	,554	,263		,213
Стаж работы			,385	,782		
Стаж управленческой деятельности			-,213	,854		
Должность			-,434	,620	,393	
Стаж семейный	,723	-,220	,408			
ВМ	,276	,899				
ВПМ			,691			
ВОМ	-,221	,897				
Интерес к работе	,737			-,209	-,304	
Удовлетворенность ДР	,716	-,251		-,231		
Удовлетворенность ВК		-,351	-,785			,261
Удовлетворенность ВР						-,940
Уровень притязаний ПД	,944					
Предпочтение РЗ		,385	-,334	-,233	-,584	,364
Удовлетворенность трудом	,944					
Профессиональная О			-,360	,369	,658	
Общая удовлетворенность трудом		,213			,788	
Дисперсия: 79,9%	23,4	16,2	14,1	12,3	7,6	6,4

Примечания (здесь и ниже): ВМ — внутренняя мотивация; ВПМ — внешняя положительная мотивация; ВОМ — внешняя отрицательная мотивация; Удовлетворенность ДР — удовлетворенность достижениями в работе; Удовлетворенность ВК - удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами; Удовлетворенность ВР — удовлетворенность взаимоотношениями с руководством; Уровень притязаний ПД — уровень притязаний в профессиональной деятельности; Предпочтение РЗ — предпочтение выполняемой работы зарплатку; Удовлетворенность условиями (труда).

Обсуждение результатов исследования

Результаты факторного анализа мы уточняли при обращении к результатам корреляционного анализа (позволяющего учитывать роль переменных, не относящихся к шкалам высокого уровня, позволяющего учитывать роль переменных, слабо коррелирующих с факторами). В целом, корреляционные матрицы отражают ту же картину, детализируя ее отдельные части (табл. 2). У сотрудников компании пол слабо коррелирует с возрастом (0,244), стажем работы (0,358); в данной компании женщины чаще занимают должностные позиции руководителей низового и среднего звена управле-

ния (-0,191) и имеют больший управленческий опыт (-0,256); женщины в большей степени мотивированы и удовлетворены работой, чем мужчины. Возраст сотрудников объяснимо сопряжен с большим социальным опытом — стажем работы, семейным стажем, состоянием в браке (но не с числом детей в семье); в данной компании возраст и стаж не способствуют должностному продвижению, но влияют на отрицательные связи с мотивацией и разные виды удовлетворенности. Сходные корреляционные плеяды характерны и для лиц, занимающих должностные позиции руководителей низового и среднего звена. Состояние в браке и стаж семейной жизни у сотрудников отрицатель-

но коррелируют с отрицательной мотивацией, с удовлетворенностью (в том числе зарплатой, отношениями с руководителями), положительно — с внешней положительной мотивацией; поддержи-

вают интерес к работе, высокий уровень притязаний, удовлетворенность трудом и отношениями с коллегами.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа переменных социально-демографических особенностей менеджеров, их мотивации и удовлетворенности работой (n = 40 чел)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Пол	-	,244	,358	-,256	-,191	-,548	-,128	-,021	-,007
2. Возраст	,244	-	,513	-,016	-,043	-,089	,183	,529	,051
3. Стаж работы	,358	,513	-	,440	,236	-,259	,079	,165	,186
4. Стаж управленческой деятельности	-,256	-,016	,440	-	,672	,155	,047	-,164	,175
5. Должность	-,191	-,043	,236	,672	-	,229	-,095	-,289	-,060
6. Образование	-,548	-,089	-,259	,155	,229	-	,220	,205	,013
7. Брак	-,128	,183	,079	,047	-,095	,220	-	,395	,320
8. Стаж семейный	-,021	,529	,165	-,164	-,289	,205	,395	-	,533
9. Дети	-,007	,051	,186	,175	-,060	,013	,320	,533	-
10. VM	-,247	-,390	-,186	-,037	-,245	-,079	,020	,070	,153
11. ВПМ	,021	,292	-,006	-,124	-,237	,125	,095	,240	,155
12. WOM	-,289	-,402	-,072	,224	-,077	-,181	-,191	-,227	-,071
13. Интерес к работе	-,031	,106	-,162	-,291	-,283	,195	,320	,476	,096
14. Удовлетворённость ДР	-,144	,334	-,136	-,196	-,328	,337	,360	,604	,169
15. Удовлетворённость ВК	-,149	-,149	-,343	,079	,407	,219	-,076	-,163	-,053
16. Удовлетворённость ВР	,311	-,136	-,085	-,104	-,044	-,015	,006	-,102	,090
17. Уровень притязаний ПД	-,314	,103	,000	,011	-,091	,201	,442	,576	,592
18. Предпочтение РЗ	,011	-,364	-,250	-,063	-,246	,081	-,185	-,211	-,184
19. Удовлетворённость условиями	-,314	,103	,000	,011	-,091	,201	,442	,576	,592
20. Профессиональная ответственность	-,429	-,179	-,003	,492	,574	,137	,144	-,258	-,145
21. Общая удовлетворённость трудом	-,374	-,179	-,066	,059	,210	,027	-,011	-,114	,045

С учетом «поправок», которые можно делать на основании результатов корреляционного анализа и *t-сравнения*, содержание шести выделенных факторов можно, дополняя, описать так. *Первый* фактор в большей степени характерен для *мужчин*, сравнительно давно состоящих в браке, имеющих детей. У них слабо выраженная внутренняя мотивация, крайне слабая внешняя отрицательная сочетается с выражено избирательной удовлетворенностью трудом, своего рода ауто-удовлетворенностью — лишь трудом и своими достижениями, при высоких притязаниях и сохранности интереса, удовлетворенностью отношениями с коллегами, но не с руководителями.

Второй фактор типичен для женщин, занимающих низовые должностные позиции, не состоящих в браке, не имеющих детей. Скорее именно нереализованность в семейной сфере и побуждает их к активной работе, впрочем, не приносящей желаемого удовлетворения. Здесь имеет место явный диссонанс — при высокой мотивации труда отсутствие полноценной удовлетворенности им. Свои перспективы карьеры, профессионального разви-

тия они не видят, их выраженная мотивация скорее самообман.

Третий фактор более типичен для мужчин старшего возраста, реализованных в семье, но занимающих низовые должностные позиции в компании, реагирующих лишь на внешние воздействия, тотально неудовлетворенных своей работой в компании.

Четвертый фактор также более типичен для мужчин, но у которых умеренно успешно складывается карьера (чаще при их реализованности в семейной сфере); эти менеджеры слабо мотивированы и «глухо» не удовлетворены работой в компании, их деятельность поддерживает лишь осознание своей профессиональной ответственности.

Пятый фактор отражает отношения менеджеров — мужчин и женщин — с умеренно успешной карьерой (карьерой в ущерб их реализации в сфере семьи), менеджеров, слабо мотивированных, не удовлетворенных разными условиями среды организации, но которых поддерживает осознание своей ответственности в рамках должностных обязанностей.

Шестой фактор более типичен для мужчин. Эту категорию менеджеров емко и образно называют «офисный планктон».

Итак, на основании результатов статистических расчетов можно выделить несколько групп менеджеров (мужчины / женщины, карьерно успешные / малоуспешные, реализованные в сфере семьи / не реализованные) с учетом их отношений к изменению среды организации, несколько типов реагирования: 1) остро реагирующие; 2) диффузно реагирующие; 3) с «глухим» неприятием изменений среды; 4) избирательно реагирующие на изменения.

Парадоксальные и «нелогичные» корреляции и структуры факторов во многом объясняются «историей вопроса» на данном предприятии. В течение трех лет экс-руководитель подразделения активно занимался формированием коллектива, вовлечением людей в совместную работу. При очередном изменении формальной структуры компании руководитель подразделения получил назначение на другую, более высокую должность. Его сменивший менеджер в короткое время — менее чем за год — в рассматриваемом филиале компании фактически разрушил все позитивные «наработки» своего предшественника. Снижение роли неформальных отношений и усиление статуса формальных критериев в оценке работ и самих работников очень быстро привели к общему снижению мотивации и удовлетворенности работой как рядовых менеджеров, так и руководителей низового и среднего звена.

В нашем анализе более важно, пожалуй, не само по себе такое снижение, а то, представители каких социальных групп оказались более «реактивными» или более «толерантными» к усилению формализации отношений в подразделении «по вертикали». Другими словами, вопрос сводится к тому, в какой степени эти эффекты зависят от тех или иных социально-демографических и профессионально-должностных характеристик работников, являются ли они «системными эффектами» или же случайными реакциями людей на изменения среды организации.

Также неожиданными и на первый взгляд парадоксальными нам показались как интеркорреляции разных видов мотивации, так и связи разных видов мотивации и удовлетворенности. Внешняя положительная мотивация оказалась не связанной с другими видами, тогда как внутренняя и внешняя отрицательная тесно коррелировали положительно (0,774). Внутренняя мотивация слабо (0,151 и 0,181) связана с интересом к работе, с уровнем притязаний, с предпочтением рабо-

ты заработку и общей удовлетворенностью. Внешняя положительная мотивация слабо отрицательно связана с удовлетворенностью взаимоотношениями с коллегами. Более логичны отрицательные связи внешней отрицательной мотивации со всеми видами удовлетворенности. В «норме» эти отношения должны находиться в большей согласованности [Прохорова М.В., 2016, 2017; Прохорова М.В., Прохоров В.М., 2016; Толочек В.А., 2016, 2017; др.].

Как отмечалось выше, все эмпирические данные характеризовались достаточной вариативностью. Выявленные парадоксальные связи мотивации и удовлетворенности также можно объяснять особенностями субкультуры исследуемой организации. Корпоративную культуру понимают как сложившийся в организации способ интеграции сотрудников, основанный на системе отношений сотрудников к работе, к друг другу (по вертикали и горизонтали организационной иерархии), к своей организации и внешней по отношению к организации среде [Fey C.F., Denison D.R., 2003; Denison D.R., Mishra A.K., 2006]. В культуре компании, выступавшей моделью для изучения, согласно суждениям экспертов, слабо представлены вовлеченность сотрудников в жизнедеятельность организации, согласованность их взаимодействий по «вертикали» и по «горизонтали», адаптивность — как готовность и способность быстро изменять свое поведение при изменении задач и ситуаций внешней и внутренней среды организации; миссия — как знание и декларации направленности деятельности компании в большей мере разделяются всеми сотрудниками, чем другие составляющие ее культуры.

Напомним, что, согласно оценкам экспертов, доминирующими параметрами культуры компании в настоящий момент времени являются адаптивность и миссия, субдоминантными — вовлеченность и согласованность. Но первый параметр определяется родом деятельности организации, второй — декларациями, тогда как третий и четвертый определяют статус и психологию поведения людей.

Таким образом, парадоксальные искажения ожидаемых положительных связей мотивации и удовлетворенности можно также объяснять ролью фактора изменяющейся субкультуры, «снимающей» закономерности непосредственного уровня и формирующей отношения переменных (а следовательно, и людей) в рамках данной коммерческой организации. Примечательны и результаты t-сравнения, отличающиеся сравнительно небольшими межгрупповыми вариациями. Скорее мы

наблюдаем общую или сходную реакцию сотрудников компании на изменения ее среды, ее субкультуры, точнее — ухудшение этой среды в восприятии всех сотрудников. В числе конкретных проявлений этого ухудшения — падение исполнительской дисциплины, учащение конфликтов между сотрудниками, рост напряженности в их отношениях с руководством, сокращение клиентской базы организации. На наш взгляд, все эти проявления следует рассматривать как «предикторы» падения производительности труда на данном предприятии. В целом, данный кейс может иметь значение при комплексных исследованиях производительности труда на российских предприятиях.

Выводы:

1. Результаты, полученные при использовании разных статистических методов (описательной статистики, корреляционного и факторного анализа, t-сравнения), согласуются между собой, взаимно подтверждают, уточняют и дополняют друг друга.

2. Карьерно более успешные сотрудники компании более «толерантны» к сложившимся в подразделении средствам и формам мотивирования; разные виды мотивации — как внутренней, так и внешней у многих сотрудников слабо представлены. С возрастом, с продвижением по должностным позициям, с полной реализацией в семейной сфере роль типовых сложившихся в компании средств и форм мотивирования сотрудников ослабевает.

3. Анализируемые группы переменных — мотивации, интереса к работе и удовлетворенности ею, отношениями в организации — у сотрудников коммерческой организации выступают как сравнительно независимые переменные.

4. Вместе с тем все они сказываются на таком интегративном показателе, как уровень производительности труда в организации.

Список литературы

Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2011. 160 с.

Ильин Е.П. Работа и личность: трудоголизм, перфекционизм и лень. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

Магура М.И. Секреты мотивации, или мотивация без секретов // Управление персоналом. 2007. № 13. С. 14–18.

Прохорова М.В., Прохоров В.М. Особенности внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 3. С. 53–57.

Прохорова М.В. Особенности структур мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 3. С. 321–325.

Прохорова М.В. Смыслообразующие мотивы трудовой деятельности женщин и мужчин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, № 3. С. 314–318.

Реан А.А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 255 с.

Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2016. 480 с.

Толочек В.А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 262 с.

Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Ин-т психотерапии. 2002. 490 с.

Denison D.R., Mishra A.K. Toward a Theory of Organizational Culture and Effectiveness // Organization Science. 2006. Vol. 2. P. 204–223.

Fey C.F., Denison D.R. Organizational Culture and Effectiveness: Can American Theory Be Applied in Russia? // Organization Science. 2003. Vol. 14, iss. 6. P. 686–706.

Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55(1). P. 68–78.

Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. N.Y.: The Guilford Press, 2017. 756 p.

Получено 04.07.2018

References

Denison, D.R. and Mishra, A.K. (2006). Toward a Theory of Organizational Culture and Effectiveness. *Organization Science*. Vol. 2, pp. 204–223.

Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. and Manuylov G.M. (2002). *Sozialno-psichlogicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti I malyh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy, 490 p.

Fey, C.F. and Denison, D.R. (2003). Organizational Culture and Effectiveness: Can American Theory Be Applied in Russia? *Organization Science*. Vol. 14, iss. 6, pp. 686–706.

Ilin, E.P. (2011). *Rabota i lichnost: trudogolizm, perfekcionizm i len* [Work and personality: workaholicism, perfectionism and laziness]. Saint Petersburg: Piter Publ., 224 p.

Magura, M.I. (2007). *Sekrety motivatsii, ili motivatsiya bez sekretov* [Secrets of motivation, or motivation without secrets]. *Upravlenie personalom* [Human resource management]. No. 13, pp. 14–18.

Prokhorova, M.V. (2016). *Osobennosti struktur motivatsii trudovoy deyatel'nosti zhenshin i muzhchin* [Features of structures of motivation of labor activity of women and men]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psichlogiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 16, no. 3, pp. 321–325.

Prokhorova, M.V. (2017). *Smisloobrazuyuschie motivi trudovoy deyatel'nosti zhenshin i muzhchin* [Sense-forming motives of labor activity of women and men]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psichlogiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 17, no. 3, pp. 314–318.

Prokhorova, M.V. and Prokhorov, V.M. (2016). *Osobennosti vnutrenney i vneshney motivatsii trudovoy deyatel'nosti zhenshin i muzhchin* [Features of internal and external motivation of labor activity of women and men]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrosova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University]. Vol. 22, no. 3, pp. 53–57.

Rean, A.A. (2006). *Psichlogiya i psichlodiagnostika lichnosti: Teoriya, metody issledovaniya, praktikum* [Psychology and psychodiagnosics of personality: Theory, methods of research, practical work]. Saint Petersburg: Praym-Evroznak Publ., 255 p.

Ryan, R.M. and Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. Vol. 55(1), pp. 68–78.

Ryan, R.M. and Deci, E.L. (2017). *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: The Guilford Press, 756 p.

Tolochek, V.A. (2017). *Psichlogiya truda* [Psychology of work]. Saint Petersburg: Piter Publ., 480 p.

Tolochek, V.A. (2017). *Professional'naya kariera kak sozialno-psichologicheskiy fenomen* [Professional career as a socio-psychological phenomenon]. Moscow: Institute of Psychology RAS, 262 p.

Vodopianova, N.E. (2011). *Profilaktika i korrektsiya sindroma vygoraniya* [Prevention and correction of burn-out syndrome]. Saint Petersburg: SPbSU Publ., 160 p.

Received 04.07.2018

Об авторах

Кузнецова Елена Викторовна
директор филиала

ООО «МастерПост»,
109316, Москва, Волгоградский пр., 42/23;
e-mail: klena2611@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8452-9563

Толочек Владимир Алексеевич
доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: tolochekva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1378-4425

About the authors

Elena V. Kuznetsova
Head of Branch

LLC «MasterPost»,
42/23, Volgogradsky av., Moscow, 109316, Russia;
e-mail: klena2611@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8452-9563

Vladimir A. Tolochek
Doctor of Psychology, Professor,
Leading Researcher

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaia str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: tolochekva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1378-4425

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецова Е.В., Толочек В.А. Профессиональная карьера менеджеров: среда организации, стиль руководства, динамика мотивации и удовлетворенности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 429–436. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-429-436

For citation:

Kuznetsova E.V., Tolochek V.A. Professional career of managers: the environment of the company, the style of management, the dynamics of motivation and job satisfaction // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 429–436. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-429-436

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7(4)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-437-449

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ***Шишкина Евгения Владимировна**Санкт-Петербургский государственный университет**Викторова Елена Владимировна**Санкт-Петербургский государственный экономический университет*

Процесс формирования европейской идентичности в контексте интеграционных процессов в ЕС исследуется на протяжении примерно двадцати лет. В статье приводятся данные об актуальных направлениях европейских исследований в России: изучение особенностей формирования наднациональной идентичности в Европейском союзе (условия, факторы, структура, компоненты и этапы формирования европейской идентичности); изучение гражданского общества и социальной политики в ЕС как базовых институциональных форм реализации проекта европейской идентичности; анализ социокультурных аспектов европейской идентичности (языковая политика, образование, семиосфера европейской идентичности) и др. Актуальность подобных исследований обусловлена тем, что интеграционные процессы в ЕС являются нелинейными и разнотемными. Динамика европейской интеграции свидетельствует о сложной взаимосвязи институциональных и культурных факторов данного процесса. Кроме того, европейская идентичность как политический проект Евросоюза в настоящее время подвергается серьезным испытаниям. Полагаем, что в этих условиях важен анализ содержания и направленности научного и медийного дискурсов. Причем наиболее актуальными, на наш взгляд, являются культурные аспекты данных дискурсов. Это предполагает оценку того, как происходит осмысление истории европейских государств, общеевропейских культурных ценностей, проблемы языкового многообразия в контексте конструирования европейской идентичности, как происходит налаживание межкультурного диалога, внедрение единой системы образования (в том числе через Болонский процесс). Данные вопросы активно обсуждаются в рамках научного дискурса. Несмотря на то что медийный дискурс редко прибегает к использованию концепта «европейская идентичность», содержание и направленность обсуждаемых вопросов в научном и медийном дискурсах в целом совпадают.

Ключевые слова: европейская идентичность, европейская интеграция, научный дискурс, медийный дискурс, культурные аспекты дискурса.

CULTURAL ASPECTS OF THE EUROPEAN IDENTITY DISCOURSE*Evgenia V. Shishkina**Saint Petersburg State University**Elena V. Viktorova**Saint-Petersburg State University of Economics*

The process of the European identity formation in the context of integration processes in the EU has been studied for the last twenty years. The article contains data on the current aspects of European research in Russia: the study of the specifics of the supranational identity formation in the European Union (conditions, factors, structure, components and stages of the formation of European identity); the study of civil society and social policy in the EU as the basic institutional forms of implementing the project of European identity; analysis of

the socio-cultural aspects of European identity (language policy, education, the semiosphere of European identity), etc. The relevance of such studies is explained by the fact that the integration processes in the EU are non-linear and multi-speed. Moreover, the dynamics of European integration prove the complex interrelationship between the institutional and cultural factors of this process. European identity as a political project of the European Union is facing troubles currently. In these conditions it is important to assess the content and direction of the scientific and media discourses. At the same time, the most relevant, in our opinion, are the cultural aspects of these discourses. That involves an assessment of the way how the history of European states, European cultural values, the problems of linguistic diversity in the context of a European identity construction are interpreted, how the intercultural dialogue is set up, and a unified education system is implemented (including through the Bologna process). These issues are actively discussed within the framework of scientific discourse. Despite the fact that media discourse rarely uses the concept «European identity», the content and focus of these issues discussed in the scientific and media discourses on the whole coincide.

Keywords: European identity, European integration, scientific discourse, media discourse, the cultural aspects of the discourse.

Динамика европейской интеграции является свидетельством взаимосвязи институциональных и культурных факторов этого сложного процесса. Стратегия формирования институциональной структуры единой Европы, при относительной эффективности проводимых в ее рамках унификационных политик, не дала ожидаемых эффектов в решении проблемы обеспечения социально-экономической стабильности и безопасности в регионе. Преодоление рисков, сопряженных с возникновением в Европе потенциальных очагов агрессивного этнического национализма, связывается сегодня с разработкой инновационного дискурса, укреплением позиций ЕС как влиятельного глобального актора мировой политики.

Трудности европейского тренда унификации общеевропейской культурной идентичности, формируемой на основе политических идей, норм и стандартов демократической гражданской культуры, объясняются многообразием культурных идентичностей стран, входящих в Европейское сообщество, различиями в соотношении культурных и политических компонентов в структуре национальной идентичности этих обществ.

Материал данной статьи подготовлен в рамках реализации проекта № 575471-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT «Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения»¹. Актуальная картина европейской идентичности формировалась на основе анализа содержания и направленности научного и медийного дискурсов. При

этом основное внимание было сосредоточено на изучении культурных аспектов данных дискурсов.

Научный и медийный дискурсы европейской идентичности

Научный дискурс — это специфический для науки способ организации речевой деятельности. Чаще всего, характеризуя научный дискурс, говорят об особенностях научного стиля и о тематике исследований, публикуемых на страницах научных журналов. Остановимся на дискурсе европейской идентичности в отечественной научной мысли. В России сложилось несколько научно-исследовательских центров изучения интеграционных процессов в Европе — так называемая российская школа европейских исследований. Среди крупных научно-исследовательских центров изучения европейских интеграционных процессов советского периода можно назвать ИМЭМО АН СССР, ИНИОН АН СССР, МГИМО МИД СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт Европы в АН СССР (1987 г.).

Современные исследовательские центры в России:

- Ассоциация европейских исследований (28 отделений);
- Межрегиональный институт общественных наук;
- Европейский учебный институт при МГИМО;
- Российско-европейские центры ЕС (в 6 городах);
- Центры Превосходства и кафедры им. Жана Монне.

Программа Европейской комиссии «Erasmus+» (ранее программа Jean Monnet). Программа предусматривает обеспечение высочайшего качества преподавания, исследования, анализа и диалога в области дисциплин по европейской инте-

¹ Информация о проекте на официальной странице Санкт-Петербургского государственного экономического университета: URL: <http://unecon.ru/formirovanie-sovremennoy-evrop-identichnosti>.

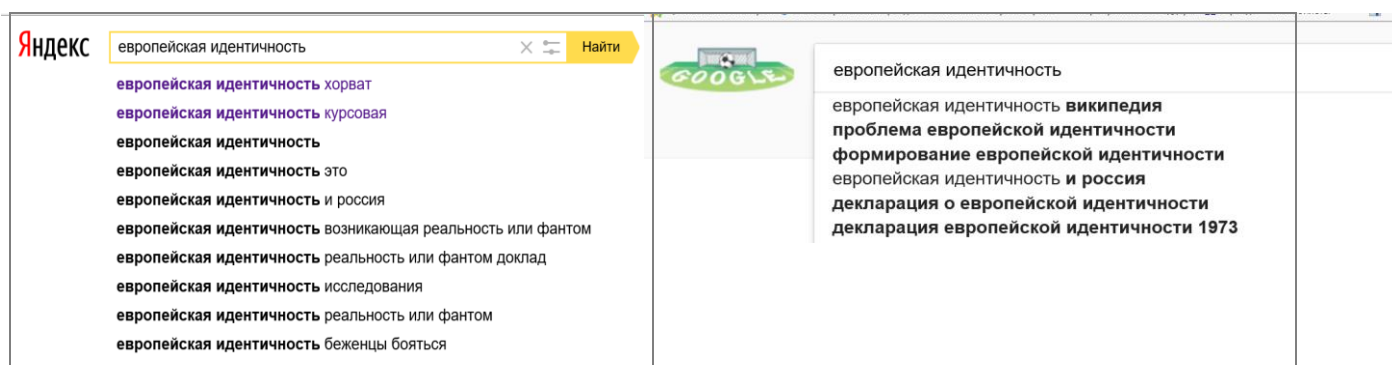
грации в высших учебных заведениях разных стран в ЕС и за его пределами.

Исследования проводятся экономистами, политологами, специалистами по европейской безопасности и европейскому праву, культурологами и религиоведами, историками и социологами в следующих городах: Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Нижний Новгород, Пермь, Томск, Петрозаводск, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Ростов-на-Дону, Казань и др.

Благодаря усилиям Ассоциации европейских исследований (АЕВИС) в стране сформировалась исследовательская среда: эксперты различных научных центров, преподаватели университетов, представители учреждений МИД тесно сотрудни-

чают друг с другом. Совместно осуществляются исследовательские международные проекты, проводятся конференции, издаются научные российские и международные труды. На регулярной основе молодые эксперты проходят стажировку в ведущих научных центрах ЕС [Европейские исследования... 2017; Региональные отделения АЕВИС...].

На первом этапе анализа научного дискурса мы посмотрели, какие варианты запроса предлагают две поисковые системы — Яндекс и Google — при вводе концепта «европейская идентичность». Выявилось совпадение по двум ключевым словам: «европейская идентичность», «европейская идентичность и Россия» (рисунок).

«Выпадение» вариантов ключевых слов по запросу «европейская идентичность» в строке поиска Яндекс и Google

Google ориентирует читателя на рассмотрение вопросов содержания, формирования европейской идентичности, правовых сюжетов, а также актуального состояния европейской идентичности (кризис, проблема взаимосвязи ЕС и России, проблема миграции). Яндекс же отсылает нас к проблематике исследований по европейской идентичности (европейская идентичность — реальность или фантом, исследования европейской идентичности, кейс, связанный с беженцами). Количество публикаций по обозначенным темам в данных поисковых системах отражено в табл. 1.

Таким образом, в обоих случаях преобладают публикации, позволяющие определить, что понимается под европейской идентичностью, далее следуют публикации по европейской идентичности в контексте проблемы взаимосвязи ЕС и России. Меньше всего публикаций, касающихся дискурса кризиса европейской идентичности.

Далее мы обратились к крупнейшей в России электронной библиотеке научных публикаций eLIBRARY.RU и задали поиск по предложенным системами Яндекс и Google ключевым словам.

Количество статей по каждой категории представлено в табл. 2.

Итак, количественный анализ публикационной активности научного сообщества по проблемам европейской идентичности показал, что простое упоминание словосочетания «европейская идентичность» преобладает, т.е. данная дефиниция активно обсуждается или упоминается. В структуре данных упоминаний нас интересуют культурные аспекты дискурса европейской идентичности. Чаще всего они раскрываются через обсуждение европейских ценностей, что вполне справедливо, так как исторически именно на них акцентировали свое внимание идеологи проекта европейской идентичности, особенно на начальных этапах евроинтеграции. Вопросы, связанные с культурной политикой ЕС, вышли на повестку дня значительно позднее.

Таблица 1. Результаты поиска по ключевым словам в поисковых системах Яндекс и Google

	<i>Тематика публикаций</i>	<i>Google</i>	<i>Яндекс</i>
1	Европейская идентичность	8 210 000	19 млн
2	Европейская идентичность и Россия	8 080 000	67 млн
3	Исследования европейской идентичности	5 700 000	38 млн
4	Проблемы европейской идентичности	5 230 000	42 млн
5	Формирование европейской идентичности	3 090 000	33 млн
6	Миграционный кризис в Европе	3 080 000	40 млн
7	Кризис европейской идентичности	1 950 000	31 млн

Таблица 2. Результаты поиска по ключевым словам в eLIBRARY.RU (общее количество статей в системе — 30694144)

	<i>Параметры запроса</i>	<i>Количество статей</i>
1	Европейская идентичность	66 893
2	Европейские ценности	1981
3	Проблемы европейской идентичности	345
4	Европейская идентичность и Россия	263
5	Формирование европейской идентичности	247
6	Исследование европейской идентичности	222
7	Культурная политика в ЕС	155
8	Кризис европейской идентичности	101
9	Структура европейской идентичности	55
10	Критерии европейской идентичности	20
11	Проблемы миграции и европейского национализма	6

Продолжая оценивать содержание и направленность научного дискурса европейской идентичности, все поле исследовательских работ по данной тематике можно сгруппировать следующим образом:

работы, связанные с изучением интеграционных процессов в ЕС, условиями и факторами формирования наднациональной идентичности в Европейском союзе; описанием ее структуры, компонентов, этапов и факторов ее формирования;

работы, где рассматриваются вопросы возникновения новой европейской гражданственности как основного фактора легитимности существования ЕС; социальная политика в ЕС как отражение ориентиров и результатов формирования европейской идентичности;

работы, посвященные акторам, формам и направлениям европейской политики идентичности ЕС: европеизации публичной сферы ЕС, влиянию СМИ на европейскую идентичность, европеизации образования, формированию знаний о Европе, языковой политике, политике памяти, роли символов, необходимых для создания семиосферы европейской идентичности.

Несмотря на огромное количество статей по европейской идентичности, которое на сегодняшний день исчисляется уже не сотнями, а тысячами (см. табл. 2), в вопросе определения европейской идентичности до сих пор нет единого понимания. Сегодня ни политические, ни научные, ни медийные сообщества не пришли к единой конвенции, которая бы задавала контуры понимания того, что есть европейская идентичность [Берендеев М.В., 2012]. Понятие «европейская идентичность» употребляется в различных контекстах: историческом, политическом, социальном. Процесс формирования европейской идентичности прослеживают со времен раннего Средневековья, поскольку именно в эту эпоху возникают культурные коды европейца [Ле Гофф Ж., 2008]. Безусловно, то, что тогда трактовалось как «европейское», сегодня выглядит иначе. В сфере публичной дискуссии и в экспертной литературе понятие «европейская идентичность» трактуется, прежде всего, как самоидентификация жителей европейских стран с Евросоюзом (гражданством ЕС и другими его институтами) [Критерии европейской идентичности..., Семенов И.С., 2014, с. 7–8]. Именно с момента создания Европейского союза вопрос о

европейской идентичности актуализировался для европейцев.

Итак, наиболее распространенным представлением является следующее: европейская идентичность — это самосознание граждан Евросоюза, по своему содержанию это, прежде всего, политическая идентичность Европейского Союза [A soul for Europe..., 2001]. Политические цели в процессе формирования наднациональной идентичности (европейской) основывались и на довольно прочных объективных предпосылках — прежде всего это общность исторических судеб народов континента, их социокультурная близость [Беляева Е.Е., 2012]. Далее кратко рассмотрим историю конструирования европейской идентичности в условиях интеграционных процессов, происходивших в Европе после Второй мировой войны.

История конструирования европейской идентичности

Впервые понятие «европейская идентичность» документально зафиксировано в «Декларации о европейской идентичности» («Declaration on European identity») [Declaration on European Identity, 1973], подписанной на саммите стран Европейского экономического сообщества в Копенгагене в 1973 г. (ЕЭС-9). Ни в одном из прежних текстов Сообщества не сообщалось об общеевропейском самосознании [Gfeller A.E., 2012, p. 74–75]. В декларации говорится что, несмотря на вражду и конфликты в прошлом, европейские страны имеют общие цели и интересы. Это должно способствовать объединению Европы и созданию общеевропейских институтов. Основными элементами европейской идентичности в Декларации называются представительная демократия, верховенство закона, социальная справедливость, экономический прогресс и права человека.

С 1980-х гг. европейская политика идентичности осваивает символическое поле: утверждены символы единой Европы — флаг (синее прямоугольное полотнище, в центре которого по кругу размещались 12 золотых звезд), гимн (фрагмент Девятой симфонии — «Ода радости» Людвиг Ван Бетховена), общий праздник — «День Европы», который отмечается 9 мая. В 1984 г. во время очередного саммита, на этот раз в Фонтенебло (ЕЭС-10), была проведена первая совместная конференция Сообщества, где разработаны рекомендации по созданию автономных региональных органов и установлению прямых контактов между ними и европейскими институтами. Созданные в рамках саммита соответствующие институциональные

структуры приступили к разработке стратегии формирования европейской идентичности. В этот период европейской интеграции приходит понимание роли культуры как основы формирования общей европейской идентичности [Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., 2007].

В Маастрихтском «Договоре о Европейском Союзе», подписанном на саммите 1991–1992 гг. (ЕС-12), тезисы копенгагенской декларации были дополнены. В частности, там подчеркивалась важность проведения общей внешней политики, уважения Союзом национальной самобытности стран-членов. С этого момента акцентируется внимание на значимости единой *культурной политики* ЕС, поскольку стало понятно, что без социокультурных скрепов политический союз не способен создать глубинные основы интеграции разных в этническом отношении стран. Важным аспектом культурной составляющей стратегии европейской интеграции стала идея европейского гражданства как основы дальнейшего конструирования европейской идентичности. Европейская комиссия инициирует изучение идентичности граждан Евросоюза.

На современном этапе, учитывая разнообразие внутреннего пространства (28 стран, 23 официальных языка, десятки народов и народностей, религиозное разнообразие, разный уровень экономического развития, характер политического устройства), ЕС делает упор на формировании гражданской нации как политической наднациональной общности. В основе идентичности ЕС лежит идея «размытой государственности» с опорой на гражданство ЕС, а деятельность институтов ЕС направлена на сочетание элементов культурно-социальной и гражданской идентичности для расширения поля символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС [Дериглазова Л.В., 2014, с. 199]. Социокультурный и социально-политический уровни европейской идентичности пока находятся на начальном этапе формирования. Тем не менее значительное число граждан ЕС, как показывают результаты социологических опросов, отмечают свою принадлежность не только к конкретному государству, но и к большому объединению — Европейскому союзу. Однако укрепление наднациональности в процессе социально-политической и социокультурной интеграции ЕС осложняется несколькими факторами, в том числе расширением Евросоюза, включением в него новых государств [Гончарук Н.С., 2009, с. 3–4].

Итак, история конструирования европейской идентичности свидетельствует, что она является политическим проектом, связанным с необходи-

мостью усиления и легитимации европейской интеграции. Политические элиты ЕС стремились и стремятся надстроить «европейскую идентичность» над существующими национальными и этническими идентичностями. Говоря о деятельности ЕС по конструированию европейской идентичности, важно выделить ее цели. Они состоят в формировании у людей, проживающих на территории ЕС, сознания своей принадлежности к единому общеевропейскому пространству, а также чувства гордости за гражданство в ЕС; комплекса знаний, представлений и понятий о том, как различные культуры могут быть интегрированы в общественную жизнь единого пространства ЕС, не теряя при этом своей самобытности и уникальности.

По мнению некоторых исследователей, сегодня в ЕС идентичность является двойной проблемой. Во-первых, существует потребность в идентичности на уровне Союза. Эта идентичность должна быть ясной и понятной как в ЕС, так и за его пределами. Во-вторых, необходимо структурно интегрировать Европу не только на уровне политик, экономик, но и на уровне существующих национальных идентичностей [Берендеев М.В., 2012, с. 71].

Характеризуя европейскую идентичность как явление, ученые выделяют два уровня в ее структуре: этнонациональные идентичности и идентичность граждан государств — членов ЕС. Ввиду наличия двух уровней в структуре европейской идентичности традиционная для Европы идентичность размывается: одна ее часть как бы переходит на уровень Европейского союза и европейских институтов; другая часть приобретает и усваивается регионами — с этим связано оживление региональных движений в ряде стран Европы. Г.И. Вайнштейн в своей работе «Европейская идентичность: желаемое и реальное» отмечает, что европейская идентичность не предполагает вытеснения национального самосознания и замену его каким-либо иным видом идентификации, в то время как настоящей целью является формирование «двойного» типа принадлежности [Вайнштейн Г.И., 2009, с. 124].

Некоторые исследователи рассматривают европейскую идентичность как феномен, возникший в противовес национальным чувствам. Но большинство ученых полагают, что европейская идентичность и национальные идентичности, напротив, совместимы и положительно коррелируют. Райс предлагает несколько вариантов совместимости и взаимодействия между разными идентичностями — модели «мраморный пирог» и «матреш-

ка». Модель «матрешка» показывает многоуровневые идентичности, которые накладываются и содержат элементы друг друга. Любое изменение в одном слое приведет к изменениям в другом. В концепции «мраморного пирога», наоборот, взаимодействие между многочисленными переплетающимися политическими идентичностями не выражено.

Формирование европейской идентичности — это не только процесс целенаправленного конструирования. Помимо «вертикальной» идентификации себя с политическим образованием, важным показателем идентичности является «горизонтальная» идентификация с другими представителями данного сообщества, т.е. солидарность. Солидарность граждан ЕС проявляется на разных уровнях и в различных формах, например, в желании создавать семью с гражданами стран ЕС или готовности оказывать помощь другим странам Евросоюза, в том числе военную. Становление идентичностей может происходить в процессе социального взаимодействия разного рода социальных групп (представители элитных групп, бизнеса, экспертного сообщества, гражданских и культурных инициатив), выстраивания социальных сетей, обмена товарами и услугами, через политический торг и мобилизацию [Семененко И.С., 2014, с. 14].

Идентичность, формируемая на уровне ЕС, безусловно, является «подвижным» конструктом. По оценке С.М. Хенкина, для гражданской идентичности среднестатистического человека, проживающего в ЕС, характерна разделенная лояльность — множественность форм самоидентификации [Хенкин С., 2014]. Постепенно складывается понимание того, что европейская идентичность носит множественный, многоуровневый характер, включая национальную, этническую, региональную и другие компоненты.

О кризисе европейской идентичности, или о факторах, затрудняющих формирование наднациональной идентичности

Экономический кризис 2014 г. вывел на повестку дня дискурс о кризисе европейской идентичности. Он вызван в том числе внутренними причинами, а не является следствием исключительно «мусульманского фактора». Основными факторами, тормозящими процесс формирования европейской идентичности, являются следующие:

1. Размытость понятия «европейская идентичность». В общественном мнении нет ясности относительно того, что такое Европа и что значит «быть европейцем» (это все население стран пространства от Атлантики до Урала? Являются ли

жители Турции европейским народом? Европейцы — это жители стран — членов Евросоюза или жители всех государств, расположенных на территории континента?) [Вайнштейн Г.И., 2009].

2. Падение влияния христианства, секуляризация массового сознания жителей европейских стран, культурный фактор (уникальность исторического опыта разных государств и, что особенно важно, устойчивая память о конфликтах, порой кровопролитных и оборачивавшихся национальными трагедиями для европейских народов) [Enyedi Z., 2003; Menendez A., 2005].

3. Языковая разобщенность. Язык является одним из главных смыслообразующих элементов идентичности, через него формируется групповое сознание. Хотя политическая элита общается между собой на английском языке, это не значит, что все народы стран — членов ЕС интегрированы в языковом отношении. В ЕС 23 официальных языка: английский, болгарский, венгерский, голландский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латвийский, литовский, мальтийский, немецкий, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, французский, чешский, шведский и эстонский. Нормативно-правовые акты и законы парламента публикуются на всех официальных языках ЕС.

4. Вступление в ЕС новых членов, еще больше расширяющее европейское пространство и порождающее новые конфликты. Ситуацию усугубил глобальный финансово-экономический кризис, обнаживший глубокое неравенство между богатыми и бедными государствами (в том числе и в пределах ЕС).

5. Незавершенность процесса политической интеграции в ЕС, в том числе в силу значительного разнообразия форм политического устройства (парламентские и президентские республики, конституционные монархии, которые различаются и по партийным системам, и по формам политико-территориального устройства). Европейские государства не хотят поступаться многими суверенными правами в пользу наднациональных структур.

6. Рост регионального самосознания, особенно в полиэтничных странах с федеративным типом государственного устройства. Кроме того, регион — это очень важный элемент в многослойной структуре ЕС, поскольку решения, на каком бы уровне власти они ни принимались, реализуются непосредственно в том или ином регионе (принцип субсидиарности, лежащий в основе политики ЕС).

7. Массовые миграционные потоки в страны ЕС. Усложнение ситуации на континенте в этническом, расовом и религиозном аспектах подтачива-

ет культурно-цивилизационную гомогенность западных обществ и становится мощным препятствием на пути формирования европейской идентичности.

В настоящее время в условиях культурного многообразия на небольшом пространстве ЕС в процессе конструирования европейской идентичности особое внимание уделяется ее социокультурным аспектам:

осмысление *истории* европейских государств;

осмысление *общеевропейских культурных ценностей*;

осмысление проблемы языкового многообразия в контексте конструирования европейской идентичности;

налаживание межкультурного диалога;

внедрение европейского *образования* (в том числе через *Болонский процесс*), благодаря которому возможно понять и принять не только культурную специфику своего этноса, но и все культурное многообразие ЕС. Европейское образование необходимо для становления европейской идентичности по аналогии с тем, как шел процесс формирования национальных идентичностей благодаря повсеместному распространению всеобщего начального и среднего образования в странах Европы;

доступность информации (открытые источники информации о культурной специфике народов ЕС и всего мира, расширенный доступ к культурным ценностям), создание и общественное финансирование *общеевропейских СМИ*, выходящих за рамки новостных.

Медийный дискурс европейской идентичности

В контексте изучения европейской идентичности важно оценить содержание и направленность не только научного, но и медийного дискурса, поскольку именно он становится посредником между властью или носителями политической воли и обществом; мостиком между массовой идеологией и личным мировоззрением. Здесь можно увидеть, как европейская идентичность как проект политических элит транслируется обществу, чтобы впоследствии обрести форму коллективной идентичности. Под медийным дискурсом чаще всего понимается сложная совокупность различных символических смысловых рядов, транслируемых посредством масс-медиа и формирующих систему представлений человека о мире и о себе (в том числе мифы), что, в свою очередь, обуславливает систему ценностных ориентаций, мотиваций и моделей поведения.

В данном случае нас интересовало количество и качество упоминаний ключевых слов, выявленных в ходе анализа научного дискурса европейской идентичности (см. табл. 2). Мы осуществили количественный анализ высказываний о европейской идентичности за год (июнь 2017 – июнь 2018) в трех самых цитируемых информационных агентствах:

- 1) ТАСС;
- 2) РИА Новости;
- 3) Интерфакс (по данным «Медиалогии») [Медиалогия, 2018].

Количество упоминаний ключевых слов по проблематике европейской идентичности данными агентствами представлено в табл. 3.

Таблица 3. Результаты поиска по ключевым словам в трех самых цитируемых информационных агентствах в СМИ (в период июнь 2017 – июнь 2018)

	Ключевые слова	РИА новости	ТАСС	Интерфакс
1	Европейская идентичность	89	36	10
2	Формирование европейской идентичности	15	4	-
3	Европейская идентичность и Россия	63	22	4
4	Проблемы европейской идентичности	33	11	2
5	Кризис европейской идентичности	22	7	-
6	Миграционный кризис в Европе	227	96	13
7	Европейские ценности	490	160	47
8	Культурная политика ЕС	113	36	7

Итак, в новостной ленте всех трех изданий преобладают упоминания европейских ценностей и миграционного кризиса в Европе. Тематика, связанная с формированием и кризисом европейской идентичности, в медийном дискурсе представленных изданий практически отсутствует.

Новостные ленты всех трех информационных агентств содержательно отражают основные социально-политические процессы, происходившие в ЕС на протяжении года (июнь 2017 – июнь 2018): референдум в Каталонии (попытки получить независимость), ситуация в Германии, последствия Brexit, курс евроинтеграции в Молдавии, кризис во взаимоотношениях России и ЕС.

– *Ситуация в Каталонии*: председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер называет ситуацию в Каталонии катастрофой: «Это не означает, что в Каталонии зарождалась война. История учит, что не надо возвращать региональные капризы и противопоставлять их национальной идентичности. Это не та форма, с помощью которой надо бороться за собственную идентичность. Кроме того, произошедшее в Каталонии не учитывает исторический момент. Европа — маленький континент. Он теряет влияние. Демография не быстро растет» [Юнкер назвал..., 2017]. Экс-премьер Франции и уроженец Барселоны М. Вальс также считает, что «отделение Каталонии от Испании не только обернется для региона “экономической катастрофой”, но и может разрушить Европу ... Необходимо предупредить каталонских лидеров и самих каталонцев: отделе-

ние от Испании означает выход из Европейского союза и из зоны евро» [Вальс рассказал..., 2017].

– *Ситуация в Германии*: после провозглашения канцлером Германии политики открытых границ (назвав прием беженцев «национальным долгом» и выразив уверенность, что миграция изменит страну) увеличился миграционный приток в страны ЕС. В Германии и других странах ЕС большинство населения негативно оценивает такую миграционную политику, так как интеграция мигрантов, как правило, мусульман, крайне затруднена во многих европейских странах.

– *Выход Великобритании из состава ЕС* находится в состоянии «замороженности», пока никто не предлагает какого-то конкретного решения. В целом дискурс Brexit слабо представлен в новостных сюжетах рассматриваемых информационных агентств. Данный вопрос обсуждался осенью 2017 г. на саммите по цифровым технологиям в Таллине, но внятных договоренностей достигнуто не было. Сами британцы считают, что выход из ЕС предоставит уникальный шанс восстановить британскую национальную идентичность. С октября 2019 г. подданные Великобритании начнут получать паспорта синего цвета вместо традиционного для ЕС бордового.

– *Молдавский кейс*: власти страны ориентированы на евроинтеграцию (демократическая партия Молдавии, которой принадлежит парламентское большинство, предлагает внести изменения в конституцию страны), однако президент страны против этой стратегии.

– *Расширение ЕС*: дискурс относительно расширения ЕС — незначителен, преобладают сюжеты, связанные с поиском путей сохранения альянса, но не расширения. Дается противоречивая оценка того, как дальше развиваться: создавать Соединенные Штаты Европы, т.е. двигаться по пути единого централизованного государства, либо сохранять национальную идентичность, самобытное лицо, историю и традиции народов стран — участниц ЕС. На саммите по цифровым технологиям в Таллине (сентябрь 2017 г.) обсудили реформирование ЕС по проекту Макрона: в первую очередь необходимо сохранить единство ЕС, во вторую — решить реальные проблемы европейских граждан.

В настоящее время обсуждается вопрос о возможностях Македонии войти в состав ЕС и о её новом названии — Республика Северная Македония. Итак, проект «европейская идентичность» редко транслируется в режиме новостной ленты рассматриваемых информационных агентств. Данный концепт употребляется авторами только в контексте двух ключевых сюжетов, определяющих проблемность проекта «Европейская идентичность», — миграционный кризис и действия России в отношении Украины и на Балканах.

– *Отношение к ЕС*: критичнее всех к Евросоюзу относятся французы и британцы, немцы в центре рейтинга, а поляки — среди категорических еврооптимистов. Уровень «информированности о ЕС» тоже драматически падает с востока на запад. *Евроскептические настроения* преобладают в настоящее время в Италии, Венгрии, Польше, Австрии и даже во Франции, Нидерландах и Германии. Многие из них позитивно настроены по отношению к России, за исключением Польши.

– *Отношение к России*: авторы новостных лент анализируемых информационных агентств создают позитивный образ России как участника международных отношений: «спасающая Европу», «помощник в борьбе за безопасность в регионе и мире», «заинтересованная в том, чтобы Евросоюз был крепким и самостоятельным партнером», «борющаяся за права российских граждан, находящихся за пределами страны» (Украина, Латвия), а также за традиционные ценности (против гей-пропаганды), за права христиан. Однако в оценках политических деятелей большинства стран — участниц ЕС, а также США преобладает антиросийская риторика. Широко представлено позитивное отношение к России в Молдавии, Италии, Венгрии. Согласно данным опроса, проведенного среди жителей Евросоюза, чем западнее европейская

страна, тем меньше в ней тех, кто считает, что Россия является частью Европы, т.е. чем дальше жители континента живут от реальной России, тем сильнее у них убежденность, что она никак не может составлять с ними одну сущность.

– Культурный аспект дискурса представлен следующими сюжетами:

Ноябрьская встреча в Страсбурге по религиозному измерению межкультурного диалога, собравшая на своей площадке представителей общественных организаций, дипломатов, экспертов. В 2017 г. основной темой встречи стал миграционный кризис в Европе. Руководитель общественного центра ИППО по защите христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке Е. Агапова отметила неоднородность подхода европейских стран к проблеме: «Несмотря на кажущееся единство в подходах к этой теме среди европейских стран, все равно есть группа стран (Чехия, Польша, Венгрия), которая не согласна с миграционной политикой, проводимой ЕС... В дискуссии по миграционной политике, ее улучшению в Европе неизбежно нужно фокусировать внимание на национальной европейской идентичности, которая сейчас сталкивается с угрозой» [Агапова..., 2017].

Представители европейской школы дизайна (в данном случае речь идет об итальянских дизайнерах) не считают глобализацию угрозой для культурной идентичности народов ЕС. К такому выводу пришли участники панельной дискуссии «Культурный код в дизайне. Влияние запада на мировой дизайн» в рамках XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Директор Итальянского института культуры в Москве Ольга Страда придерживается такого мнения: «Мы живем в эпоху глобализации, мы не можем выйти из этого состояния. ... Я думаю, что наша идентичность, традиции и история не будут противопоставлены гибридной культуре. Все-таки пэчворк состоит из лоскутков, и каждый лоскуток будет рассказывать о себе, о своей идентичной культуре» [Эксперты не считают..., 2017].

Публикации о положении христианства в Европе. По данным опросов (исследования центра Pew Research), проведенных в 15 европейских странах, верующие, вне зависимости от того, ходят они в церковь или нет, более склонны ставить культуру своей страны выше чужой. Отмечается корреляция религиозности и националистических настроений: верующие люди чаще говорят о том, что национальную идентичность определяет «чистота крови» [Европейские атеисты..., 2018].

Критическая оценка Россией и Молдавией украинского закона об образовании. «Украинское государство отказывает в образовании на родном языке, а европейские нормы говорят, что язык — это важнейший аспект и фундамент идентичности», — считает молдавский парламентарий В. Батрынча [Молдавский депутат..., 2017]. «Подписанный президентом Украины Закон “Об образовании” станет актом этноцида русского народа на Украине», — говорится в заявлении, принятом на заседании Госдумы РФ в сентябре 2017 г.

На саммите по цифровым технологиям в Таллине (сентябрь 2017 г.) обсудили необходимость создания новой концепции европейского образования, основанной на трансграничном обучении.

Таким образом, содержание и направленность проанализированных дискурсов в целом совпадают. Обсуждаются одни и те же вопросы. Однако медийный дискурс редко прибегает к использованию концепта «европейская идентичность», описывая процессы, происходящие в ЕС. Анализ культурных аспектов европейской идентичности показал отсутствие системности и комплексности в вопросах формирования и трансляции норм и ценностей европейской идентичности в СМИ.

Общеввропейская идентичность граждан ЕС складывается в условиях сохранения национального суверенитета стран, входящих в состав Европейского союза, и национальной идентичности их граждан. Такое положение вызывает ряд противоречий: с одной стороны, существуют национальные государства и культуры, сохраняются культурные, языковые, иные особенности народов стран — членов Евросоюза, с другой стороны, происходит постепенное укрепление чувства принадлежности граждан к Европейскому союзу, формирование у них наднациональной идентичности [Risse, 2003]. Анализ научного дискурса европейской идентичности показал, что европейская идентичность как политический проект — это самосознание граждан Евросоюза, осознание принадлежности к одному сообществу. В течение последних 50 лет под европейской идентичностью понимали общность принципов, принятых собственно Европейским союзом, которые разделяют почти все народы континента: демократия, свобода, права человека, терпимость и примирение европейских наций. На начальных этапах процесса конструирования европейской идентичности она мыслилась исключительно как политическая идентичность, а в настоящее время в осно-

ве ее формирования уже лежит не только понятие гражданства, но и социально-политическое и социокультурное единение. Трудности формирования общеввропейской культурной идентичности объясняются многообразием культурных идентичностей стран, входящих в европейское сообщество, различиями в соотношении культурных и политических компонентов в структуре национальной идентичности этих обществ. Принадлежность к разным странам ЕС, конфессиональные и этнические различия, а также историческая память о прошлом Европы, полном кровопролитных конфликтов, выступают факторами, ослабляющими в определенные моменты чувство общеввропейской солидарности.

Список литературы

Агапова И.П.О. ИППО может отправить новую партию гумпомощи в Сирию к Новому году // РИА Новости. 2017. 07 ноя. URL: <https://ria.ru/religion/20171107/1508341421.html> (дата обращения: 20.06.2018).

Беляева Е.Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза. М.: Прометей, 2012. 98 с.

Берендеев М.В. Дискурс «европейской идентичности» в условиях кризиса ЕС // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. Вып. 12. С. 146–154.

Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. Вып. 6. С. 70–79.

Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 4. С. 123–134.

Вальс рассказал о влиянии отделения Каталонии на единство Европы // РИА Новости. 2017. 15 окт. URL: <https://ria.ru/world/20171015/1506856084.html> (дата обращения: 20.06.2018).

Гончарук Н.С. Формирование наднациональной идентичности в условиях углубления социально-политических интеграционных процессов в ЕС: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2009. 24 с.

Дериглазова Л.В. Формирование гражданской идентичности в Европейском Союзе // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: программа и тезисы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 328 с.

Европейские атеисты оказались толерантнее христиан // Интерфакс. 2018. 30 мая. URL: <http://www.interfax.ru/world/614860> (дата обращения: 20.06.2018).

Европейские исследования в России (1992–2017) / под общ. ред. О.В. Буториной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 464 с.

Критерии европейской идентичности. Аналитическая записка / подгот. директором Центра глобальных проблем В.М. Сергеевым. М.: ИМИ МГИМО(У) МИД России. 12 с. URL: http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Analitika_IMI/kriterii-evrop-identichnosti_sergeev.pdf (дата обращения: 20.06.2018).

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. М.: Александрия, 2008. 398 с.

Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Современный дискурс Европейской интеграции: институциональный и культурный аспекты // *Credo New*. 2007. № 4. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/4_2007/1511-sovremennyj_diskurs_evropejskojj_integracii_institucionalnyjj_i_kulturnyj_aspekty.html (дата обращения: 20.06.2018).

Медиалогия. Рейтинги федеральных СМИ 2018 г. URL: <http://www.ml.ru/ratings/media/federal/5830/> (дата обращения: 20.06.2018).

Молдавский депутат раскритиковал украинский закон об образовании // РИА Новости. 2017. 12 окт. URL: <https://ria.ru/world/20171012/1506686689.html> (дата обращения: 20.06.2018).

Региональные отделения АЕВИС. URL: <http://aevs.ru/otdel.htm> (дата обращения: 14.04.2017).

Семенов И.С. Потенциал европейской идентичности как ресурса политической интеграции (что показали выборы в Европарламент) // *Человек. Общество. Управление*. 2014. № 3. С. 7–21.

Хенкин С. Мозаика самоидентификации европейцев: как выстраиваются приоритеты // *Перспективы*. 2014. 15 сент. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/mozaika_samoidentifikacii_jevropejcev_kak_vystraivajutsa_prioritety_2014-09-15.htm (дата обращения: 07.02.2014).

Эксперты не считают глобализацию угрозой для культурной идентичности народов // ТАСС. 2017. 18 окт. URL: <https://tass.ru/wfys2017/articles/4657133> (дата обращения: 20.06.2018).

Юнкер назвал ситуацию в Каталонии катастрофой // РИА Новости. 2017. 19 ноя. URL: <https://ria.ru/world/20171119/1509116251.html> (дата обращения: 20.06.2018).

A soul for Europe. On the political cultural identity of the Europeans / ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. Leuven, 2001. Vol. 1: A Reader. 214 p.

Declaration on European Identity. Copenhagen, Dec. 14. 1973. URL: http://www.ena.lu/declaration_european_identity_copenhagen_14_december_1973-020002278.html (дата обращения: 07.06.2013).

Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations // *West European Politics*. 2003. No. 26. P. 218–232. DOI: 10.1080/01402380412331300277.

Gfeller A.E. *Building a European identity. France, the United States and Oil Shock, 1973–1974*. N.Y.; L., 2012. 242 p.

Menendez A.A. Christian or a Laic Europe? Christian values and European identity // *Ratio Juris*. 2005. Vol. 18, no. 2. P. 179–205. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2005.00294.x.

Risse Th. The Euro between national and European identity // *Journal of European Public Policy*. 2003. No. 10. P. 487–505. DOI: 10.1080/1350176032000101235.

Получено 25.06.2018

References

Agapova: *IPPO mozhet otpravit novuyu partiyu gumpomoshi v Siryu k Novomu godu* (2017).

[Agapova: IOPS can send a new party of humanitarian aid to Syria by the New Year]. *RIA Novosti* [RIA News]. Nov 7. Available at: <https://ria.ru/religion/20171107/1508341421.html> (accessed 20.06.2018).

Belyaeva, E.E. (2012). *Kulturnaya integraciya kak osnovnaya strategiya politiki Evropejskogo soyuza* [Cultural integration as the main strategy of the European Union's cultural policy]. Moscow: Prometey Publ. 98 p.

Berendeev, M.V. (2012). *Diskurs «evropejskoj identichnosti» v usloviyah krizisa ES* [Discourse of «European Identity» in the Conditions of the EU Crisis]. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obschestvennye nauki* [IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science]. Iss. 12, pp. 146–154.

Berendeev, M.V. (2012). «Evropejskaya identichnost» segodnya: kategoriya politicheskoi praktiki ili diskursa [«European identity» today: the category of political practice or discourse?]. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obschestvennye nauki* [IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science]. Iss. 6, pp. 70–79.

Butorina, O.V. (ed.) (2017). *Evropejskie issledovaniya v Rossii (1992–2017)* [European studies in Russia (1992–2017)]. Tomsk University Publ., 464 p.

Cerutti, F. and Rudolph, E. (ed.) (2001). *A soul for Europe. On the political cultural identity of the Europeans*. Leuven: vol. 1: A Reader, 214 p.

Declaration on European Identity (1973). Copenhagen, Dec. 14. Available at: http://www.ena.lu/declaration_european_identity_copenhagen_14_december_1973-020002278.html (accessed 07.06.2013).

Deriglazova, L.V. (2014). *Formirovanie grazhdanskoj identichnosti v Evropejskom soyuze* [Formation of civil identity in the European Union]. *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: программа и*

tezisy [Man of the imputed world. Problems of identity and social adaptation in history and modernity: methodology, methodology and practice of research: Program and theses]. Tomsk: Tomsk University Publ., 328 p.

Enyedi, Z. (2003). Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations. *West European Politics*. No. 26, pp. 218–232. DOI: 10.1080/01402380412331300277.

Evropeyskie ateisty okazalis tolerantnee khristian (2018). [European atheists proved more tolerant than Christians]. *Interfax*. May 30. Available at: <http://www.interfax.ru/world/614860> (accessed 20.06.2018).

Experty ne schitayut globalizatsiyu ugrozoy dlya kulturnoy identichnosti narodov (2017). [Experts do not consider globalization as a threat to cultural identity of nations]. *TASS*. Oct. 18. Available at: <https://tass.ru/wfys2017/articles/4657133> (accessed 20.06.2018).

Gfeller, A.E. (1973). *Building a European identity. France, the United States and Oil Shock, 1973–1974*. New York, London, 242 p.

Goncharuk, N.S. (2009). *Formirovanie nadnatsionalnoy identichnosti v usloviyakh uglubleniya sotsialno-politicheskikh integratsionnykh processov v ES: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Formation of supranational identity in the context of socio-political integration processes deepening in the EU: Abstract of Ph.D. dissertation]. Orel, 24 p.

Henkin, S. (2014). *Mozaika samoidentifikatsii evropeitsev kak vystraivayutsya prioritety* [Mosaic of self-identification of Europeans: how priorities are built]. *Perspektivy* [Prospects]. Sep. 15. Available at: http://www.perspektivy.info/srez/val/mozaika_samoidentifikatsii_jevropejcev_kak_vystraivajutsa_prioritety_2014-09-15.htm (accessed 20.06.2018).

Le Goff, J. (2008). *Rozhdenie Evropy* [The Birth of Europe]. Moscow: Alexandria Publ., 398 p.

Lukin, V.N. and Musienko, T.V. (2007). [Contemporary discourse of European integration: institutional and cultural aspects]. *Credo New*. No. 4. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/4_2007/1511-sovremennyj_diskurs_evropejskojj_integratsii_institucionalnyjj_i_kulturnyyj_aspekty.html (accessed 20.06.2018).

Medialogiya. Reitingi federalnykh SMI 2018 [Mediology. Federal Media Ratings 2018]. Available at: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/> (accessed 20.06.2018).

Menendez, A.A. (2005). Christian or a Laic Europe? Christian values and European identity. *Ratio Juris*. Vol. 18, no. 2, pp. 179–205. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2005.00294.x.

Moldavskiy deputat raskritikoval ukrainskiy zakon ob obrazovanii (2017). [The Moldovan deputy criticized the Ukrainian education law]. *RIA Novosti* [RIA News].

Oct. 12. Available at: <https://ria.ru/world/20171012/1506686689.html> (accessed 20.06.2018).

Regionalnye otdeleniya AEVIS [Regional offices of AES]. URL: <http://aervis.ru/otdel.htm> (дата обращения: 14.04.2017).

Risse, Th. (2003). The Euro between national and European identity. *Journal of European Public Policy*. No. 10, pp. 487–505. DOI: 10.1080/1350176032000101235.

Sergeev, V.M. (ed.). *Kriterii evropeyskoy identichnosti. Analiticheskaya zapiska* [Criteria of European identity. Analytical note]. Moscow: IMI MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of Russia. 12 p.

Semenenko, I.S. (2014). *Potentsial evropeiskoi identichnosti kak resursa politicheskoi integratsii (chto pokazali vybory v Evroparlament)* [The potential of European identity as a resource of political integration (as shown by the elections to the European Parliament)]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. No. 3, pp. 7–21.

Vals rasskazal o vliyaniy otdeleniya Katalonii na edinstvo Evropy (2017). [Valls told about the influence of Catalonia's branch on the unity of Europe]. *RIA Novosti* [RIA News]. Oct. 15. Available at: <https://ria.ru/world/20171015/1506856084.html> (accessed 20.06.2018).

Weinstein, G.I. (2009). *Evropeyskaya identichnost: zhelaemoe i realnoe* [European identity: desired and real]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4, pp. 123–134.

Yunker nazval situatsiyu v Katalonii katastrofoy (2017) [Juncker said the situation in Catalonia disaster]. *RIA Novosti* [RIA News]. Nov. 19. Available at: <https://ria.ru/world/20171119/1509116251.html> (accessed 20.06.2018).

Received 25.06.2018

Об авторах

Шишкина Евгения Владимировна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры культурной антропологии
и этнической социологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: zhenjash@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0240-336X

Викторова Елена Владимировна

кандидат экономических наук,
директор Международного
информационно-аналитического центра

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21;
e-mail: elena.viktorova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2370-7872

About the authors

Evgenia V. Shishkina

Ph.D. in Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Cultural Anthropology and Ethnic Studies

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: zhenjash@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0240-336X

Elena V. Viktorova

PhD in Economics,
Director of International Analytic Centre

Saint-Petersburg State University of Economics,
21, Sadovaya str., Saint-Petersburg, 191023, Russia;
e-mail: elena.viktorova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2370-7872

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шишкина Е.В., Викторова Е.В. Культурные аспекты дискурса европейской идентичности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 437–449.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-437-449

For citation:

Shishkina E.V., Viktorova E.V. Cultural aspects of the European identity discourse // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 437–449. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-437-449

УДК 316.422:303.62

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-450-462

**ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КОНЦЕПТА
«СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ»:
ПРОБЛЕМА ДЕЗОРИЕНТИРОВАННЫХ ОТВЕТОВ**

Кузнецов Александр Евгеньевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье предложена простая техника анализа интервью с целью подтверждения эмпирической состоятельности такого неоднозначного концепта, как «социальный капитал». Под эмпирической состоятельностью здесь понимается способность концепта обозначать реальный объект (феномен), «референт» этого концепта. Цель статьи — не обнаружение феномена «социальный капитал», а описание некоторых методологических условий такого обнаружения. Эта цель достигается путем объяснения ответов интервью, не соответствующих ожидаемым ответам, — ответам, на получение которых были ориентированы вопросы интервью. Такие ответы, отклоняющиеся от исследовательской, плановой вопрос-ответной модели, мы называем дезориентированными ответами. Работа с такими ответами в статье рассмотрена на примере относительно простого вопроса о возможном контексте социального капитала: «Как могут работники помочь в усовершенствовании организации производства?» Ответы в большинстве своем касались мотивации и барьеров участия работников, т.е. не соответствовали вопросу. Кроме того, они показали, что работники одного подразделения могут давать взаимоисключающие оценки практик участия. Противоречия в ответах отражают структуры релевантности и объяснения, разнящиеся в зависимости от вовлеченности респондента в инновации на производстве. Мы полагаем, что ответы ориентированы не столько на смысл вопроса, сколько проблем участия в инновациях, отраженных в опыте респондентов. Следовательно, дезориентированные ответы можно рассматривать в качестве подтверждения способности вопроса исследовать реально существующие отношения на производстве.

Ключевые слова: социальный капитал, качественное интервью, инновация.

**THE EMPIRICAL GROUNDEDNESS OF THE «SOCIAL CAPITAL»
CONCEPT: THE CASE OF DISORIENTED ANSWERS**

Alexander E. Kuznetsov

Perm State University

Respondents often answer questions other than asked. In such instances, accounts are stimulated by questions but are not oriented to the tasks posed by the questions. This fact is rather unknown to positivistically-minded sociologists and tends to be overlooked by those trained in qualitative methods. Actually, how the latter deal with this problem cannot be said because their work with answers is rarely shown and is often reduced to gathering illustrations for ideas they seem to support. Although qualitative methodologies claim holistic approach, the attention sociologists pay to collected data is selective. While some accounts are taken into consideration, others are omitted as bearing no relevant evidence or as inadequate to the question. While much thought and paper is devoted to the art of asking questions, little is given to the problem of understanding answers. «Disoriented answers» occur when a respondent produces an answer that, on its face value, is not among the expected. Disoriented answers can be discounted by reference to contextual effects or discarded altogether. Still, this is a persistent fact that begs proper explanation. This paper proposes to assume that any answers are relevant as they exhibit respondents' understanding of questions and manifest their reference to some models that are broader than the supposed semantic scope of the question posed. The problem of disoriented answers is a challenge to qualitative and quantitative methodologies alike. The argument of this paper proceeds as follows: (1) «social capital», while being generally referred to effects of social networks, lacks any clearly defined referent, or «phenomenon», (2) 2 cases of sponta-

neously achieved accounts of social network' effects are contrasted to failed attempts directed at discovery of such accounts during an inquiry into the possible contexts of the social capital manifestations, (3) this contrast is explained by the fact that questions inquired into different contexts, that of ordinary production activities and that of innovative activities with the failed elicitation in the former context and successful in the latter, (4) question-answer pairs in the failed elicitation are examined, and it is shown that disoriented answers therein exhibit narrative structures, (5) these structures arise as respondents' attempt to accommodate the model of the question task within their model of their own workplace situations, (6) hence the failure to elicit references to social capital manifestations is due not to the deficiency of our tool but to the actual absence of social capital in contexts other than innovations. The capacity of the instrument not to find a phenomenon where there is none, is an advantage as compared to the survey instruments that ask suggestive questions and assume that respondents share the researcher's knowledge of the phenomenon under study, that they match it to their actual in situ phenomena, and that they (dis)confirm the match. On the contrary, we assume that concepts have various lay meanings and usages and that respondents can negotiate these meanings and apply concepts of questionnaire/guide items to practices other than those sought by the researcher. They do this not to flatter researchers' suggestions but in order to interpret questions about supposed experiences in terms of actual experiences. While this accommodation is purely conceptual, researchers might be led to treat it as empirical. The guide we employed did not use suggestive questions (of the «tell me about trust» type), but inquired into possible contexts of social capital (the «tell me about your work» type). The answers were expected to produce spontaneous accounts of «social capital» manifestations taken broadly as networks effects. The analysis proposed here did not rely on the usage of concepts; instead, what it did rely on was the discovery of narrative structures as products of respondents' conceptualizations of their workplace experiences.

Keywords: social capital, qualitative interview, narrative, innovation.

Социальный капитал

В социологии нет консенсуса относительно концепта «социальный капитал». В широкий научный оборот этот концепт введен Коулменом [Coleman J.S., 1986, 1987, 1988, 1990, 1992], а заслуга популяризации темы социального капитала, по-видимому, принадлежит Патнэму [Putnam R.D., 1993, 1995, 2000]. Портес считает «анализ Бурдьё доказуемо самым теоретически изощренным [...] в современном социологическом дискурсе» [Portes A., 1998, p. 3]. Бурдьё определяет «социальный капитал» как «сумму» или «агрегат актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием...», или «доступных индивиду или группе в связи с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства или признания» [Bourdieu P., 1980, p. 23; 1983, S. 190; 2004, p. 21; 1992, p. 119]. Обстоятельный обзор попыток определить социальный капитал [Adler P.S., Kwon S., 2002] показывает, что все они сводятся к двум моделям: (1) «это X, приобретаемый людьми в результате Y», как у Бурдьё, и (2) «X, благодаря которому люди приобретают Z». Независимо от способа определения источников (Y) и эффектов (Z) социального капитала у разных авторов сам он за редким исключением не соотносится с каким-либо определенным носителем (X). Это некие отношения, ресурсы, процесс, преимущества, обязательства и т.п.

Определенность им придается их эффектами, последствиями или функциями: «Социальный капитал определяется его функцией» [Coleman J.S., 1988, p. 98; 1990, p. 302], — пишет Коулмен, благоразумно отказавшись от прямого отождествления с нормами [см.: Coleman J.S., 1987]. Эту ошибку отождествления социального капитала с другим концептом повторяют Патнэм и Вулкок: социальный капитал — сети, нормы, доверие [Putnam R.D., 1995, p. 67] и информация [Woolcock M., 1998, p. 153]. Вулкок впоследствии отрекается от такого отождествления и признает, что любые определения социального капитала — только косвенные, через его источники либо последствия, и, отдавая преимущество первым, он отказывается от определения через «доверие» [Woolcock M., 2001, p. 13]. Но отчего доверие не может быть в числе источников социального капитала, а нормы и сети — в числе его последствий? Нам представляется, что любые концепты в составе определения социального капитала (нормы, доверие, сети, информация и т.д.) могут выступать в любом качестве — как источники и как последствия социального капитала. По всей видимости, здесь имеет место ошибка отождествления источников с последствиями, обычная для объяснений функционалистского типа [см., напр.: Stinchcombe A.L., 1968, p. 59]. Итак, общая форма определения социального капитала — $Y \rightarrow X \rightarrow Z$, где $Y = Z$, а X неопределенно.

Среди концептов, используемых в попытках дать социальному капиталу определение, только социальные сети, как кажется, имеют эмпирически несомненный, обнаруживаемый феномен. В этом смысле «социальная сеть — паттерн социальных связей в хорошо определенной группе участников» [Korut K.W., 2010, p. 3] — эмпирически состоятельный концепт. Можно также полагать, что социальные сети являются *необходимым* базисом, субстратом социального капитала, но, как показывают основополагающие работы по сетям, социальный капитал вовсе *не является необходимым концептом* для описания эффектов этих сетей. Например, в работах ведущего теоретика социальных сетей М. Грановеттера этого концепта нет вплоть до «Влияние социальной структуры на экономические результаты», где он лишь упомянут в глоссе: «работодатели и работники предпочитают узнавать друг о друге из личных источников, чьей информации они доверяют; [э]то пример того, что называется “социальный капитал”» [Granovetter M.S., 2005, p. 36]. Другой авторитетный исследователь сетей — Барт широко использует понятие «социальный капитал», но предложенные им определения разнятся. Социальный капитал определяется им предельно широко — как «преимущество, созданное локализацией человека в структуре отношений» [Burt R.S., 2005, p. 4]; также — *как сами эти отношения*: «игрок имеет социальный капитал: отношения (relationships) с другими игроками» или «имеет друзей, коллег и более широкие контакты, посредством которых [он] приобретает возможности применить [свой] финансовый и человеческий капитал» [Burt R.S., 1995, p. 8–9]. Наконец, это только фигура риторики — «метафора насчет преимуществ» [Burt R.S., 2001, p. 31–32].

В целом развитие концепций социального капитала [см., напр.: Adler P.S., Kwon S.,] недалеко ушло от первого опыта его применения в статье школьного инспектора Лайды Хэнифана: «Когда люди данной общины познакомились друг с другом и сформировали обычай собираться для досуга, общения и развлечения, т.е. когда аккумулирован достаточный социальный капитал» [Hanifan L.J., 1916, p. 131]. Социальный капитал основан на сетях, доверии, нормах и т.п., но *что* есть сам этот капитал? Эрроу советует «отказаться от метафоры капитала и самого термина “социальный капитал”» [Arrow K., 1999, p. 4]. Призыв отказаться от употребления концепта «социальный капитал» нобелевский лауреат Роберт Солоу мотивирует тем, что в этом концепте оказались «свале-

ны в кучу» любые позитивные эффекты сотрудничества [Solow R.M., 1999, p. 7; Dasgupta P., 2002].

Это заставляет задаться вопросом о целесообразности употребления концепта «социальный капитал». Ответ на этот вопрос зависит от ответов на вопросы:

1) обозначается ли термином «социальный капитал» сколько-нибудь определенный *феномен*?

2) есть ли у социологической науки средства *обнаружения* такого феномена?

В настоящей статье мы ограничиваемся вторым вопросом. (В какой-то мере ответом на него разрешается также и первый вопрос.)

Феномен — объект, доступный для наблюдения, могущий быть обнаружен путем наблюдения. Связь категорий с наблюдениями обеспечивают эмпирические индикаторы. Обзор литературы, представленный И.А. Германовым и Е.Б. Плотниковой (2017), дает следующий пул эмпирических индикаторов социального капитала: 1) число знакомых людей и поддерживаемых контактов в группе/коллективе, 2) статус контактантов, 3) затраты неделового времени на контакты с ними, 4) самооценка привязанности к коллегам, 5) оценка вероятности получения помощи от контактантов, 6) частота обращения за помощью, 7) психологические трудности при контактах или обращении за помощью [Германов И.А., Плотникова Е.Б., 2017]. Очевидно, что перечисленные индикаторы позволяют описать социальные сети, но не социальный капитал, который (в чем сходятся самые разные концепции) должен быть *эффектом* или *продуктом* социальных сетей. При всем разнообразии подходов к концептуализации социального капитала авторы избегают отождествления его с социальными сетями. Тот факт, что перечисленные индикаторы индицируют *другой феномен* (социальные сети), может быть связан с обычной для социологии *нисходящей* логикой интерпретации — от теории к наблюдениям. Поскольку *теория* социального капитала несостоятельна, т.е. не может указать сам объект теоретизирования, постольку не могут быть состоятельны и выведенные из нее *индикаторы* этого объекта.

Может ли задачу обнаружения феномена решать логика, *восходящая* от наблюдений к теории? Такая логика предполагает проведение качественного исследования.

Исследование

В июне и октябре 2017 г. в рамках исследования управления и инноваций на крупном промыш-

ленном предприятии (включая анкетирование работников, $n = 300$) группой исследователей ПГНИУ была проведена серия качественных интервью — 22 стандартизированных и два глубоких — с работниками, занимающими должности от рабочего до начальника цеха. Стандартизированные интервью (СК1–14, 16–21, 23) проводились по путеводителю с фиксированной последовательностью и формулировками вопросов. В двух случаях (глубинные интервью, СК15 и 22) было принято решение отказаться от следования путеводителю, поскольку респонденты оказались участниками внедрения новой технологии; вопросы были сосредоточены на теме внедрения и, как правило, сориентированы на раскрытие ранее данных ответов. Именно в этих интервью респонденты спонтанно вышли на обсуждение темы социального капитала.

Вопросы интервью посвящены организации производства и инноваций: получению производственных заданий, отношению рабочих к заданиям, выполнению заданий, обсуждению производственных и социальных вопросов, отношениям в коллективе, выдвижению предложений по усовершенствованиям, участию в собраниях, внедрениям новшеств, отношению к инновациям на производстве, роли профсоюзной и молодежной организаций.

Сообщения о социальном капитале

В интервью термин «социальный капитал» не использовался; обе стороны употребляли традиционное понятие «обмен опытом». Сам по себе этот термин еще не маркирует манифестации социального капитала. Такими индикаторами могут быть сообщения о фактах, связанных с эффектами (преимуществами) участия в социальных сетях.

В интервью с ведущим специалистом — СК15 — тема «обмена опытом» возникла в ответ на вопрос о связях между инженерами разных предприятий («*Существует ли среди вот сварное ремесло, так что ли скажем, такая профессиональная группа сварщиков, вот, я имею в виду, что выходя за рамки этого предприятия...?*») и сопровождалась настойчивым пробингом (вспомогательными вопросами, например, «*То есть люди обмениваются опытом своим, они перепишутся письмами, кто какие секреты мастерства знает?*»).

(1) Ну, есть группы, где сварщики объединяются. Тот же самый «Контакт». Эта социальная сеть. Есть там. Сварщики объединяются. Друг другу что-то советуют (СК15:498–

500)... Между собой общение есть обязательно, то есть и не только на уровне цеха, они общаются и со сварщиками с других цехов и где-то у себя там со знакомыми, то есть они общаются (СК15:508–510)... [Е]сть какие хитрости есть, кто-то задает вопрос, там, вот у меня трещит деталь, как что вот сделать, начинают люди там спрашивать какой материал, как ты там варишь, какой присадок, какой угол держишь, какие там режимы используешь, и начинаются советы как бы, как что дальше делать (СК15:515–518).

Прямое указание на сеть «ВКонтакте» как технический базис и на взаимный обмен советами можно рассматривать в качестве индикаторов манифестаций социального капитала. Распознавание манифестаций — в той или иной мере всегда результат интерпретации. Универсальных индикаторов в таких спонтанных, неофициальных кооперациях нет (и, вероятно, не может быть). Указания могут отличаться от интервью к интервью. Например, в СК22 термин «обмен опытом» не был введён интервьюером, а респондент использовал термин «советоваться».

(2) То есть мне вот люди даже из «С[фирмы]» из того же самого, вот я им задаю вопрос, ребята мне вот надо то-то, то-то, такую-то пластину, помощи подобрать. Технологам подбирают там. А потом с другого цеха либо вон соседи там те же самые с «П[завода]», бывает, к моим технологам прибегают. Или вон из 60-го с инструментального завода. Вот там такой-то, такой-то вопрос, а как вы это делаете. А мы делаем это так-то. А вы как это делаете? Я вот так частенько бегаю в 60-й советоваться. Там мне вот надо по внедрению нового изделия, не может у меня технолог это решить, но я точно знаю, что в 60-м он аналогичную операцию выполняет уже лет 70. Я просто иду к этому человеку (СК22:583–590).

Руководство предприятия использует неформальные связи между ИТР.

(3) Как нам вышестоящее руководство говорит. Когда что-то не получается, встает какой-то технологический вопрос, не можем мы сделать деталь, нам на совещании говорят следующим образом: не можете, берите командировочные, собирайте вещи и едьте туда и смотрите, как делают там. Вот и все. (.) То есть мы просто ездили и смотрели. Я также звонил, по знакомым. Звонил. Ребята, у вас есть на заводе электровизионные станки? Я

узнаю. Через два часа перезванивает и говорит, что у нас есть (СК22:610–621).

Таковы примеры сообщений о проявлениях социального капитала в двух интервью. В других интервью таких сообщений не было. Здесь можно предполагать, что на распространённость практик обмена опытом в социальных сетях действуют два ограничения:

1) потребность в таком обмене возникает только в некоторых группах высококвалифицированных ИТР, непосредственно задействованных в обновлении производства;

2) ускорение обновления и распространение коммуникационных сетей приходится на последние годы и обозначает недавнюю нижнюю хронологическую границу коопераций; например, на момент опроса обмен опытом между инженерами-сварщиками происходил только около года (СК15: 521).

Нельзя ли объяснить отсутствие сообщений о социальном капитале в других интервью недостатками инструмента? Для ответа на этот вопрос был проведён анализ вопросов о *контекстах* возможных манифестаций социального капитала. Анализируя контекстуальные вопросы, мы пытались ответить на вопрос:

Были ли с помощью этих вопросов обнаружены факты, достаточно существенные, чтобы утверждать, что сбор данных был относительно исчерпывающим, что отсутствие упоминаний о проявлениях социального капитала отражает отсутствие таких проявлений либо их несущественность для рабочих практик персонала?

Иначе тот же вопрос может быть задан так: не был ли сбор данных слишком «поверхностным» для распознавания манифестаций социального капитала?

Наиболее интересные результаты дал анализ ответов на вопрос, ближайший к теме социального капитала в СК15 и 22: на вопрос об участии работников в усовершенствовании производства.

Дезориентированные ответы

Режим стандартизированного открытого интервью [см., напр.: Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е., с. 182–187] допускает сравнение ответов разных респондентов.

Одно из важнейших преимуществ качественного исследования — возможность для исследователя обнаружить противоречия в данных и сформулировать обоснованные гипотезы. (Здесь «обоснованные» употреблено в том же значении,

что и в обоснованной теории: *grounded* — «обоснованное в данных»; в отличие от гипотез, сформулированных из опыта или изучения литературы.) Обоснование выводов данными (а не заимствованиями из теории или прошлых исследований) ставит исследователя перед проблемой объективности. Угрозы объективности валидности в литературе сводятся к 4 аспектам. Это — репрезентативность, реактивность (наличие в данных откликов, спровоцированных поведением интервьюера и инструментом), надёжность (обоснованность отбора наблюдений для анализа) и воспроизводимость результатов [Katz J., 2015]. Нетрудно заметить, что перечисленные аспекты сводятся только к внешней валидности и никак не соотносятся с ключевым вопросом любого эмпирического исследования: существует ли изучаемый феномен либо он *сфабрикован* исследователем? Опасность фабрикации феномена особенно высока для социальных исследований пропагандируемых идеологий, политик и концептов. Например, в нашей практике прямые вопросы о «социальном партнёрстве» провоцировали подтверждающие ответы респондентов там, где наблюдение и анализ документов, а также сравнение интервью респондентов с разными социальными позициями — однозначно говорили об отсутствии практик социального партнёрства. Феномен-фикция — воображаемая реальность, существующая только в корпусе данных; она соотносится с ошибкой I типа (ошибочное отклонение нулевой гипотезы), сформулированной Нойманом и Пирсоном-сыном [напр.: Neyman J., 1952, p. 55 ff.]. Исследователь приписывает своим наблюдениям связи, которыми они в действительности не обладают. Фикция феномена отражает дефекты исследовательского инструмента («артефакт инструмента» [Garfinkel H. et al., 1981, p. 153, 155]) и потому может быть репрезентативна, надёжна и воспроизводима.

Что в данных может свидетельствовать против ошибки фабрикации феномена? Исследователи часто полагают, что совпадения в показаниях респондентов свидетельствуют о надёжности и воспроизводимости результатов. Это безосновательное допущение. Если участники опроса поразному локализованы в изучаемой социальной практике или системе, их ответы на конкретный вопрос вряд ли могут совпадать. Расхождения могут быть естественны.

Один из вопросов, интерпретировавших концепт «социальный капитал», исследовал спонтанное низовое участие работников в развитии про-

изводства: «Как могут работники помочь в усовершенствовании организации производства?» Буквальный смысл этого вопроса — каковы *способы, пути* участия работников в усовершенствовании? Этот вопрос предполагает, что (1) организация производства несовершенна и может быть усовершенствована, что (2) процесс усовершенствования наличествует и допускает участие работников.

Эти допущения опровергнуты в части интервью: например, «у нас, в основном, производство отлажено очень хорошо. Сильно много-то не разбежаться по рационализаторской работе. То есть что-то модернизировать не больно-то можно» (КС16: 156–158). С другой стороны, вопросное задание было выполнено только в двух случаях! Это буквальный ответ на вопрос:

(4) «у нас есть журнал рабочих предложений, если что-то они хотят дополнить, то они дописывают туда» (СК17:85–90); «свои идеи когда выдвигают там, специальная форма у нас есть. То, что как бы всё, что думаешь, что поможет в производстве, там в эту форму заполняешь, его рассматривают потом — твое предложение. Рационально оно, нерационально» (КС14:146–149).

В большинстве интервью ответы выходили за рамки вопросного задания. Эти ответы мы характеризуем как *дезориентированные*, отклоняющиеся от вопросного задания. Строго говоря, ответам должны были соответствовать другие вопросы (приводим эти реконструированные вопросы с *):

(5) **Участвуют ли работники в усовершенствовании?* «Работники, они пишут предложения, ... рассматриваются и как бы если что-то действительно, реально, то выходит это в жизнь» (КС10:55–57); «Ну, я думаю, они этим и занимаются только лишь. То есть в процессе своей работы всегда свои замечания высказывает. Это фиксирует в книге рабочих предложений» (КС9:83–84).

(6) **Какого рода предложения вносят работники?* «Да, они предлагают, они э.: предлагают какие-то свои новшества, они предлагают э-э вот, вот как, например, э.: лу- лучше вот деталь зажать (перечисляет примеры)» (КС15:377–382).

(7) **В чем ценность участия работников?* Главный специалист: «они знают некоторые нюансы, которые неизвестны» (КС12:76–78); «работник напрямую связан с изготавливаемой деталью... то есть он более знает удобный подход к ней» (КС13:224–227); «я могу по

времени подсказать, например, что еще что-то придет в печку, или по загрузке у меня не влазит, там с технологом надо будет решать» (КС5:56–57).

(8) **Проявляют ли работники заинтересованность в усовершенствовании?* «Вы понимаете, сейчас в этом работники слегка не заинтересованы, потому что уровень персонала упал и сознательность упала, у персонала в общем» (СК2:82–83).

(9) **Какие существуют барьеры участия работников в усовершенствовании?* «Плохой фактор — то, что технологические службы не так быстро реагируют. Ну это может быть даже где-то не ихняя вина. Просто загруженность слишком большая» (КС9:83–86).

(10) **Какие средства могут устранить барьеры участия работников?* Декларативный ответ: «какие-то вот такие вот, эм, собрания, может, опросы, анкеты, чтобы люди писали, что их реально беспокоит, что им реально нужно. Потом все это формировалось в статистику, и как-то это...» (КС6:56–64).

Обсуждение

«Суть процесса качественного исследования — анализ случая локальной “ограниченной системы” (bounded system), контекстуализированной в более широких исторических и культурных рамках. Его цель — не сформулировать универсальную всеобщую теорию, а скорее пролить новый свет на исторический момент с помощью анализируемого случая» [Alasuutari P., 1996, p. 374]. Дезориентированные ответы указывали на (мнимые) причинно-следственные отношения: мотивацию, результаты, барьеры и т.п. Очевидно, участники упорядочивали события в своей практике в рамках модели, подобной, например, нарративной модели Тодорова. Связь событий образована переходами: (1) исходное состояние равновесия, (2) нарушается внешней силой, (3) состояние неравновесия, (4) воздействие силы противоположной направленности (5) приводит к новому состоянию равновесия, которое подобно, но всегда нетождественно первому, исходному равновесию [Todorov T., 1971, p. 39; 1977, p. 111]. Большинство из дезориентированных ответов может быть отождествлено с тем или иным переходом. Таким образом, модель Тодорова может быть культурным контекстом (основной интерпретации) для локальной системы (убеждений и интерпретаций опыта участников). Кроме того, выборка событий тенденциозна и отражает также

какие-то представления респондентов о *релевантности* объяснений и событий.

Отбор и упорядочение событий представляют структуры релевантности и нарративизации локальных объяснений, присущие культуре, а не исследователю. Заметные различия между ответами на один и тот же вопрос позволяют утверждать, что влияние последнего минимально. Вместе с тем опознание таких структур дает основания усматривать в ответах респондентов готовые естественные значения вопросов и самого ответа.

В социологии принято считать, что смысл *вопроса* известен исследователю, что он создается интерпретацией аналитических категорий [McCracken G., 1988]. Наши наблюдения доказывают обратное: респонденты, давшие противоречивые «дезориентированные» ответы, работали на одном производстве и принадлежали к самым разным категориям персонала. Противоречия не объяснялись ни общностью, ни различиями *респондентов*. Проблема смысла вопроса не столь тривиальна, как может казаться.

Социология — наука, получающая большую часть своих данных, задавая вопросы и получая ответы, не имеет теории вопрос-ответного взаимодействия. Такая теория разрабатывается в смежных социальных дисциплинах. Общая идея такой теории — смысл вопроса раскрывается ответами. В этнографическом исследовании «вопрос-наблюдение» есть базовая единица анализа [Spradley J.P., 1980, p. 73]. «Этнограф принимает за базовую единицу идеологии (или набора ожиданий от поведения) устойчивую вопрос-ответную пару, спонтанно производимую туземными информантами» [Black M., Metzger D., 1965, p. 142; Black M., 1963]. Такой «туземный концепт» (*native concept*, или вопрос-ответная единица, *Q-R unit*) устойчив, если воспроизводится несколькими информантами или неоднократно — одним информантом [Black M., Metzger D., 1965]. Идея вопрос-ответной пары как единицы анализа восходит к постулатам Урмсона («Не спрашивай о значении, спрашивай об употреблении») [Urmson J.O., 1960, p. 179–180], Витгенштейна («Значение слова — его употребление в языке») [Wittgenstein L., 1953, p. 8, 13ff.] и Коллингвуда. Такая постановка вопроса необычна для социологии, где значение вопроса не проблематизируется, а значение ответов считается функцией их связей, существующих независимо от вопросов.

Сравнивая ответы, мы обнаружили, что этнографы все же недооценивают сложность отноше-

ния «вопрос–ответ». Расхождения между вопросами и ответами в интервью объясняются различиями между «системами культурального значения», принадлежащими исследователю и информанту [Spradley J.P., 1979, p. 83]. Мы же видим, что эти различия характерны *для информантов*.

Проблема вопроса впервые поставлена еще Коэном [Cohen F.S., 1929]. Предполагается, что формирование вопроса — сложный процесс, проходящий ряд стадий [Taylor R.S., 1968, p. 182, 183; Sudman S. et al., 1996]; что вопрос уже содержит в себе допустимые ответы [Hamblin C.L., 1973, p. 52]. Ответы являются *интерпретантами* вопроса: значение вопроса есть набор допустимых ответов [Karttunen L., 1977; Krifka M., 2001]. Несмотря на попытки выделить разные подходы [напр.: Groenendijk J., Stokhof M., 2011], современные *семантические* теории вопроса-ответа сходятся в основных моментах [Thomason R.H., 2013] — в основном на базе положений, заявленных в теории деления (*partition theory*), восходящей к постулатам Чарльза Хэмблина [Krifka M., 2001]. В том числе (постулат 2) «Знание допустимых ответов есть знание самого вопроса» и (3) «Возможные ответы суть исчерпывающий набор взаимоисключающих альтернатив» [Hamblin C.L., 1958]. Альтернативы представляют результат *деления логического пространства* на области непротиворечивых ответов — на «состояния мира» [Aloni M., 2001; Dekker P. et al., 2007] или «состояния природы» [Higginbotham J., May R., 1981, p. 42; Harrah D., 2002, p. 36]. Это идеальное пространство определяется как «тотальность вещей, содержащихся в мире» или «тотальность фактов» [Tichy P., 1988, p. 177, 194]. Понимание направлено от ответа к вопросу: вопрос есть функция, определенная на возможных мирах [Tichy P., 1978].

Неоднократно авторы пытаются редуцировать вопрос к утверждениям. Вопрос представляется, например, как утверждение с дизъюнкцией [Groenendijk J., 2007]: вместо «S спрашивает, имеет ли место W» можно сказать «S знает, что имеет место W_1 , либо W_2 , либо W_3 , etc.». Промежуточный вариант — вопросы разных типов могут быть сведены к серии простых «да/нет»-вопросов о состояниях мира (т.е. о W) [Wisniewski A., 2006] — т.е. «альтернативных» или «дегенеративных» вопросов [Karttunen L., 1977, p. 383]. Это обычная практика в массовых опросах.

Исследователи различают уровни «вопрос–ответ» и «вопрошание–ответание». Понимание

вопроса неотделимо от понимания акта вопрошания [Harrish D., 2002, p. 51]. Следовательно, допускается влияние *интеракции* на понимание вопрос-ответной пары: влияют знания участников о мире, о собеседнике и предшествующем дискурсе [Hudson R.A., 1975, p. 4]. При всех достижениях в логико-лингвистическом исследовании вопрос-ответных пар имеются недостатки, которые проявились в нашем исследовании.

1. Пассивность отвечающей стороны (это «Природа»). Вопрос-ответный обмен якобы представляет собой модель или логику научного поиска *per se*, которую можно представить как последовательность выбора вопросов, в которой роли участников заявлены в очень одностороннем отношении: «вопрошатель» и «Природа» [Hintikka J., Harris S., 1988, p. 234]. Ответание на вопрос есть «устранение возможных миров» [Groenendijk J., 2007, p. 47]. Так наука получает точное знание о мире, постепенно исключая альтернативные «миры».

2. Ограничение допустимых вопросов ложным критерием истинности. Белнап настаивает на том, что истинный вопрос должен иметь один истинный прямой ответ из числа предусмотренных самим вопросом [Belnap N.D., 1964, 1966; Wisniewski A., 2016].

3. Трудности в анализе вопросов «Почему?» и «Как?», несмотря на то, что эти вопросы проще «нормальных» типов вопроса и даже являются «дегенеративными случаями» нормальных вопросов [Hintikka J., Halonen I., 1995, p. 637–638].

При анализе ответов на вопрос об участии в инновациях мы обнаружили, что (1) все альтернативные ответы одинаково допустимы, (2) не существует исконно «истинного» ответа, (3) ответы о причинах не предопределяются вопросами о причинах, (4) *как*-вопросы — это вопросы о *способах*, а не *процедурах*, «ведущих от данных исходных у условий к объясняемому результату» [см.: Hintikka J., Halonen I., 1995, p. 655]. В целом рассматриваемый здесь случай позволяет усомниться в верности направления логико-лингвистического анализа вопросов.

Наш анализ указывает, как представляется, на *обоюдную* направленность поиска: вопрошающий не имеет преимуществ над отвечающим («Природой»). Когда наши респонденты отвечали, они оспаривали и презумпции нашего вопроса, и логические следствия из него (отвлекаясь на оценку участия, мотивации и барьеров). Избыточные ответы явно нарушали максимы разговора [см.: Grice P., 1989], однако были продуктивны и

уместны. Здесь полезна аналогия с так называемыми «ошибками» аргументации. Например, ошибки нагруженных ответов («Вы уже перестали бить свою жену?»), черно-белых дихотомий («Наполеон III: просвещенный государственный либо протофашист?») [Walton D.N., 1991] состоят в допущении непроверенных предположений о состояниях мира. Наши респонденты сотрудничали с исследователем в проверке таких предположений. Прирост его знаний о производстве происходил за счет *опровержения* («что-то модернизировать не больно-то можно») либо *расширения* круга предположений (работники участвуют, не участвуют, не хотят участвовать, технологи не сотрудничают и т.д.). Противоречивость показаний респондентов отражает *различия в их участии в инновациях*. Следовательно, исследование охватило достаточно широкий круг позиций. Мы оцениваем эту противоречивость как естественное разнообразие, как свидетельство *достаточно исчерпывающего* характера сбора данных. Следовательно, отсутствие сообщений о манифестациях социального капитала в этом и других контекстуальных условиях можно считать аргументом в пользу отсутствия самого феномена — практик кооперации в социальных сетях. (С учетом вышеупомянутых ограничений.)

Ответы респондентов, в частности, соответствовали вышеозначенным условиям эмпирической состоятельности:

1. *Специфичность*. Сообщения соотносят социальный капитал с эффектами социальных сетей и не уравнивают социальный капитал с социальными сетями, избегая ошибки ряда существующих эмпирических индикаторов.

2. *Спонтанность*: сообщения не сводятся к подтверждению либо опровержению информации, а содержат новую информацию.

3. *Релевантность*: обнаруженная нами нарративная структура сообщений предусматривает легко проверяемую связь с вопросным заданием.

Таким образом, дезориентированные ответы адекватны вопросам, поскольку представляют собой расширенную интерпретацию вопроса.

Выводы

Индикаторы социального капитала — не концепты («число контактантов», «статус контактантов», «доверие», «нормы» и т.п.), требующие интерпретации в терминах информантов: какие *реальные* последствия для участников имеют число и статус контактантов, какие *события* составляют «доверие» и «нормы» участников, и т.д. Такое

понимание индикаторов соответствует духу и практике количественной социологии. Индикаторы социального капитала — отношения «вопрос — ответ»: это интерпретации вопросов в контекстах опыта респондентов.

Контекст обнаружения сообщений о социальном капитале дают вопросы не о взаимодействии (отношениях) в производстве, а вопросы о производственных инновациях.

Список литературы

- Германов И.А., Плотникова Е.Б.* Концептуализация и операционализация понятия «социальный капитал» в исследованиях организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 106–114. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114.
- Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999, 384 с.
- Adler P.S., Kwon S.* Social Capital: Prospects for a new concept // *Academy of Management Review*. 2002. Vol. 27. P. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.
- Alasuutari P.* Theorizing in Qualitative Research: A Cultural Studies Perspective // *Qualitative Inquiry*. 1996. Vol. 2. P. 371–384. DOI: 10.1177/107780049600200401.
- Aloni M.* Quantification under Conceptual Covers. Ph.D. thesis, University of Amsterdam, 2001. 203 p. URL: <http://maloni.humanities.uva.nl/tesi/tesi.pdf> (accessed: 29.04.2018).
- Arrow K.* Observations on Social Capital // *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C.: The World Bank, 1999. P. 3–5.
- Belnap N.D.* A Logic of Questions and Answers by David Harrah // *The Journal of Symbolic Logic*. 1964. Vol. 29, no. 3. P. 136–138. DOI: 10.2307/2271625.
- Belnap N.D.* Questions, Answers, and Presuppositions // *The Journal of Philosophy*. 1966. Vol. 63, no. 20. P. 609–611. DOI: 10.2307/2024255.
- Black M.* On Formal Ethnographic Procedures // *American Anthropologist*. 1963. Vol. 65(6). P. 1347–1351. DOI: 10.1525/aa.1963.65.6.02a00100.
- Black M., Metzger D.* Ethnographic Description and the Study of Law // *American Anthropologist*. 1965. Vol. 67(12). P. 141–165. DOI: 10.1525/aa.1965.67.6.02a00980.
- Bourdieu P.* 1985. The forms of capital // *The RoutledgeFalmer reader in sociology of education* / ed. by S.J. Ball. L.; N.Y.: RoutledgeFalmer, 2004. P. 15–29.
- Bourdieu P.* Le capital social // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1980. Vol. 31. P. 23–25. URL: http://www.persee.fr/doc/arss_0335-5322_1980_num_31_1_2069 (accessed: 01.06.2017).
- Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt Sonderband 2)* / hg. R. Kreckel. Göttingen, 1983. S. 183–198. URL: <http://unirot.blogspot.de/images/bourdieuKapital.pdf> (accessed: 07.04.2017).
- Bourdieu P., Wacquant L.J.D.* An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 312 p.
- Burt R.S.* Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital. Oxford, NY: Oxford University Press, 2005. 279 p.
- Burt R.S.* Structural holes: the social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 323 p.
- Burt R.S.* Structural Holes versus Network Closure as Social Capital // *Social capital: theory and research* / ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. N.Y.: Walter de Gruyter, 2001. P. 31–56.
- Cohen F.S.* What is a Question? // *The Monist*. 1929. Vol. 39, iss. 3. P. 350–364. DOI: 10.5840/monist192939314.
- Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 993 p.
- Coleman J.S.* Norms as Social Capital // *Economic Imperialism: The Economic Approach Applied Outside the Field of Economics* / ed. by G. Radnitzky, P. Bernholz. N.Y.: Paragon House Publishers, 1987. P. 133–155.
- Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94: Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. P. 95–120. DOI: 10.1086/228943.
- Coleman J.S.* Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // *The American Journal of Sociology*. 1986. Vol. 91, no. 6. P. 1309–1335. DOI: 10.1086/228423.
- Coleman J.S.* The Vision of Foundations of Social Theory // *Analyse & Kritik*. 1992. Vol. 14, iss 2. P. 117–128. URL: http://analyse-und-kritik.net/1992-2/AK_Coleman_1992.pdf (accessed: 20.08.2017). DOI: 10.1515/auk-1992-0201.
- Dasgupta P.* Social Capital and Economic Performance: Analytics. 2002. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.200.474&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 20.07.2017).
- Dekker P., Aloni M., Butler A.* The Semantics and Pragmatics of Questions // *Questions in Dynamic Semantics* / ed. by M. Aloni, A. Butler, P. Dekker. Langford Lane; Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 1–40.
- Garfinkel H., Lynch M., Livingston E.* The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar // *Philosophy of the Social Sciences*. 1981. Vol. 11. P. 131–158. DOI:

10.1177/004839318101100202.

Granovetter M.S. The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // *The Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19, no. 1. P. 33–50. DOI: 10.1257/0895330053147958.

Grice P. Studies in the way of words. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1989, 385 p.

Groenendijk J. The Logic of Interrogation // *Questions in Dynamic Semantics* / ed. by M. Aloni, A. Butler, P. Dekker. Langford Lane; Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 43–62.

Groenendijk J., Stokhof M. Questions // *Handbook of Logic and Language* / ed. by J. van Benthem, A. ter Meulen. Amsterdam; Boston: Elsevier, 2011. P. 1059–1131. DOI: 10.1016/B978-0-444-53726-3.00025-6.

Hamblin C.L. Questions // *Australasian Journal of Philosophy*. 1958. Vol. 36. P. 159–68. DOI: 10.1080/00048405885200211.

Hamblin C.L. Questions in Montague English // *Foundations of Language*. 1973. Vol. 10. P. 41–53.

Hanifan L.J. The Rural School Community Center // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916. Sep. Vol. 67: New Possibilities in Education. P. 130–138. URL:

<http://www.jstor.org/stable/1013498> (accessed: 30.07.2017). DOI: 10.1177/000271621606700118.

Harrah D. The Logic of Questions // *Handbook of Philosophical Logic* / ed. by D. Gabbay, F. Guenther. Amsterdam: Kluwer, 2002. Vol. 8. P. 1–60.

Higginbotham J., May R. Questions, Quantifiers and Crossing // *The Linguistic Review*. 1981. Vol. 1. P. 41–80. DOI: 10.1515/tlir.1981.1.1.41.

Hintikka J., Halonen I. Semantics and Pragmatics for Why-Questions // *The Journal of Philosophy*. 1995. Vol. 92, no. 12. P. 636–657. DOI: 10.2307/2941100.

Hintikka J., Harris S. On the Logic of Interrogative Inquiry // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. No. 1. P. 233–240. DOI: 10.1086/psaprocbienmeetp.1988.1.192990.

Hudson R.A. The meaning of questions // *Language*. 1975. Vol. 51, no. 1. P. 1–31. DOI: 10.2307/413148.

Karttunen L. Syntax and Semantics of Questions // *Linguistics and Philosophy*. 1977. Vol. 1, iss. 1. P. 382–420. DOI: 10.1007/BF0035193.

Katz J. A Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytic Fieldwork // *Méthod(e)s: African Review of Social Sciences Methodology*. 2015. Vol. 1:1–2. P. 131–146. DOI: 10.1080/23754745.2015.1017282.

Koput K.W. Social capital: An Introduction to Managing Networks. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2010. 176 p.

Krifka M. For a structured account of questions and answers // *Audiatur vox sapientiae. A Festschrift for Achim von Stechow* / ed. by C. Féry, W. Sternefeld.

Berlin: Akademie-Verlag, 2001. S. 287–319.

Krifka M. Quantifying into question acts // *Natural Language Semantics*. 2001. Vol. 9, no. 1. P. 1–40. DOI: 10.1023/A:1017903702063.

McCracken G. The Long Interview. Series: Qualitative Research Methods. Vol. 13. Newbury Park, CA: Sage, 1988. 88 p.

Neyman J. Lectures and conferences on mathematical statistics and probability. Washington: Graduate School, U.S. Dept. of Agriculture, 1952. 274 p. DOI:10.1214/aoms/1177731912.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24. URL: <http://www.jstor.org/stable/223472> (accessed: 19.07.2017). DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.

Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6(1). P. 65–78. DOI:10.1353/jod.1995.0002.

Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000. 544 p.

Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 247 p.

Solow R.M. Notes on Social Capital and Economic Performance // *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C.: The World Bank, 1999. P. 6–12.

Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p.

Spradley J.P. The ethnographic interview. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1979. 247 p.

Stinchcombe A.L. Constructing Social Theories. N.Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta: Harcourt, Brace & World, 1968. 293 p.

Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. Thinking about Answers. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1996. 304 p.

Taylor R.S. Question-Negotiation and Information Seeking in Libraries // *College & Research Libraries*. [S. l.]. 1968. Vol. 29, no. 3. P. 178–194. DOI: 10.5860/crl_29_03_178.

Thomason R.H. Interrogative Semantics in Perspective // *Festschrift for Jeroen Groenendijk, Martin Stokhof, and Frank Veltman* / ed. by M. Aloni, M. Franke, F. Roelofsen. Zwaag: Boekenbestellen.nl, 2013. P. 253–257.

Tichy P. Questions, Answers, and Logic // *American Philosophical Quarterly*. 1978. Vol. 15. P. 275–284.

Tichy P. The Foundations of Frege's Logic. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1988. 303 p.

Todorov T. The 2 Principles of Narrative // *Diacritics*. 1971. Vol. 1, no. 1. P. 37–44. URL: <http://www.jstor.org/stable/464558> (accessed: 13.06.2017).

Todorov T. The Poetics of Prose / trans. by R. Howard. N.Y.: Cornell University Press, 1977, 272 p.

Urmson J.O. Philosophical Analysis its Development between the two World Wars. Oxford: Oxford University Press, 1960. 201 p.

Walton D.N. Critical faults and fallacies of questioning // Journal of Pragmatics. 1991. Vol. 15(4). P. 337–366. DOI: 10.1016/0378-2166(91)90035-V.

Wisniewski A. An Axiomatic Account of Question Evocation: The Propositional Case // Axioms. 2016. Vol. 5(2). URL: <https://www.mdpi.com/2075-1680/5/2/14/htm> (accessed: 20.08.2017). DOI:10.3390/axioms5020014.

Wisniewski A. Reducibility of safe questions to sets of atomic yes-no questions // The Lvov-Warsaw School. 2006. Vol. 89. P. 215–236. DOI: 10.1163/9789401203371_012.

Wittgenstein L. Philosophical investigations / trans. by G.E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell, 1953. 287 p.

Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27(2). P. 151–208. DOI: 10.1023/A:1006884930135.

Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes // Isuma: Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2(1). P. 11–17. URL: <http://www.social-capital.net/docs/The%20Place%20of%20Social%20Capital.pdf> (accessed: 10.07.2017).

Получено 01.05.2018

References

Adler, P.S. and Kwon S. (2002). Social Capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*. Vol. 27, pp. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.

Alasuutari, P. (1996). Theorizing in Qualitative Research: A Cultural Studies Perspective. *Qualitative Inquiry*. Vol. 2, pp. 371–384. DOI: 10.1177/107780049600200401.

Aloni, M. (2001). Quantification under Conceptual Covers: Abstract of Ph.D. dissertation, University of Amsterdam. 203 p. Available at: <http://maloni.humanities.uva.nl/tesi/tesi.pdf> (accessed 29.04.2018).

Arrow, K. (1999). Observations on Social Capital. *Social Capital. A Multifaceted Perspective*. Washington, D.C.: The World Bank, pp. 3–5.

Belnap, N.D. (1964). A Logic of Questions and Answers by David Harrah. *The Journal of Symbolic Logic*. Vol. 29, no. 3, pp. 136–138. DOI: [org/10.2307/2271625](https://doi.org/10.2307/2271625).

Belnap, N.D. (1966). Questions, Answers, and Pre-suppositions. *The Journal of Philosophy*. Vol. 63, no. 20, pp. 609–611. DOI: 10.2307/2024255.

Black, M. (1963). On Formal Ethnographic Procedures. *American Anthropologist*. Vol. 65(6), pp. 1347–1351. DOI: 10.1525/aa.1963.65.6.02a00100.

Black, M. and Metzger, D. (1965). Ethnographic Description and the Study of Law. *American Anthropologist*. Vol. 67 (12), pp. 141–165. DOI: 10.1525/aa.1965.67.6.02a00980.

Bourdieu, P. (2004). 1985. The forms of capital. *The Routledge Falmer reader in sociology of education*. New York: RoutledgeFalmer, pp. 15–29.

Bourdieu, P. (1980). *Le capital social* [Social Capital]. *Actes de la recherche en sciences sociales* [Acts of research in social sciences]. Vol. 31, pp. 23–25. Available at: http://www.persee.fr/doc/arss_0335-5322_1980_num_31_1_2069 (accessed 01.06.2017).

Bourdieu, P. (1983). *Oekonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital* [Economic Capital, Cultural Capital, Social Capital]. *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt Sonderband 2)* [Social Inequality]. Goettingen, pp. 183–198. Available at: <http://unirot.blogspot.de/images/bourdieuKapital.pdf> (accessed 07.04.2017).

Bourdieu P. and Wacquant L.J.D. (1992). *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press. 312 p.

Burt, R.S. (2005). *Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital*. Oxford: Oxford University Press, 279 p.

Burt, R.S. (1995). *Structural holes: the social structure of competition*. Cambridge: Harvard University Press, 323 p.

Burt, R.S. (2001). Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. *Social capital: theory and research*. New York: Walter de Gruyter, pp. 31–56.

Cohen, F.S. (1929). What is a Question? *The Monist*. Vol. 39, iss. 3, pp. 350–364. DOI: 10.5840/monist192939314.

Coleman, J.S. (1990). *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Harvard University Press, 993 p.

Coleman, J.S. (1987). Norms as Social Capital. *Economic Imperialism: The Economic Approach Applied Outside the Field of Economics*. New York: Paragon House Publishers, pp. 133–155.

Coleman, J. S. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. Vol. 94: Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, pp. 95–120. DOI:10.1086/228943.

Coleman, J.S. (1986). Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*, Vol. 91, no. 6, pp. 1309–1335. DOI: 10.1086/228423.

Coleman, J.S. (1992). The Vision of Foundations of Social Theory. *Analyse & Kritik*. Vol. 14, iss. 2,

- pp. 117–128. Available at: http://analyse-und-kritik.net/1992-2/AK_Coleman_1992.pdf (accessed 20.08.2017). DOI: 10.1515/auk-1992-0201.
- Dasgupta, P. (2002). Social Capital and Economic Performance: Analytics. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.200.474&rep=rep1&type=pdf> (accessed 20.07.2017).
- Dekker, P., Aloni, M. and Butler, A. (2007). The Semantics and Pragmatics of Questions. *Questions in Dynamic Semantics*. Amsterdam: Elsevier, pp. 1–40.
- Garfinkel, H., Lynch, M. and Livingston, E. (1981). The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 11, pp. 131–158. DOI: 10.1177/004839318101100202.
- Germanov, I.A. and Plotnikova, E.B. (2017). *Kontseptualizatsiya i operatsionalizatsiya ponyatiya «sotsialnyi kapital» v issledovaniyakh organizatsii* [Conceptualization and Operationalization of the Social Capital Concept in Organizational Research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sotsiologiya*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1, pp. 106–114. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114.
- Granovetter, M.S. (2005). The Impact of Social Structure on Economic Outcomes. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19, no. 1, pp. 33–50. DOI: 10.1257/0895330053147958.
- Grice, P. (1989). *Studies in the way of words*. Cambridge: Harvard University Press, 385 p.
- Groenendijk, J. (2007). The Logic of Interrogation. *Questions in Dynamic Semantics*. Langford Lane, Amsterdam: Elsevier, pp. 43–62.
- Groenendijk, J. and Stokhof, M. (2011). Questions. *Handbook of Logic and Language*. Amsterdam, Boston: Elsevier, pp. 1059–1131. DOI: 10.1016/B978-0-444-53726-3.00025-6.
- Hamblin, C.L. (1958). Questions. *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 36, pp. 159–168. DOI: 10.1080/00048405885200211.
- Hamblin, C. L. (1973). Questions in Montague English. *Foundations of Language*. Vol. 10, pp. 41–53.
- Hanifan, L.J. (1916). The Rural School Community Center. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 67: New Possibilities in Education (Sep.), pp. 130–138. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1013498> (accessed 30.07.2017). DOI: 10.1177/000271621606700118.
- Harrah, D. (2002). The Logic of Questions. *Handbook of Philosophical Logic*. Amsterdam: Kluwer, vol. 8, pp. 1–60.
- Higginbotham, J. and May, R. (1981). Questions, Quantifiers and Crossing. *The Linguistic Review*. Vol. 1, pp. 41–80. DOI: 10.1515/tlir.1981.1.1.41.
- Hintikka, J. and Halonen, I. (1995). Semantics and Pragmatics for Why-Questions. *The Journal of Philosophy*. Vol. 92, no. 12, pp. 636–657. DOI: 10.2307/2941100.
- Hintikka, J. and Harris, S. (1988). On the Logic of Interrogative Inquiry. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. Chicago: The University of Chicago Press, vol. 1, pp. 233–240. DOI: 10.1086/psaprocbienmeetp.1988.1.192990.
- Hudson, R.A. (1975). The meaning of questions. *Language*. Vol. 51, no. 1, pp. 1–31. DOI: 10.2307/413148.
- Karttunen, L. (1977). Syntax and Semantics of Questions. *Linguistics and Philosophy*. Vol. 1, iss. 1, pp. 382–420. DOI: 10.1007/BF0035193.
- Katz, J.A. (2015). Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytic Fieldwork. *African Review of Social Sciences Methodology*. Vol. 1:1–2, pp. 131–146. DOI: 10.1080/23754745.2015.1017282.
- Koput, K.W. (2010). *Social capital: An Introduction to Managing Networks*. Northampton: Edward Elgar, 176 p.
- Kovalev, E.M. and Shteinberg, I.E. (1999). *Kachestvennye metody v polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Qualitative Methods in Field Sociological Researches]. Moscow: Logos Publ., 384 p.
- Krifka, M. (2001). For a structured account of questions and answers. *Audiatur vox sapientiae*. A Festschrift for Achim von Stechow [Let the voice of wisdom]. Berlin: Akademie-Verlag, pp. 287–319.
- Krifka, M. (2001). Quantifying into question acts. *Natural Language Semantics*. Vol. 9, no. 1, pp. 1–40. DOI: 10.1023/A:1017903702063.
- McCracken, G. (1988). *The Long Interview*. Series: Qualitative Research Methods. Vol. 13. Newbury Park: Sage, 88 p.
- Neyman, J. (1952). *Lectures and conferences on mathematical statistics and probability*. Washington: Graduate School, U.S. Dept. of Agriculture. 274 p. DOI: 10.1214/aoms/1177731912.
- Portes, A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24, pp. 1–24. Available at: <http://www.jstor.org/stable/223472> (accessed 19.07.2017). DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.
- Putnam, R.D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6(1), pp. 65–78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002.
- Putnam, R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 544 p.
- Putnam, R.D. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 247 p.
- Stinchcombe, A.L. (1968). *Constructing Social Theories*. New York: Harcourt, Brace & World, 293 p.
- Solow, R.M. (1999). Notes on Social Capital and Economic Performance. *Social Capital. A Multifaceted Perspective*. Washington, D.C.: The World Bank, pp. 6–12.

- Spradley, J.P. (1980). *Participant observation*. New York: Rinehart and Winston, 195 p.
- Spradley, J.P. (1979). *The ethnographic interview*. New York: Rinehart and Winston, 247 p.
- Sudman, S., Bradburn, N. and Schwartz, N. (1996). *Thinking about Answers*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 304 p.
- Taylor, R.S. (1968). Question-Negotiation and Information Seeking in Libraries. *College & Research Libraries*. [S. 1]. Vol. 29, no. 3, pp. 178–194. DOI: 10.5860/crl_29_03_178.
- Thomason, R.H. (2013). Interrogative Semantics in Perspective. *Festschrift for Jeroen Groenendijk, Martin Stokhof, and Frank Veltman*. Zwaag: Boekenbestellen.nl, pp. 253–257.
- Tichy, P. (1988). *The Foundations of Frege's Logic*. Berlin: De Gruyter, 303 p.
- Tichy, P. (1978). Questions, Answers, and Logic. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 15, pp. 275–284.
- Todorov, T. (1971). The 2 Principles of Narrative. *Diacritics*. Vol. 1, no. 1, pp. 37–44. Available at: <http://www.jstor.org/stable/464558> (accessed 13.06.2017).
- Todorov, T. (1977). *The Poetics of Prose. Trans. from Bulgarian*. New York: Cornell University Press, 272 p.
- Urmson, J.O. (1960). *Philosophical Analysis its Development between the two World Wars*. Oxford: Oxford University Press, 201 p.
- Walton, D.N. (1991). Critical faults and fallacies of questioning. *Journal of Pragmatics*. Vol. 15(4), pp. 337–366. DOI: 10.1016/0378-2166(91)90035-V.
- Wisniewski, A. (2016). An Axiomatic Account of Question Evocation: The Propositional Case. *Axioms*. Vol. 5(2). Available at: <https://www.mdpi.com/2075-1680/5/2/14/htm> (accessed 20.08.2017). DOI: 10.3390/axioms5020014.
- Wisniewski, A. (2006). Reducibility of safe questions to sets of atomic yes-no questions. *The Lvov-Warsaw School*. Vol. 89, pp. 215–236. DOI: 10.1163/9789401203371_012.
- Wittgenstein, L. (1953). *Philosophical investigations*. Transl. from Germ. Oxford: Blackwell, 287 p.
- Woolcock, M. (1998). Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory and Society*. Vol. 27(2), pp. 151–208. DOI: 10.1023/A:1006884930135.
- Woolcock, M. (2001). The place of social capital in understanding social and economic outcomes. *Isuma: Canadian Journal of Policy Research*. Vol. 2(1), pp. 11–17. Available at: <http://www.social-capital.net/docs/The%20Place%20of%20Social%20Capital.pdf> (accessed 10.07.2017).

Received 01.05.2018

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

About the author

Alexander E. Kuznetsov

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Эмпирическая состоятельность концепта «социальный капитал»: проблема дезориентированных ответов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 450–462. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-450-462

For citation:

Kuznetsov A.E. The empirical groundedness of the «social capital» concept: the case of disoriented answers // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 450–462. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-450-462

УДК 316.344.276

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-463-473

ДИСКРИМИНАЦИЯ ИНВАЛИДОВ НА РЫНКЕ ТРУДА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ*

Нацун Лейла Натиговна

Вологодский научный центр Российской академии наук

Инвалиды в российском обществе остаются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Негативные стереотипы об инвалидах и несовершенство механизмов поддержки ведут к их социальной эксклюзии, проявляющейся в том числе в дискриминации на рынке труда. Отношение к инвалидам определяется социокультурными особенностями общества и зависит от того, какой образ группы сложился в восприятии окружающих. Цель данной работы — обосновать необходимость устранения дискриминации инвалидов на рынке труда для преодоления их социальной эксклюзии. Информационную базу исследования составили данные государственной службы статистики, исследования российских авторов, результаты социологического опроса населения Северо-Западного федерального округа, социологических опросов инвалидов, проживающих в Вологодской области, проведенных в период с 2013 по 2017 г. На данных социологических опросов населения регионов Северо-Западного федерального округа продемонстрировано, что в представлениях окружающих инвалиды остаются зависимой и пассивной социальной группой, требующей поддержки со стороны государства. Большинство опрошенных (51 %) считают инвалидность непреодолимым барьером при трудоустройстве, а 63 % отметили, что даже наличие образования и профессиональной квалификации не даёт инвалидам преимуществ на рынке труда. Показано, что инвалиды третьей группы, в основном, не нуждаются в создании специальных условий труда. Поэтому преодоление негативного отношения к ним со стороны работодателей и успешное трудоустройство может дать быстрый экономический эффект. В перспективе планируется более подробно проанализировать эффективность имеющихся механизмов преодоления барьеров трудоустройства инвалидов и предложить пути их совершенствования. Результаты исследования могут представлять интерес для работников сферы социального управления, а также для исследователей, занимающихся проблемами качества жизни и социального участия инвалидов.

Ключевые слова: социальная инклюзия, инвалиды, отношение населения к инвалидам, положение инвалидов на рынке труда, дискриминация, социальная уязвимость.

DISCRIMINATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE LABOR MARKET AS A SOURCE OF SOCIAL VULNERABILITY

Leila N. Natsun

Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences

People with disabilities in Russian society remain one of the most vulnerable categories of the population. Negative stereotypes about persons with disabilities and inadequate support mechanisms promote their social exclusion and discrimination. The attitude to the disabled is determined by the socio-cultural characteristics of regional communities, and depends on the image of this group in the perception of others. The purpose of this work is to analyze the reasons for exclusion of the disabled and discrimination against them in the regional labor market. The information base of the study includes the data of the state statistics service, researches of Russian scientists, the results of a sociological survey among the population of the North-Western Federal District, sociological surveys of disabled people living in the Vologda region carried out in the period from 2013 to 2017. The surveys of

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

the Northwestern Federal District population demonstrate that in social perception disabled people remain dependent and passive social group which require support from the state. The majority of respondents (51%) consider disability an insurmountable barrier for employment, and 63 % noted that even the availability of education and professional qualifications does not give disabled people advantages in the labor market. It is shown that disabled persons of the third group, basically, do not need special working conditions to be created for them. Therefore, overcoming the negative attitude of employers and successful employment may turn to the quick positive economic effect. Further research will be focused on the detailed analysis of mechanisms which help disabled people to overcome employment barriers, efficiency of these mechanisms and ways to improve them. The results of the current research may be useful for social management specialists and for researchers focused on issues of life quality and social participation of persons with disabilities.

Keywords: social inclusion, people with disabilities, attitude of the population towards people with disabilities, position of persons with disabilities in the labor market, discrimination and social vulnerability.

Введение

Инвалидизация населения как социально-экономическая проблема рассматривается современными исследователями в контексте поиска путей снижения экономических потерь общества, связанных со слабой включённостью инвалидов в трудовую деятельность и высокими затратами на их медицинское обслуживание [Пушкарёв О.В., 2008]. Это оправдано с той точки зрения, что экономические расчёты — наиболее наглядное и доказательное средство объяснения воздействия рассматриваемого процесса на социальное развитие. В то же время в работах социологов основной акцент делается на том ущербе, который причиняют общество и государство самим инвалидам, создавая препятствия для их равного участия в трудовой, социокультурной и других сферах жизни [Доми-нелли Л., 2004]. Суждение, которое при этом разделяют большинство исследователей, состоит в том, что и общество, и инвалиды получают выгоду от интеграции. Очевидно, что участие инвалидов, к примеру, в трудовой деятельности, может приносить пользу государству в виде подоходного налога, взносов в пенсионный фонд и фонды обязательного медицинского и социального страхования. Работающий инвалид может получать большую выгоду от трудовой деятельности, а не от социальных выплат [Зязин В.Н., 2009, с. 60].

Методологический подход к объяснению социальной уязвимости определённых категорий граждан через категорию располагаемого дохода представляется нам ограниченным. Помимо экономического критерия социальной уязвимости мы рассматриваем также и социальное участие группы, её отношения с социумом. В этом контексте понятие социальной уязвимости оказывается тесно связанным с категориями «социальная эксклюзия» и «дискриминация». Отнесение инвалидов к числу социально уязвимых категорий населения обусловлено тем, что они обладают основными

признаками социальной уязвимости: «ограничены в доступе к материальным и нематериальным ресурсам», «подвержены риску социальной эксклюзии» [Шабунова А.А. и др., 2016, с. 39].

В основе дискриминации как социального явления лежит психологическая неготовность людей воспринимать инвалидов, как равных себе. Разделение на «мы» и «они» проявляется во время социологических обследований в форме низкой оценки готовности общества к интеграции, психологического дискомфорта, испытываемого при общении с инвалидами, а также в исключении инвалидов из состава своего социального окружения. Негативные эмоции и ощущения, ассоциирующиеся у людей с инвалидами, преобразуются в стереотипные образы этой категории [Бразевич С.С., 2013].

Для инвалидов последствиями дискриминации на рынке труда является неудовлетворительное материальное положение, исключение из социальных отношений и закрепление зависимости от государственного социального обеспечения. Под дискриминацией мы понимаем ущемление законных прав и интересов граждан. Дискриминация рассматривается нами как одно из проявлений социальной эксклюзии, которая, в свою очередь, понимается как ограничение в доступе к ресурсам и социальным институтам.

Данная работа нацелена на обоснование необходимости устранения дискриминации инвалидов на рынке труда для преодоления их социальной эксклюзии. Выбор территории для проведения анализа продиктован тем, что население Вологодской области характеризуется сходными со среднероссийскими показателями половозрастной структуры, распределения численности лиц по причинам первичного выхода на инвалидность, доли инвалидов в составе населения. В задачи исследования входит общая характеристика материального положения инвалидов, анализ степени и характера участия инвалидов в трудовой деятель-

ности, рассмотрение факторов, препятствующих трудоустройству инвалидов, формулирование рекомендаций, направленных на преодоление выявленных барьеров.

Материалы и методы

Для решения исследовательских задач, связанных с оценкой материального положения инвалидов, их участия в трудовой деятельности, был проведен анализ данных государственной статистики. Поиск причин низкой занятости инвалидов осуществлялся с учетом того, что в мировой практике принято выделять средовые и отношенческие барьеры социального участия (инклюзии) инвалидов. При этом средовые барьеры в контексте настоящей работы рассматривались в качестве объективных факторов, препятствующих трудоустройству инвалидов; их действие было проанализировано с использованием доступных статистических данных. Анализ влияния отношенческих барьеров требует применения специальных социологических методов. В рамках данной работы информационной базой для выявления барьеров социального участия инвалидов стали результаты **социологических опросов**, проведенных в Вологодской области¹. В них принимали участие граждане, которые имели статус «инвалид». Выборка опроса в 2016 г. квотирована по типу ограничений здоровья, общее число опрошенных — 132 чел., из которых по 42 человека проживали в крупных городах Вологде и Череповце; 48 — в малых районных городах: 25 — в Великом Устюге, 23 — в Соколе. Учитывая, что на 2016 г. общая численность проживающих на территории региона инвалидов составляла 116 000 чел., охват исследования составил 0,1 % генеральной совокупности. Для анализа представлений общества об инвалидах, их положении, проблеме дискриминации в процессе трудоустройства были привлечены данные массового социологического опроса населения нескольких регионов Северо-Западного федерального округа: Республики Карелия, Вологодской, Калининградской, Мурманской, Новгородской областей. Метод проведе-

ния опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Выборка репрезентативная, квотная. В 2017 г. в опросе приняли участие 3108 чел., из которых 1500 чел. проживают на территории Вологодской области, по 400 чел. — в Калининградской области и Республике Карелия, 401 чел. — в Мурманской области, 407 чел. — в Новгородской области.

В ходе работы мы столкнулись с проблемой ограниченности применения отдельных результатов исследования, которая обусловлена неоднородностью инвалидов как категории населения. Поэтому нами обосновано выделение среди инвалидов двух подкатегорий: лиц, испытывающих воздействие отношенческих и средовых барьеров на рынке труда, и лиц, не испытывающих воздействия средовых барьеров, но испытывающих негативное отношение работодателей. Предлагаемое разделение позволяет дифференцировать меры содействия трудоустройству инвалидов, сформулировать более адресные рекомендации по преодолению барьеров инклюзии.

Общая характеристика группы

Абсолютная численность инвалидов в целом по Российской Федерации, согласно данным Росстата на 2017 г., составила 12,3 млн. чел. Представленность инвалидов в общей численности населения — 8 %. Одним из факторов, определяющих формы социального участия людей, в том числе их экономическую активность, служит возраст. Поскольку в старших возрастных группах наблюдается более интенсивный первичный выход на инвалидность, среди инвалидов по численности преобладают лица от 50 лет и старше (67 % среди инвалидов в возрасте от 15 до 72 лет). Молодые инвалиды 15–29 лет составляют 9 % общей численности категории, лица в возрасте от 30 до 49 лет — 24 %. Региональные различия в уровне инвалидизации населения можно связать с дифференциацией темпов демографического старения населения [Русановский В.А. и др., 2014]. Среди работающих инвалидов в 2016 г. молодые составляли 9 %, среди безработных — 14 %. Пожилые люди 50 лет и старше составляли основную массу инвалидов, не участвующих в экономической жизни (76 % в 2016 г.).

Категория «инвалиды» неоднородна, что вызывает необходимость её разделения на подкатегории по степени воздействия на них отношенческих и средовых барьеров на рынке труда. К первой подкатегории мы можем отнести тех людей, которые не подвергаются действию средовых ба-

¹ Исследования проведены ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее ФГБУН ИСЭРТ РАН) в рамках выполнения работ по договорам с АУ ВО «Агентство мониторинга и социологических исследований». В 2013–2016 гг. проведены социологические опросы среди инвалидов Вологодской области 18 лет и старше. Метод опроса – анкетирование по месту нахождения респондентов. Выборка целевая, квотная. Ошибка выборки не более 5 %.

рьеров, связанных с потребностью в специальных условиях труда. В частности, в неё входят многие люди с третьей группой инвалидности, не нуждающиеся в создании оборудованных рабочих мест. Применительно к этой подкатегории отношенческие барьеры на рынке труда будут исходить преимущественно от работодателей, не готовых принимать в коллектив сотрудников с инвалидностью из-за дополнительных этических и юридических обязательств. Ко второй подкатегории будем относить лиц, подвергающихся действию и средовых, и отношенческих барьеров инклюзии. Это те, кто имеют заметные для окружающих проявления инвалидности, например, инвалиды по зрению, по слуху, использующие для передвижения кресло-коляску, имеющие психические заболевания, лица, испытывающие трудности с самообслуживанием. Средовые барьеры на рынке труда для данной подкатегории будут включать недоступность среды в населённом пункте и на предприятии, потребность в создании специально оборудованного рабочего места, несоответствие предлагаемых вакансий уровню квалификации. Отношенческие барьеры будут проявляться уже не только со стороны потенциальных работодателей, но и со стороны сотрудников предприятий, населения.

Согласно данным Росстата среди причин первичной инвалидности наибольшую распространённость в 2016 г. имели: «нарушение функций системы крови и иммунной системы» — 31 % (206 703 случаев), «нарушение нейромышечных, скелетных и связанных с движением функций», кроме случаев, вызывающих необходимость использования при передвижении кресла-коляски — 22 % (144 087 случаев), «нарушение функций сердечно-сосудистой системы» — 18 % (118 466 случаев). Следовательно, можно предположить, что значительная часть инвалидов режесталкивается с проблемой дискриминации и негативным отношением окружающих по сравнению с инвалидами, имеющими заметные для других людей нарушения здоровья.

Материальное положение инвалидов в регионах

Уровень дохода служит одним из основных критериев для определения степени благополучия социального положения человека. Как следует из данных обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Росстатом [Выборочное наблюдение..., 2017], большая часть дохода инвалидов формируется за счёт переданных им социальных

трансфертов (87 %), причём 69 % составляет пенсия, 18 % — социальные пособия и выплаты. Доля дохода от трудовой деятельности — 11 %. Для сравнения в домохозяйствах, состоящих из пенсионеров, наблюдается иное распределение: пенсия составляет 52 %, социальные пособия — 6 %, доход от трудовой деятельности — 40 %. В 2016 г. в денежном выражении средняя величина дохода от трудовой деятельности в расчёте на члена домохозяйства составляла 2506 руб. в первом случае и 11 324 руб. — во втором. Средняя по России величина располагаемого денежного дохода в расчёте на члена домохозяйства, состоящего только из инвалидов, составляла в 2016 г. 23 021 руб., что ниже, чем аналогичный показатель для домохозяйств пенсионеров (26 505 руб.).

В 2017 г. для 10,3 млн. неработающих инвалидов (83 % общей численности категории) материальное благополучие определялось величиной государственных пенсий по инвалидности, номинальный размер которых в период 2011–2017 гг. увеличивался. После пересчёта величины пенсий по инвалидности в базовые цены 2011 г. (поправка на величину индекса потребительских цен — ИПЦ) установлено, что их размер возрастал до 2014 г., а затем снижался, почти достигнув в 2017 г. уровня шестилетней давности (рис. 1). В тот же период динамика соотношения величины пенсий по инвалидности и величины прожиточного минимума пенсионеров, приведённых к ценам 2011 г., была неравномерна. Наилучшее значение зафиксировано в 2012 г., наихудшее — в 2015 г. Следует отметить, что для обеспечения сопоставимости данных с таковыми предшествующих лет исследования в расчётах нами использовалась величина пенсий по инвалидности за 2017 г. без учёта однократной выплаты в 5000 руб. То, что размер пенсионных выплат инвалидам за весь рассматриваемый период не превышал величины двух прожиточных минимумов, свидетельствует о кризисном состоянии пенсионной системы страны и её неготовности обеспечить достойный уровень жизни людям с инвалидностью, а также об иждивенческом характере и сложности материального положения представителей группы.

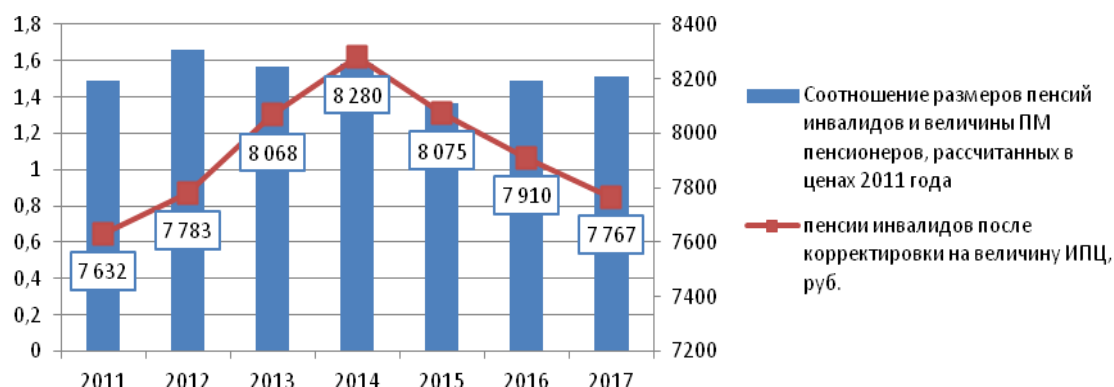

Рис. 1. Пенсии по инвалидности (в рублях), скорректированные на величину индекса потребительских цен, по отношению к скорректированной на величину индекса потребительских цен величине прожиточного минимума (ПМ) пенсионеров (раз)

Обозначения: размеры пенсий инвалидов отмечены по правой оси.

Примечание: размер пенсии по инвалидности за 2017 г. приводится без единовременной денежной выплаты, назначенной в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ (5 тыс. рублей).

Источник: Средний размер назначенных пенсий инвалидов: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/3-1.doc. Индекс потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2017 гг.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/I_ipc.xlsx. Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc.

Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведенного в 2016 г., подтверждают полученные выводы. В регионе значительная доля инвалидов испытывала сложности в покупке необходимых товаров (18 %), одежды (39 %) и предметов длительного пользования (33 %). Среди опрошенных, не имевших дополнительного источника дохода в виде работы, насчитывался 21 % людей, которым денег хватало только на продукты питания. Для сравнения: среди тех, кто и работал, и получал пенсию, только 14 % находились в подобном положении.

Наиболее очевидная мера для улучшения материального положения инвалидов — повышение пенсий и пособий по инвалидности. В то же время она не может оставаться единственным реальным инструментом обеспечения материального благополучия группы. Учитывая, что на 2017 г. 36 % (4394 тыс. чел.) российских инвалидов составляли граждане с третьей группой инвалидности, сохранившие трудоспособность, следует обратить внимание на содействие их трудоустройству как на одно из перспективных направлений социальной политики в интересах данной категории населения.

Положение инвалидов на рынке труда

Ограниченность источников поступления доходов делает инвалидов зависимыми от качества проводимой социальной политики, закрепляя их уязвимое положение в обществе. Повышение конкурентоспособности инвалидов на рынке труда может способствовать улучшению их материального положения. Сейчас уровень занятости инвалидов в России заметно ниже, чем в развитых странах. Если в 2016 г. в Германии работал 51 % инвалидов, то в России — только 17 % [Нацун Л.Н., 2017].

В настоящее время среди работающих инвалидов в России преобладают лица со второй и третьей группами инвалидности. В период с 2011 по 2017 г. наблюдался незначительный рост численности работающих инвалидов третьей группы (на 2 %) и заметное снижение численности работающих инвалидов второй (на 21 %) и первой групп (на 25 %, рис. 2). Поскольку инвалиды третьей группы сохраняют наибольшую готовность к трудовой деятельности, разрабатывая инструменты содействия трудоустройству инвалидов, необходимо ориентироваться именно на их потребности в первую очередь.

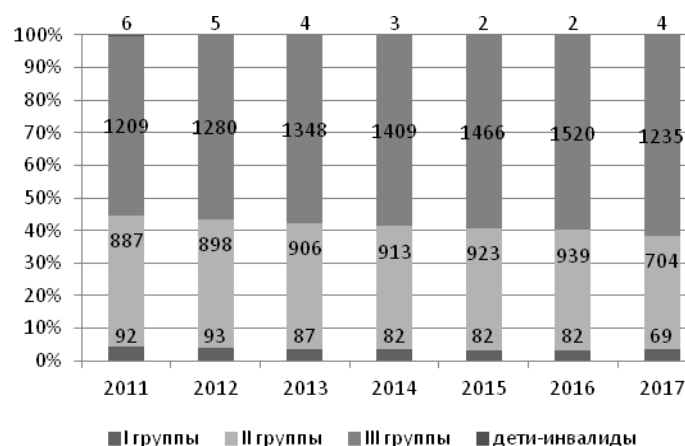

Рис. 2. Распределение работающих инвалидов по группам инвалидности, тыс. чел.

Источник: Сведения о работающих инвалидах, состоящих на учете в системе пенсионного фонда Российской Федерации / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4-1.doc.

Как правило, инвалидность третьей группы предполагает сохранение той или иной степени трудоспособности. Согласно данным Росстата среди инвалидов, проживающих в СЗФО, которым были выданы трудовые рекомендации, только 93 чел. с третьей группой инвалидности нуждались в создании специальных условий труда, 26 819 чел. могли работать в обычных условиях. В целом по России среди инвалидов третьей группы в специальных условиях труда нуждались 973 чел., в обычных условиях могли работать 312 033 чел.

Барьеры социального участия инвалидов

Препятствия, с которыми сталкиваются инвалиды при трудоустройстве, могут быть обусловлены действием объективных или субъективных факторов. В число объективных факторов входят экономические мотивы поведения работодателей, несовершенство действующих механизмов содействия трудоустройству инвалидов, отсутствие доступной среды. К субъективным факторам эксклюзии инвалидов на рынке труда принадлежит негативное отношение со стороны окружающих.

1.1. Объективные факторы, препятствующие трудоустройству инвалидов

Улучшение положения инвалидов в региональном сообществе напрямую зависит от величины их располагаемого дохода. Низкий уровень государственного материального обеспечения приводит к исключению инвалидов из числа платежеспособных потребителей, определяет их низкий уровень жизни. Преодоление сложившейся

ситуации в отношении нетрудоспособных инвалидов лежит в плоскости пересмотра проводимой социальной политики, а именно: в увеличении размера пенсий по инвалидности, а также увеличении объёма финансирования реабилитационных и лечебных мероприятий. В отношении инвалидов, сохранивших трудоспособность, приоритетом должна стать работа, направленная на включение их в трудовую деятельность.

Согласно данным Росстата ситуация на российском рынке труда складывается таким образом, что лишь незначительная часть инвалидов (16%), желающих получить новую профессию, действительно имеют реальную возможность это сделать, тогда как 41% из них в качестве основной причины, препятствующей получению новой профессии, указали недостаток денежных средств, а ещё 26% — нехватку времени. Следовательно, наиболее активная часть изучаемой категории населения попадает в неблагоприятную ситуацию: низкий уровень доходов не позволяет оплачивать получение новой профессии; невостребованность на рынке труда имеющейся специальности вынуждает либо не участвовать в трудовой деятельности, либо занимать рабочие места с минимальной оплатой труда, не требующие наличия квалификации.

В 2016 г. искали работу 142 929 инвалидов, из них трудоустроились — 55 758 чел. (39%). Причём согласно данным выборочного обследования рабочей силы только 32% инвалидов, искавших работу в 2016 г., обращались в государственную службу занятости населения. Среди причин необ-

ращения респонденты чаще всего указывали, что центр занятости ничем не может им помочь (40 %). Это указывает на необходимость расширения взаимодействия государственных учреждений с региональными и местными работодателями, готовыми создавать специальные рабочие места.

В настоящее время основными работодателями для инвалидов, нуждающихся в оборудованных рабочих местах, остаются созданные ещё в советскую эпоху специализированные производства. Однако в условиях рыночной экономики преимущества подобной формы содействия трудоустройству инвалидов не всегда могут перевесить её недостатки [Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р., 2010]. Приоритет согласно концепции независимой жизни инвалидов должен отдаваться формированию благоприятных для них условий труда на обычных предприятиях. Примерами реализации такой политики могут служить формы поддерживаемого трудоустройства в развитых странах мира [Нацун Л.Н., 2017]. Они не только позволяют улучшить материальное положение инвалидов, но и способствуют формированию более позитивного отношения к этой группе со стороны работодателей и населения в целом. В то же время российские предприятия не готовы нести дополнительные экономические издержки, связанные с созданием специально оборудованных рабочих мест инвалидам. Поэтому поддержка специализированных предприятий в ближайшие годы будет оставаться востребованной мерой содействия занятости инвалидов, нуждающихся в специальных условиях труда.

Препятствием для включения инвалидов в трудовую деятельность служит и несформированность доступной среды как на предприятиях, так и в целом в населённых пунктах. Несмотря на то что в регионах Российской Федерации уже на протяжении ряда лет реализуются программы, направленные на формирование доступной среды, сами инвалиды всё ещё отмечают полную или частичную недоступность для них объектов и услуг в некоторых сферах жизни.

В Вологодской области заметные улучшения в доступности объектов и услуг затронули сферы социальной защиты, информации и связи: в 2016 г. их доступность положительно оценили 64 и 74 % опрошенных инвалидов соответственно. Недоступными называют респонденты объекты жилого фонда (45 % опрошенных в 2016 г.), объекты и услуги транспорта (48 %), от которых в значительной мере зависит возможность добраться до других социально значимых объектов, а

также до своего рабочего места. В других регионах крайне сложной остаётся ситуация с обеспечением доступности для инвалидов объектов жилого фонда [Ламов И.Ф., 2009]. Особую важность результаты формирования доступной среды имеют именно в контексте развития общества равных возможностей. Доступная среда служит физическим «мостиком», связывающим две социальные реальности, пока существующие по отдельности: «мир» людей с ограниченными возможностями здоровья и «мир» здоровых людей [Богатырева В.В., 2017].

1.2. *Отношенческие барьеры социальной инклюзии инвалидов. Дискриминация инвалидов на рынке труда*

Опрос населения Вологодской области об отношении к проблемам инвалидов, проведённый в 2016 г., выявил, что психологический дискомфорт при общении с инвалидами испытывали 27 % респондентов, об отсутствии такового заявили 63 %. Реакция психологического дистанцирования при взаимодействии с инвалидами срабатывает только у одной трети населения региона. Это указывает на наличие психологической основы для социальной интеграции. Однако отсутствие дискомфорта при общении само по себе ещё не означает присутствия толерантного и доброжелательного отношения к инвалидам. Необходимы целенаправленные управленческие решения по формированию у населения этики и навыков повседневного общения с инвалидами.

По данным опроса инвалидов, проводившегося в Вологодской области в 2016 г., 62 % респондентов отметили неготовность общества к интеграции. Эти оценки сильно варьируют в зависимости от вида ограничения здоровья, который присутствует у респондентов. Хуже всего готовность общества к интеграции оценили люди, требующие помощи при передвижении. Среди них только 3 % дали положительную оценку готовности общества к интеграции, 81 % высказались отрицательно. Наиболее представлены положительные оценки готовности общества к интеграции (ответы «полностью готово» и «скорее готово») среди инвалидов по зрению и инвалидов по слуху — 26 и 18 % соответственно. Причем только среди инвалидов по слуху нашлись 6 % респондентов, которые полагают, что общество «полностью готово» к интеграции.

Среди инвалидов, принимавших участие в опросе, 46 % отметили, что для них отсутствует возможность свободного общения с окружающими людьми. Доля инвалидов, положительно оценива-

ющих возможность общения с окружающими, различается по категориям, выделенным на основании преобладающего типа ограничения жизнедеятельности. Больше всего таких респондентов среди инвалидов по зрению — 48 %, меньше всего — среди инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода — 32 %. Можно предположить, что, оценивая готовность общества к интеграции, инвалиды обращают внимание на качество социальных контактов. Если окружающие люди воспринимают их предвзято и проявляют недоброжелательность, скорее всего и взаимодействие будет носить характер конфликта. Такое общение не способствует, а препятствует интеграции.

Опираясь на данные того же соцопроса, можно утверждать, что значительная доля инвалидов Вологодской области в 2016 г. попадали в ситуации, когда чувствовали негативное отношение к себе со стороны окружающих. Чаще всего подобное происходило во время обращения в медицинские учреждения (отметили 32 % респондентов), передвижения по улицам города (19 %), поездок в общественном транспорте (12 %). Можно выделить «ситуации риска» — обстоятельства социального взаимодействия, когда вероятность столкнуться с негативным отношением со стороны окружающих для инвалидов наибольшая. Максимальному риску столкнуться с негативным отношением окружающих инвалиды всех категорий подвергаются при обращении в медицинские учреждения, а также при передвижении по улицам города. Помимо этого, инвалиды по зрению сталкиваются с негативным отношением во время посещения магазинов, торговых центров и поездок в общественном транспорте.

Для предотвращения таких ситуаций необходима систематическая работа профильных ведомств по обучению сотрудников, непосредственно взаимодействующих с людьми, этике общения с инвалидами, повышению их профессионализма. В учреждениях здравоохранения возможно внедрение системы премирования, учитывающей сложность и больший объём работы врачей с пациентами, имеющими инвалидность. Специальные рекомендации были бы полезны водителям и кондукторам общественного транспорта, в обязанности которых входит содействие посадке и высадке пассажиров, имеющих ограничения в возможностях самостоятельного передвижения или ориентирования. Проблемами городской дорожной сети и пешеходных зон являются неровное покрытие и отсутствие специальной разметки для людей с инвалидностью по зрению.

Слишком короткие временные интервалы, заданные на светофорах, регулирующих пешеходные переходы на городских улицах, создают сложности при пересечении проезжей части для людей, использующих инвалидные коляски, особенно если пешеходный переход не оборудован пологим спуском. Задержка транспортного потока в таких ситуациях часто вызывает у водителей раздражение, что не способствует формированию доброжелательного отношения к инвалидам.

В глазах населения инвалиды являются одной из наименее защищённых групп на региональном рынке труда. Таковой их считают 83 % участников опроса населения СЗФО. О негативном отношении к инвалидам работодателей заявили 50 % опрошенных, 51 % полагают, что инвалидность является непреодолимым препятствием для трудоустройства, 63 % отметили, что даже наличие образования и профессиональной квалификации не даёт инвалидам преимуществ при трудоустройстве. О том, что работодатели платят инвалидам меньшую зарплату по сравнению с обычными работниками за выполнение работ одинаковой сложности, заявили 43 % респондентов.

В работах российских авторов [Шумова Ю.В., 2014; Чуксина В.В., Комиссаров Н.Н., 2015] показано, что инвалиды подвергаются дискриминации на рынке труда, в том числе вследствие действий органов медико-социальной экспертизы. Дискриминация приводит к тому, что мотивация к труду среди инвалидов снижается. Это крайне негативная ситуация не только с точки зрения упущенных экономических выгод, но и в свете имеющихся данных о тесной взаимосвязи трудовой реабилитации, психологического благополучия и качества жизни людей с инвалидностью [Фадин Н.И., 2016].

Таким образом, для преодоления социальной эксклюзии инвалидов, вызванной существованием дискриминационных практик и несовершенством общественных институтов, необходимо принять ряд мер в сферах социальной работы с инвалидами, создания адаптированных рабочих мест, поддержки общественных организаций, предприятий, занимающихся решением проблем в области социальной инклюзии инвалидов. Должно быть продолжено совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия для решения задач по обеспечению социального участия инвалидов.

Выводы

Социальная инклюзия инвалидов в социум является важной задачей социального государства. В связи с тем что уровень благосостояния обуславливает уровень доступа к благам и услугам, его роль в обеспечении интеграции сложно переоценить. Материальное положение инвалидов практически полностью детерминировано условиями социальных гарантий, что определяет их низкий уровень жизни. При этом лица с ограниченными возможностями здоровья обладают трудовым потенциалом. В случае создания условий для его реализации «бонусы» получают и представители группы, и экономика страны: с одной стороны, вырастет уровень жизни, с другой — снизится бремя на бюджет, в том числе за счёт налоговых отчислений.

Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов и обобщений:

1) установлено, что неготовность общества к интеграции проявляется в форме отношенческих и средовых барьеров для участия инвалидов в различных сферах жизнедеятельности, в том числе трудовой; на российском рынке труда существуют препятствия для равного участия инвалидов в трудовой деятельности;

2) в повседневной жизни инвалидов можно выделить следующие основные «ситуации риска» — обстоятельства, в которых для них вероятность столкнуться с негативным отношением со стороны окружающих максимальна: обращения в медицинские учреждения, передвижение по улицам города;

3) на рынке труда дискриминирующими факторами служат: недостаточная гибкость форм трудоустройства, неприспособленность рабочих мест и неумение коллективов предприятий взаимодействовать с коллегой-инвалидом.

Показано, что лица с ограниченными возможностями здоровья обладают нереализуемым трудовым потенциалом, что актуализирует создание условий для их трудоустройства как одного из путей преодоления социальной эксклюзии:

1) трудоустройство инвалидов третьей группы, не нуждающихся в специально оборудованных рабочих местах, может принести наибольший экономический эффект за счёт высокой экономической активности этой группы, но только при условии устранения отношенческих барьеров со стороны работодателей и коллективов предприятий;

2) в качестве меры содействия трудоустройству инвалидов, нуждающихся в оборудованных рабочих местах, следует осуществлять поддержку специализированных предприятий, где коллекти-

вы формируются преимущественно из людей с инвалидностью.

Создание общества равных возможностей в значительной мере зависит от эффективности работы по устранению дискриминации инвалидов во всех сферах жизни. Просветительская работа с населением, работодателями благоприятно отразится на отношении к инвалидам со стороны окружающих. Трудоустройство может дать инвалидам дополнительный источник дохода и помочь социальной интеграции через изменение стереотипного представления об их незначительном вкладе в производство экономических благ. В свете снижения численности населения трудоспособного возраста особое внимание следует обратить на создание рабочих мест для инвалидов третьей группы. Это наиболее экономически активная часть исследуемой категории населения. Большинство из них не нуждаются в специальных условиях труда, поэтому издержки работодателей будут минимальны, а положительный экономический эффект будет достигнут быстрее.

Список литературы

Богатырева В.В. Организация доступной среды жизнедеятельности инвалидов в России и за рубежом // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 1(30). С. 10–13.

Бразевич С.С., Сидорова А.Ю. Инвалидность: проблемы преодоления стигматизации и становления толерантного сознания // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8192> (дата обращения: 20.02.2018).

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах / Росстат. 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html (дата обращения: 20.02.2018).

Доминелли Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 1. С. 29–52.

Язын В.Н. Система потребительских бюджетов и трудоустройство инвалидов // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 7(137). С. 55–60.

Ламов И.Ф., Варфоломеев А.Ю., Попов А.Н. Модернизация крупнопанельных жилых зданий на севере с учетом потребностей маломобильных групп населения // Экономика и управление. 2009. № 10. С. 47–51.

Наун Л.Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16, № 4. С. 663–680.

Пушкарев О.В. Статистический анализ зависимостей заболеваемости и инвалидности от ресурсов

здравоохранения и социальных ресурсов // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 4. С. 60–66.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 50–58.

Русановский В.А., Блинова Т.В., Бурмистрова И.К. Сдвиги в возрастной структуре населения России: оценка межрегиональных и гендерных различий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3(52). С. 71–78.

Фадин Н.И. Трудовая реабилитация инвалидов в концепции связанного со здоровьем качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4(202). С. 78–84.

Чуксина В.В., Комиссаров Н.Н. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 1. С. 126–134.

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2(44). С. 29–47.

Шумова Ю.В. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 89–92.

Получено 17.03.2018

References

Bogatyreva, V.V. (2017). *Organizatsiya dostupnoy sredy zhiznedeyatel'nosti invalidov v Rossii i za rubezhom* [The organization of accessible environment for disabled people in Russia and abroad]. *Yuridicheskiy Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Law gazette Kuban State University]. No. 1(30), pp. 10–13.

Brazevich, S.S. and Sidorova, A.Yu. (2013). *Invalidnost: problemy preodoleniya stigmatizatsii i stanovleniya tolerantnogo soznaniya* [Disability: problems of overcoming stigmatization and formation of tolerant consciousness]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 1. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8192> (accessed 20.02.2018).

Chuksina, V.V. and Komissarov, N.N. (2015). *Diskriminatsiya po priznaku invalidnosti v trudovykh otnosheniyakh* [Discrimination on the basis of disability in employment relations]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy]. Vol. 25, no. 1, pp. 126–134.

Dominelli, L. (2004). *Genderno neytralno? Zhenskiy opyt invalidnosti* [Gender neutral? Womens experience of disability]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The journal of social policy studies]. Vol. 2, no. 1, pp. 29–52.

Fadin, N.I. (2016). *Trudovaya reabilitatsiya invalidov v kontseptsii svyazannogo so zdorov'em kachestva zhizni* [Employment Rehabilitation of Disabled Persons in the Concept of Health-Related Quality of Life]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in Regions of Russia]. No. 4(202), pp. 78–84.

Lamov, I.F., Varfolomeev, A.Yu. and Popov, A.N. (2009). *Large-panel residential buildings modernization in the North with regard to the demands of limited mobility population groups* [Modernizatsiya krupnopanelnykh zhilykh zdaniy na severe s uchedom potrebnostey malomobilnykh grupp naseleniya]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. No. 10, pp. 47–51.

Natsun, L.N. (2017). *«Podderzhivaemoe trudoustroystvo» invalidov: obzor mirovogo opyta* [Supported Employment for People with Disabilities: a Review of International Experience]. *Vestnik Uralskogo Federal'nogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management]. Vol. 16., no. 4, pp. 663–680.

Poushkarev, O.V. (2008). *Statisticheskii analiz zavisimosti zabolevaemosti i invalidnosti ot resursov zdravookhraneniya i sotsialnykh resursov* [The statistical analysis of dependences of morbidity and disability on resources of public health services and social resources]. *Obschestvennoe zdorovye i zdravookhranenie* [Public Health and Health Care]. No. 4, pp. 60–66.

Romanov, P.V. and Yarskaya-Smirnova, E.R. (2010). *Invalidy i obschestvo: dvadtsat let spustya* [Disabled persons and society: twenty years later]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 50–58.

Rusanovskiy, V.A., Blinova, T.V. and Burmistrova, I.K. (2014). *Sdvigi v vozrastnoy strukture naseleniya Rossii: otsenka mezhtsegiionalnykh i gendernykh razlichiy* [Shifts in the demographic age structure in Russia: estimation of interregional and gender differences]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University]. No. 3(52), pp. 71–78.

Shabunova, A.A. et al. (2016). *Eksklyuziya kak kriteriy vydeleniya sotsialno uязvimykh grupp naseleniya* [Exclusion as a Criterion for Selecting Socially Vulnerable Population Groups]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. No. 2(44), pp. 29–47.

Shumova, Yu.V. (2014). *Diskriminatsiya po priznaku invalidnosti v trudovykh otnosheniyakh* [Discrimination on disability grounds in labour relations].

Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of South Ural State University. Series «Law»]. No. 2, pp. 89–92.

Vyborochnoye nablyudeniye dokhodov naseleniya i uchastiya v sotsialnykh programmakh (2017) [Selective observation of incomes of the population and participation in social programs]. Rosstat. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html (accessed 20.02.2018).

Об авторе

Нацун Лейла Натиговна
младший научный сотрудник

Вологодский научный центр
Российской академии наук,
160014, Вологда, ул. Горького, 56а;
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9829-8866

Zyazin V.N. (2009). *Sistema potrebitelskikh byudzhetrov i trudoustroystvo invalidov* [The system of consumer budgets and employment of persons with disabilities]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in Regions of Russia]. No. 7(137), pp. 55–60.

Received 17.03.2018

About the author

Leila N. Natsun
Junior Researcher

Institute of Socio-Economic Development
of Territories of the Russian Academy of Sciences,
56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russia;
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9829-8866

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Нацун Л.Н. Дискриминация инвалидов на рынке труда как проявление социальной эксклюзии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 463–473.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-463-473

For citation:

Natsun L.N. Discrimination of people with disabilities in the labor market as a source of social vulnerability // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 463–473.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-463-473

УДК 316.444+317.74

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-474-483

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Бородкина Ольга Ивановна, Лузянина Екатерина Гершевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Внутских Александр Юрьевич

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Статья посвящена современному состоянию международной трудовой миграции в Пермском крае. Международная миграция хотя и не занимает лидирующее место в миграционных процессах в данном регионе, тем не менее ощутимо влияет на формирование рынка труда. В работе анализируются данные, связанные с миграционными потоками в Пермском крае, а также приводятся результаты фокус-групп, проведенных в Перми в рамках реализации проекта «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России». Участниками фокус-групп были преимущественно молодые мигранты (в возрасте до 35 лет) из стран СНГ: Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Азербайджана. Они назвали главные проблемы, с которыми приходится сталкиваться трудовым мигрантам — иностранным гражданам. В первую очередь, были отмечены трудности самостоятельного получения трудового патента (сжатые сроки и высокая стоимость), сложности, связанные с получением регистрации, нежелание работодателей заключать официальный трудовой договор с мигрантами, ограниченный доступ к медицинским услугам, языковой барьер. Вместе с тем в Пермском крае развита организованная трудовая миграция, которая позволяет значительно упростить процесс оформления необходимых документов; в таких случаях работодателем выступает крупная компания, и все формальные вопросы решаются с участием посредников без особых сложностей. Результаты исследования также показали, что в Перми имеется достаточно успешный опыт социальной интеграции мигрантов, в частности, работает муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в Перми». Развитие международной трудовой миграции должно происходить не только с учетом экономических факторов, но и обязательно должно поддерживаться мерами по интеграции мигрантов, а это предполагает открытое и конструктивное взаимодействие органов самоуправления, НКО, в том числе национальных общественных организаций и государственных структур.

Ключевые слова: международная миграция, трудовые мигранты, Пермский край, трудовой патент, социальная интеграция мигрантов.

INTERNATIONAL LABOR MIGRATION IN THE PERM REGION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Olga I. Borodkina, Ekaterina G. Luzyanina

Saint Petersburg State University

Alexander Yu. Vnutskih

Perm State University,

Perm National Research Polytechnical University

The article discusses the contemporary situation with international labor migration in the Perm region (Perm Krai). Though the international migration does not take a leading place in the migration processes in this re-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10092) в Санкт-Петербургском университете.

gion, it still has significant influence on the formation of the labor market. The paper analyzes data related to migration flows in the Perm region, as well as the results of focus groups with migrants from the CIS countries held in Perm as part of the project «Social risks of international youth migration in contemporary Russia». Among the participants of focus groups were citizens of Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Azerbaijan. The results have revealed the main problems faced by foreign labor migrants. The most difficult problems were related with obtaining a labor patent (short deadlines and high costs), residence permit, unwillingness of employers to enter into an official labor contract with migrants, limited access to medical services, language barriers. At the same time, in the Perm region there is organized labor migration, making the process of receiving the required documents much easier; in such cases the employer is a large company, and all formal issues are resolved with the participation of intermediaries without any difficulties. The results of the study also show that Perm has a fairly successful experience of migrants social integration, in particular, there is a municipal program «Strengthening interethnic and interdenominational concord in Perm». The development of international labor migration should not only take into account economic factors but also should be supported by measures to integrate migrants, which involves effective and constructive interaction of self-government bodies and NGOs, including national public organizations, and state bodies.

Keywords: international migration, labor migrants, Perm region, labor patent, social integration of migrants.

Введение

Международная трудовая миграция является одним из наиболее значимых глобальных процессов. Практически во всех странах и регионах мира трудовая миграция в том или ином виде стала одной из ключевых социальных и политических проблем. Россия — в числе лидирующих стран по количеству принимающих международных мигрантов. Неслучайно поэтому проблемы международной трудовой миграции находятся в центре исследований как научных институтов, так и отдельных исследовательских групп (см., например, работы В.И. Мукомеля, М.В. Ремизова, Д.В. Полетаева, С.В. Рязанцева, Е.Б. Деминцевой, Н.В. Мкртчяна, Ю.Ф. Флоринской и других [Мукомель В.И., 2017а, 2017б; Ремизов М.В., 2015; Полетаев Д.В., 2017; Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И., 2015; Деминцева Е.Б. и др., 2018; Бородкина О.И. и др., 2017]). При этом приходится констатировать, что миграционные процессы в отдельных российских регионах исследованы недостаточно. К числу таких регионов относится и Пермский край, занимающий пятое место по валовому региональному продукту в ПФО и входящий в первый квартиль регионов России [Национальные счета...]. Целью представленной работы и является анализ основных тенденций и проблем международной трудовой миграции в Пермском крае.

Методы исследования

Исследование миграционных процессов в Пермском крае базировалось на анализе статистических данных, нормативно-правовых документах, вторичном анализе данных социологических исследований. Кроме того, были использо-

ваны качественные методы исследования, а именно экспертные интервью с представителями негосударственной организации, оказывающей услуги международным мигрантам (АНО «Миграция»), фокус-группы с международными трудовыми мигрантами, индивидуальные интервью с международными мигрантами.

Целью фокус-групп было выявление основных проблем, с которыми сталкиваются международные трудовые мигранты в Пермском крае. Пять фокус-групп с трудовыми мигрантами были проведены в октябре 2017 г. на базе Центра социально-культурной адаптации трудовых мигрантов Перми. Среди участников фокус-групп были мигранты из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Азербайджана. Число участников в каждой группе 4–6 человек, в основном это были мужчины в возрасте от 22 до 58 лет, причем большинству участников было до 35 лет. В целом состав участников фокус-групп отражает особенности организованной международной трудовой миграции в Пермском крае: это преимущественно молодые мужчины из стран СНГ.

Динамика и структура миграционных потоков в Пермском крае

Анализ внутрикраевой, внутрироссийской и международной миграции позволяет сделать вывод о доминирующей роли внутрикраевых миграций, дающих основной миграционный прирост населения муниципальных образований края. Численность прибывающих в краевой центр с разных территорий Пермского края остается в последние годы на уровне 4,5–5,6 тыс. человек. При этом по данным официальной статистики доля международного потока мигрантов в общем миграционном приросте невелика, а дина-

мика объемов прибытия не стабильна. По данным Росстата в 2012–2016 гг. в отношении международной миграции в целом в крае имеет место положительное сальдо, пик по данным за 2012–2016 гг. пришелся на 2014 г. (в край приехало 9244 человека). Причем более 80 % приезжающих составляют мигранты из стран СНГ; так, в 2016 г. из 5681 приехавших мигрантов 1552 приехали из

Украины, 993 — из Таджикистана, 460 — из Азербайджана, 445 — из Узбекистана, 410 — из Армении, 396 — из Киргизии [Пермский край в цифрах, 2017, с. 33]. Данные по динамике абсолютных показателей, характеризующих миграционные потоки в Пермском крае, приведены в таблице.

Динамика миграционных потоков в Пермском крае в 2012–2016 гг. (источник: данные Росстата)

<i>Мигранты, чел.</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>
Прибыло всего	79094	84618	85727	79740	83324
В т.ч. из др. стран	7933	7964	9244	6262	5681
В т.ч. из стран СНГ	6766	6913	8174	5305	4774
Выбыло всего	77184	84596	86785	83754	86525
В т.ч. в др. страны	1189	3495	6686	5728	4582
В т.ч. в страны СНГ	968	2833	5617	4863	3656

Тревогу у исследователей вызывают следующие тенденции миграции в Пермском крае. Во-первых, в последние годы количество уезжающих из края в целом выше количества приезжающих. Во-вторых, обеспокоенность вызывают серьезные содержательные различия этих двух потоков. С.П. Станишевская и И.Н. Якупова отмечают, что уезжают «наиболее квалифицированные кадры, на подготовку которых затрачены определенные средства региона. Более 80 % всех выбывших имеют уровень образования от общего среднего до высшего. Край постепенно теряет привлекательность для дорогой рабочей силы, становясь донором для других территорий». Напротив, «приезжают малообразованные граждане других стран. По данным Агентства занятости населения Пермского края трудовые мигранты в страны дальнего зарубежья приглашаются в основном на должности, требующие высокой квалификации, научных знаний или большого практического опыта. Мигранты из стран СНГ и ближнего зарубежья, наоборот, в основном приглашаются для выполнения неквалифицированных работ, чаще всего в сфере строительства. Основная масса мигрантов — это выходцы из бывших советских республик и КНР, претендующие на вакансии с низкой квалификацией: разнорабочие, дорожные рабочие, грузчики, дворники, работники общепита...» [Станишевская С.П., Якупова И.Н., 2015]. По данным за 2013 г. только четверть мигрантов (26,2 %) имеют среднее специальное или среднее профессиональное образование, каждый шестой (16,5 %) — высшее или незаконченное высшее; невысокий уровень образования особенно характерен для мигрантов из стран Средней Азии. Су-

щественным фактором, определяющим высокую долю мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Армении, является также безвизовый режим, установленный федеральными властями России в отношении этих стран [Станишевская С.П., Якупова И.Н., 2015, с. 131].

Основные характеристики международной миграции в Пермском крае: результаты социально-экономического исследования

Результаты исследований пермских специалистов в области социально-экономических процессов позволяют выделить основные тенденции миграционных процессов в Пермском крае. Так, в работе О.Ю. Антипиной «Институциональные рамки осуществления региональной миграционной политики» отмечается, что в 2000-х гг. власти многих регионов России столкнулись с двумя фактически противоречащими друг другу тенденциями: с одной стороны, с переходом от широко понимаемого федерализма к системному регулированию регионального законодательства, в том числе в сфере миграционного законодательства; с другой стороны, с нарастающей депопуляцией и неблагоприятными трендами миграции, требующими высокого уровня самостоятельности регионов в сфере управления миграцией. Автор констатирует, что в российской практике управления преобладает достаточно узкий подход, согласно которому миграционная политика трактуется как система регулятивно-ограничительных и стимулирующих (миграцию в трудодефицитные регионы) мер внутри одного государства, а не как система взаимодействия между государствами приема и исхода мигрантов; соответствующим образом понимают ми-

грационную политику и большинство российских исследователей. Поэтому и региональная миграционная политика понимается в первую очередь как система мер, осуществляемых региональными властями *в рамках актуальной федеральной миграционной политики* по управлению численностью, составом, движением, местом нахождения мигрантов, а также их адаптацией, фактически понимается как *система нормативно-правовых актов и ведомственных документов, прямо воздействующих на миграционные потоки.*

О.Ю. Антипина полагает, что такой подход не позволяет в полной мере учитывать объективные и всегда специфичные потребности регионов в избирательном регулировании миграционных потоков. В соответствии с таким подходом миграционная политика вообще не входит в компетенцию органов местного самоуправления. Вместе с тем именно они в современных условиях вынуждены принимать конкретные управленческие решения в данной области. Например, в условиях дефицита трудовых ресурсов (особенно высококвалифицированных специалистов в определенных отраслях производства) они призваны сделать регион привлекательным для таких мигрантов. Однако действуя в рамках своих ограниченных полномочий, муниципальные образования не способны выстраивать эффективную систему поощрительных мер в сфере миграции [Антипина О.Ю., 2011, с. 174–177].

В такой ситуации региональные власти сталкиваются с трудностями и в ходе информационного сопровождения миграции. Действительно, существует необходимость встречных потоков объективной информации: из регионов России для потенциальных мигрантов и от них — в российские регионы. Потенциальным мигрантам, помимо сведений общего характера, необходима объективная информация о ситуации в конкретном регионе России, включающая характеристику спроса на рынке труда, данные о средней зарплате, стоимости потребительской корзины и жилья, инфраструктуре, климатических и экологических характеристиках, о культурных особенностях и т.д. С другой стороны, для выстраивания стратегии миграционной политики каждому российскому региону необходимо иметь объективную характеристику потенциальных мигрантов. Таким образом, налицо необходимость встречных потоков информации: из России — для потенциальных мигрантов, и о них — в Россию. Теоретически в этой работе могли бы участвовать посольства и консульства России в соответствующих странах. Однако их деятельность находится под

юрисдикцией федерального центра. Возможно, определенную роль в формировании соответствующего информационного поля могли бы сыграть неправительственные организации. Однако пока что такая двусторонняя система формирования развита явно недостаточно, что порождает выраженную «асимметричность» информации: о ситуации в конкретном регионе России потенциальные мигранты узнают главным образом от родственников и знакомых [Станишевская С.П., Якупова И.Н., 2015, с. 131–132].

Как отмечают авторы, указанные тенденции миграционных процессов и противоречия управления миграцией в полной мере проявляются на уровне Пермского края [Антипина О.Ю., 2011, с. 177–179; Чекменева Л.Ю., Балина Т.А., 2017, с. 90–92; Станишевская С.П., Якупова И.Н., 2015, с. 130–131]. Характеризуя миграцию в Пермском крае, исследователи-экономисты исходят из того, что экономическая ситуация здесь является в целом сравнительно благоприятной по сравнению с другими регионами Приволжского федерального округа. В частности, среднемесячная начисленная заработная плата на протяжении последних лет была и остается одной из самых высоких в округе, хотя в отношении реальных доходов населения ситуация не столь однозначна [Пермский край в цифрах, 2017, с. 176; Средняя зарплата в Перми]. Очевидно, что этот фактор является весьма существенным для трудовой миграции в Пермский край. Показательно, что в 2015 г. двенадцать субъектов края имели положительный миграционный прирост, в том числе г. Пермь, Пермский и Краснокамский районы, а также Чайковский район и г. Кудымкар, т.е. это муниципальные образования с более устойчивой экономической ситуацией. Если говорить о международной миграции, то пермские исследователи констатируют, что большая часть мигрантов приезжают в край именно с целью трудоустройства, хотя нужно учитывать, что примерно у 10 % иностранных въехавших граждан цель въезда не соответствует заявленной; кроме того, по оценке УФМС Пермского края не менее 20 000 мигрантов трудятся нелегально [Антипина О.Ю., 2011, с. 178; Станишевская С.П., Якупова И.Н., 2015, с. 131].

Понимая важность экономического исследования трудовой миграции, мы констатируем, что экономическая перспектива далеко не полностью ее объясняет. В частности, Ю.В. Билан и И. Чабелкова отмечают, что адаптируя концептуальную модель человеческого поведения к действительности, следует принимать во внимание

принципиальную неполноту информации, определяющей экономическую мотивацию миграционного поведения, а также неэкономические мотивации и многообразные социокультурные факторы, приводящие к миграции. Следует учитывать институционально-нормативный аспект реальности, в котором действуют структуры, ограничивающие миграцию, либо, напротив, упрощающие ее. Например, индивиды не могут произвольно манипулировать миграционной политикой, но именно правовые, нормативные и социокультурные миграционные режимы, определяющие статус мигранта — легальный или нелегальный, в существенной мере определяют миграционные решения [Билан Ю.В., Чабелкова И., 2015]. Искажения информационного поля и особенности соотношения роли федерального и регионального уровня в управлении миграционными процессами в России, отмеченные пермскими исследователями, свидетельствуют именно об этом. Таким образом, вне социологического исследования картина трудовой миграции не будет полной. Попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел в исследовании трудовой миграции в Пермском крае и является данная работа.

Проблемы международных мигрантов в Пермском крае: результаты фокус-групп

В настоящее время значительная часть трудовых мигрантов в Пермском крае приезжает по приглашению крупных работодателей (в частности, крупной турецкой строительной фирмы) организованными группами. В этом случае проблем с получением трудовых патентов у мигрантов, как правило, не возникает.

«Я работаю в крупной строительной фирме. От нее едут в центр специалисты и решают все вопросы. Есть специальный персонал для решения данных проблем. Ездят в ФМС, в данный центр, узнают какие нужны документы, потом помогают нам» (Сабур, Узбекистан, 28 лет).

«Сейчас все нормально, патент делается» (Ойбек, Узбекистан, 21 год).

В то же время трудовые мигранты, которые самостоятельно занимаются оформлением необходимых документов, отмечают достаточно длительный срок оформления документов, что иногда приводит к невозможности вовремя получить трудовой патент и, как следствие, к возможной депортации из страны.

«Отношение нормальное. Но слишком много времени уходит на это, не успеваю. Все это можно сделать реально в течение пары часов, а

катаюсь по всему городу. Все надо сделать в одном месте. Все документы я сдал здесь, но получить я буду его в другом месте. Всем надо деньги. Почему не сделают все в одном месте? Лучше сделать одно место, а не 10. Я большую часть своей жизни прожил в России» (Решат, Таджикистан, 33 года).

«Я не согласен со сроками оформления патента. Всякие случаи бывают. Надо ездить туда-сюда. Можно совсем немного не успеть. Надо насчет штрафов что-то решить, это ненормально, что могут депортировать за небольшое опоздание» (Алима, Таджикистан, 32 года).

Среди других проблем, связанных с трудоустройством, участники фокус-группы отмечали высокую стоимость трудового патента и сложности получения регистрации по месту жительства.

«Патент слишком дорогой, и прописка. Патент через 3 дня выдается, прописка еще 2 месяца действует, а патент надо переоформлять. Мы приезжаем оформляем патент, прописка еще действует, а требуют прописаться заново» (Рассул, Узбекистан, 32 года).

Кроме того, у большинства опрошенных возникли проблемы с официальным трудоустройством; установленный порядок требует при оформлении патента указывать, где иностранный гражданин будет работать (ИП или юридическое лицо), но если речь идет не об организованной миграции по приглашению крупной компании, многие мигранты при въезде в страну не знают наверняка своего потенциального работодателя.

Одной из ключевых проблем международной трудовой миграции в Российской Федерации на сегодняшний день по-прежнему остается нелегальное привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан. Большинство мигрантов, по мнению участников фокус-групп, хотели бы работать по трудовому договору, но зачастую именно работодатель предпочитает неофициальные трудовые отношения.

«Трудовой договор все не заключают. У частного работаю, патент получаю, один месяц одно место работы, а другой в другом» (Ахмед, Таджикистан, 26).

«Я работаю по трудовому договору, чтобы меня потом снова не выгоняли из страны» (Зафар, Узбекистан, 25).

Остается актуальной и проблема получения медицинской помощи. В настоящее время все международные мигранты, оформляя трудовой патент, должны иметь полис ДМС. Очевидно, что мигранты стараются приобрести наиболее деше-

вые полисы, которые, по сути, покрывает только неотложные услуги, но, как показывает практика, даже с получением неотложной медицинской помощи возникают сложности.

«Со здоровьем у знакомых возникали проблемы. Например, звонили в скорую помощь и отказывают в оказании первой помощи, требуют медицинский полис. Требуют звонить в фирму, которая выдала полис, чтобы они их уведомили, проходит длительное время. Больница в стационар не принимает, полис ДМС — это бизнес, его не принимают. Страховые компании зарабатывают деньги... Насколько я знаю, полис ДМС не помог. Нелегально приходилось свой медицинский полис показывать за других людей, чтобы им оказали медицинскую помощь» (Рустам, 35, Таджикистан).

«ДМС — это туалетная бумага. Один земляк упал на стройке, в больнице сказали либо платно, либо езжай домой. Просто способ сбора денег» (Ахмед, 29, Таджикистан).

В этой связи следует отметить, что ситуация с медицинской помощью во многом зависит от страховой компании, с которой трудовые мигранты заключают договор. Среди участников фокус-групп были мигранты, которые получали необходимую медицинскую помощь.

«Мне помогли по ДМС, оказывали медицинскую помощь» (Шахром, 36, Таджикистан).

«Когда болел, бесплатно помогли, вылечили» (Хайрулло, 24, Таджикистан).

В целом же медицинские работники и экспертное сообщество полагают, что условия и параметры приобретения ДМС международными мигрантами должны быть пересмотрены в сторону увеличения спектра предоставляемых медицинских услуг.

Еще одна проблема, которая была озвучена участниками исследования, — языковой барьер. В настоящее время проблема изучения русского языка, в частности, связана с отсутствием необходимой инфраструктуры, и мигранты самостоятельно, чаще всего посредством повседневного общения, изучают русский язык.

«Были трудности, год молчал практически, понимал, но понимал речь... Через год начал нормально говорить» (Рассул, Узбекистан, 32 года).

«У всех есть трудности языковые, учимся понемногу» (Джавлон, Узбекистан, 21 год).

«Немного сложно говорить, но понимаю» (Михам, Таджикистан, 25 лет).

«Русский язык трудный. Мы учили его со 2 по 9 класс каждый день» (Нурбек, Киргизия, 28 лет).

Был также затронут вопрос экзамена по русскому языку. В настоящее время в этой сфере действует множество коммерческих структур, многие из которых не имеют права на выдачу сертификатов государственного образца, и, конечно, иностранным гражданам достаточно сложно самостоятельно разобраться в существующем рынке языковых услуг.

«Знакомый сдавал экзамен по русскому языку, потом ему сказали, что этот сертификат недействительный, с ним нельзя получить ничего. Он прожил здесь 5 лет, не выезжая из РФ, ему отказали в получении гражданства. Ему надо проходить какую-то программу по русскому языку, которую иностранные граждане, я думаю, в 99,99% случаев не пройдут. Даже славяне не пройдут многие этот экзамен, очень сложные вопросы» (Рустам, 35, Таджикистан).

Еще один важный вопрос для международных мигрантов касается квот на получение разрешения на проживание в Российской Федерации. Этот вопрос регулируется соответствующими правовыми актами Правительства РФ. Согласно Распоряжению № 2581-р от 22 ноября 2017 г. на 2018 г. установлена квота на получение разрешения на временное проживание в России иностранными гражданами в размере 90 360 шт., что более, чем на 20 000 меньше, чем на 2017 г. [Распоряжение Правительства РФ №2581-р, 2017]. Таким образом, количество квот на получение разрешения на временное проживание в России на 2018 г. снизилось почти на 20 % по сравнению с предыдущим периодом; что касается Приволжского федерального округа, то здесь квота составляет 15 000, из них на Пермский край приходится 700 штук [Распоряжение Правительства РФ №2581-р, 2017]. Иностранцы, прибывающие в Россию, как правило, не понимают систему квотирования, но многие из них из-за этого сталкиваются с отказом в получении разрешения на проживания в России.

«Я не понимаю, что такое квота. Я служил в той стране и всем на это наплевать... Сказали нет квот на жителей Таджикистана» (Али, Таджикистан, 30 лет).

Подводя итоги фокус-групп, а также учитывая результаты проведенных индивидуальных интервью, в целом можно констатировать, что основные проблемы связаны с трудоустройством и приобретением желаемого правового статуса. Следует отметить, что мигранты не высказывали жалоб относительно дискриминации, ксенофобии со стороны местного населения, во многом это

является результатом политики интеграции, проводимой местными властями.

Интеграция международных мигрантов в Пермском крае

Проблемы международной миграции не ограничиваются вопросами трудоустройства и получения правового статуса, так или иначе возникают вопросы социальной интеграции мигрантов. В этой связи необходимо отметить ряд успешных инноваций, характерных для Пермского края.

С 2015 г. в краевой столице работает муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в Перми», в рамках которой ежегодно открываются общественные приемные для мигрантов и их семей, оказывается необходимая консультационная и правовая помощь. Также в приемных выдаются памятки на пяти языках: русском, узбекском, таджикском, армянском и азербайджанском, в которых содержится информация о необходимых документах для постановки на миграционный учет, правила оформления патента, адреса и телефоны необходимых служб и ведомств. На информационном портале города Перми действует сайт по межнациональным и межконфессиональным отношениям (<http://etnokonf.gorodperm.ru>), на котором размещены полезные материалы для мигрантов, в том числе информация относительно организаций, работающих с международными мигрантами, а также календарь культурных событий, ориентированных на интеграцию мигрантов.

При главе города Перми создан Совет по межнациональным и конфессиональным отношениям, в состав которого входят представители религиозных организаций, национально-культурных автономий и общественных объединений, осуществляющих деятельность на территории города Перми; эксперты в сфере религиозных и национальных отношений; представители органов государственной власти и государственных органов Российской Федерации и Пермского края; представители органов местного самоуправления города Перми. Целью совета «является координация деятельности органов местного самоуправления города Перми по вопросам укрепления межнационального и межконфессионального согласия, поддержки и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории города Перми, реализации прав национальных меньшинств, обеспечения социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактики межнациональных (межэтнических) и межконфессио-

нальных конфликтов» [О Совете...]. На наш взгляд, опыт деятельности администрации Пермского края и города Перми по интеграции и адаптации международных трудовых мигрантов заслуживает внимания и более широкого распространения в других российских регионах.

Заключение

Процессы международной трудовой миграции в Пермском крае можно характеризовать с двух сторон. С одной стороны, для международной миграции в этом регионе характерны проблемы общероссийского масштаба, которые во многом являются следствием действующего миграционного законодательства, а именно: нелегальная трудовая деятельность мигрантов, проблемы получения трудовых патентов, ограниченный доступ к медицинским услугам, языковой барьер. С другой стороны, наблюдаются региональные особенности, связанные в первую очередь с особенностями экономического развития региона, деятельностью органов местного самоуправления и частными инициативами. Для региона характерна достаточно масштабная организованная трудовая миграция, по заказу крупных компаний, в том числе зарубежных, что в значительной степени облегчает для мигрантов процесс получения трудового патента и выполнение других необходимых формальностей. В регионе проводится последовательная работа по интеграции и адаптации международных мигрантов, что приводит к достаточно низкому уровню ощущаемой дискриминации мигрантов и низкому уровню социального напряжения. Представляется важным отметить поддержку со стороны властей деятельности НКО по работе с мигрантами, в том числе и в сфере оформления патента, прохождения медицинской комиссии, тестирования. На сегодняшний день и в достаточно длительной перспективе потребность в международных мигрантах в Пермском крае будет сохраняться, что предполагает разработку эффективных механизмов регулирования трудовой миграции. Решение этой задачи, на наш взгляд, невозможно без расширения правовых полномочий региональных властей, с одной стороны, и тесного открытого взаимодействия органов государственной власти, органов самоуправления и НКО — с другой.

Список литературы

Антипина О.Ю. Институциональные рамки осуществления региональной миграционной политики // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. № 11–1. С. 174–180.

Билан Ю.В., Чабелкова И. Интердисциплинарный подход к исследованию миграционных процессов // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 70–74.

Бородкина О.И., Соколов Н.В., Тавровский А.В. Социальные риски международной миграции в Россию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 10(3). С. 114–133. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.6.

Деминцева Е.Б., Мктрачян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 55 с.

Информация о пересмотре динамического ряда. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 30.01.2018).

Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79. DOI:10.21686/2500-3925-2017-6-69-79.

Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: адаптация, интеграция, дискриминация // Трудовая миграция на постсоветском пространстве: тренды, проблемы, возможности регулирования / под ред. И.В. Фроловой. Уфа: Мир печати, 2017. С. 18–35.

Национальные счета / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 29.07.2018).

Неединая Россия. Доклады по этнополитике / под ред. М.В. Ремизова. М.: Книжный мир, 2015. 480 с.

О совете / Информационный портал города Перми. URL: <http://etnokonf.gorodperm.ru/about-council> (дата обращения: 30.01.2018).

Пермский край в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник. Пермь: Пермьстат, 2017. 180 с.

Полетаев Д.В. Женская трудовая миграция из Центральной Азии в Россию (на примере Таджикистана и Кыргызстана) // Демография. Социология. Экономика / РАН Институт социально-политических исследований центр социальной демографии. 2017. Т. 3, № 1: Женская миграция: формы, тенденции, последствия. С. 34–55.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.11.2017 № 2581-р «Об установлении квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации на 2018 год» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7279.

Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Иностранцы: трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике // Экономическая политика. 2015. № 4. С. 21–29.

Средняя зарплата в Перми в 2017 году. URL: <https://bankiros.ru/wiki/term/srednaa-zarplata-v-permi> (дата обращения: 30.01.2018).

Станишевская С.П., Якупова И.Н. Анализ миграционных потоков в Пермском крае в условиях асимметрии информации // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2015. № 2(25). С. 127–134.

Чекменева Л.Ю., Балина Т.А. Миграционные процессы как фактор формирования современного демографического потенциала Пермского края // Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России? Материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2017. Т. 2. С. 89–92.

Получено 01.08.2018

References

Antipina, O.Yu. (2011). *Institutsionalnye ramki osuschestvleniya regionalnoy migratsionnoy politiki* [Institutional framework for the implementation of regional migration policy]. *Sovremennye Tendentsii V Ekonomike I Upravlenii: Novyy Vzglyad [Modern Tendencies in Economics and Management: New Opinion]*. No. 11–1, pp. 174–180.

Bilan, Yu.V. and Chabelkova, I. (2015). *Interdistsiplinarnyy podkhod k issledovaniyu migratsionnykh protsessov* [Interdisciplinary approach to migration studies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 9, pp. 70–74.

Borodkina, O.I., Sokolov, N.V. and Tavrovsky, A.V. (2017). *Sotsialnye riski mezhdunarodnoy migratsii v Rossiyu* [Social Risks of International Immigration into Russia]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. No. 10(3), pp. 114–133. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.6.

Chekmeneva, L.Yu. and Balina, T.A. (2017). *Migratsionnye protsessy kak faktor formirovaniya sovremennogo demograficheskogo potentsiala Permskogo kraya* [Migration processes as a factor in the formation of the modern demographic potential of the Perm region]. *Industrialnaya tsivilizatsiya: proshloe ili budushee Rossii? Materialy III Permskogo kongressa uchenykh-ekonomistov* [Industrial civilization: the past or the future of Russia? Proceedings of the III Congress of the Perm scientists-economists]. Perm, vol. 2, pp. 89–92.

Demintseva, E.B., Mkrachyan, N.V. and Florinskaya, Yu.F. (2018). *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration policy: diagnostics, challenges, suggestions]. Moscow: Center for Strategic Research Publ., 55 p.

Informatsiya o peresmotre dinamicheskogo ryada. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Infor-

mation on the revision of the dynamic series. Federal state statistics service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (accessed 30.01.2018).

Mukomel, V.I. (2017). *Migranty na rossiyskom rynke truda: zanyatost, mobilnost, intensivnost i oplata truda* [Migrants In the Russian labor market: employment, mobility, intensity and remuneration]. *Statistika i Ekonomika* [Statistics and Economy]. No. 6. pp. 69–79. DOI:10.21686/2500-3925-2017-6-69-79.

Mukomel, V.I. (2017). *Migranty na rossiyskom rynke truda: adaptatsiya, integratsiya, diskriminatsiya* [Migrants In the Russian labor market: adaptation, integration, discrimination]. *Trudovaya migratsiya na postsovetskom prostranstve: trendy, problemy, vozmozhnosti regulirovaniya* [Labor migration in the post-Soviet space: trends, problems, regulatory opportunities]. Ufa: Mir pečati Publ., pp. 18–35.

National accounts / Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (accessed 29.07.2018).

O sovete [About the Council]. Information portal of the Perm city. Available at: <http://etnoknf.gorodperm.ru/about-council> (accessed 30.01.2018).

Permskiy kray v tsifrakh. 2017: Kratkiy statisticheskiy sbornik (2017) [Perm region in numbers. 2017: Summary of statistical proceedings]. Perm, Permstat Publ., 180 p.

Poletaev, D.V. (2017). *Zhenskaya trudovaya migratsiya iz Tsentralnoy Azii v Rossiyu (na primere Tadzhikistana i Kyrgyzstana)* [Female labour migration from Central Asia to Russia (on the example of Tajikistan and Kyrgyzstan)]. *Demografiya. Sotsiologiya*.

Ekonomika [Demography. Sociology. Economics]. RAS Institute of Socio-Political Studies, Centre of social demography. Vol. 3, no. 1. pp. 34–55.

Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 22.11.2017 № 2581-r «Ob ustanovlenii kvoty na vydachu inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva razresheniy na vremennoe prozhivanie v Rossiyskoy Federatsii na 2018 god» [On setting limitation for foreign citizens and persons without citizenship to temporary permission for living on the territory of RF]. *Sobranie zakonodatelstva RF. 2017* [Summary of Russian Federation Laws for 2017]. No. 49, art. 7279.

Remizov, M.V. (2015). *Needinaya Rossiya. Doklady po etnopolitiki* [Non-United Russia. Reports on ethnic policy]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 480 p.

Ryazantsev, S.V. and Skorobogatova, V.I. (2015). *Inostrannye trudovye migranty na rossiyskom rynke truda i novye podkhody k migratsionnoy politike* [Foreign labor migrants on the Russian labor market and new approaches to migration policy]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy]. No. 4, pp. 21–29.

Srednyaya zarplata v Permi v 2017 godu [Average salary in Perm in 2017]. Available at: <https://bankiros.ru/wiki/term/srednaa-zarplata-v-permi> (accessed 30.01.2018).

Stanishevskaya, S.P. and Yakupova, I.N. (2015). *Analiz migratsionnykh potokov v Permskom krae v usloviyakh asimmetrichnosti informatsii* [The analysis of migration flows in the Perm region in the conditions of information asymmetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya :Ekonomika* [Perm University Herald. Economy]. No. 2(25). pp. 127–134.

Received 01.08.2018

Об авторах

Бородкина Ольга Ивановна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики,
социальной работы

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757

Лузянина Екатерина Гершевна

исследователь

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: Apelkate@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9841-1478

About the authors

Olga I. Borodkina

Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Theory
and Practice of Social Work

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757

Ekaterina G. Luzyanina

Researcher

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: Apelkate@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9841-1478

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4162-1033

Alexander Yu. Vnutskih
Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;

Professor of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4162-1033

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бородкина О.И., Лузянина Е.Г., Внутских А.Ю. Международная трудовая миграция в Пермском крае: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 474–483.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-474-483

For citation:

Borodkina O.I., Luzyanina E.G., Vnutskih A.Yu. International labor migration in the Perm region: problems and perspectives // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 3. P. 474–483.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-474-483

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortication With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка к заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London. O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenizionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2018 году будут бесплатными.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2018 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	30 марта
в № 2 — до 01 мая	28 июня
в № 3 — до 01 августа	28 сентября
в № 4 — до 01 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophy, 19.00.00 Psychology, 22.00.00 Sociology.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@vandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2018.

Submission deadlines in 2018

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 30
No 2 May 1	June 28
No 3 August 1	September 28
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@vandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2018
Выпуск 3

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Шеколовой*

Подписано в печать 24.09.2018
Дата выхода в свет 28.09.2018
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 19,5
Тираж 500 экз. Заказ 1266/2018

Релакционная коллегия выражает благодарность
за финансовую помощь в издании научного журнала
ООО «Агентство “Медиаинформ”»,
ОАО «ROSSET»

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке